

ПИОНЕР 10

1981

Вадим СКОМАРОВСКИЙ

Тетрадь в линейку

ПОЭМА

— До чего люблю ромашки,—
Повторял Гайдар негромко.—
И похожи все на солнце,
И к нему устремлены!..—
А в глазах была тревога:
Тучи шли—и неба кромка
Занималась, багровея,
Грозным заревом войны.
И росла тревога в сердце
За мальчишек, за девчонок,
Будто слышалось Гайдару,
Как скликает полк горнист.
...А примерно через месяц,
На заре, от дыма черной,
Он, Гайдар, приехал в Киев
Как военный журналист.

* * *

Есть пистолет, неразлучный с Гайдаром,
Есть и тетрадь, что всегда под рукой.
Слово оружием считают недаром—
Бить бы без промаха каждой строкой!
Первая, в синих линейках, страница
Сверху на поле помечена так:
Алая звездочка ярко лучится...
Это—начало, гайдаровский знак.
Даты и пункты. Все четко и кратко.
Замыслы. Письма: «Родные мои!..»
Ты с ним дружила, в линейку тетрадка,
Ты и от нас ничего не таи.

* * *

Печатается с сокращениями.

Лес так хорош—
То напевен, то тих.
И не сочтешь
Всех тропинок лесных.

Тропок не счесть,
Но дорога—одна.
Из лесу весть
Донесешь ли, война?
Сумрачный день.
Сплошь—воронки, зола.
Речку Ирпень
Скрыла дымная мгла.

Смотрит Гайдар
Сквозь завесу ветвей:
Что это, яр
Или цепи траншей?..

Вот он, овраг.
И—хоть верь, хоть не верь:
В нем и не враг,
И не раненый зверь,—
Двое детей
Затаенно сидят!
Спрыгнул скорей,
Крепко обнял ребят.

В голосе—боль:
— Ах, ромашки мои...
Вы здесь давно ль?
Вы откуда и чьи?—

В светлых глазах—
И любовь и тепло.
Девочкин страх
Как рукою сняло.
А мальчуган—
Он и так, видно, смел.
Звезды, наган—
Все заметить успел.

— Дядя, а вы,
Может быть, из Москвы?
— Да, из Москвы.
— А Гайдар... это вы?
Мал, да удал!
И вопрос тот—как дар...
— Ты угадал,
Я и вправду Гайдар.

Девочка вмиг
Объявила спеша:

— Знаю из книг
Мальчиша, Мальчиша!

...Где ты, Мальчиш,
Мой Мальчиш-Кибальчиш?
В битву летишь
Иль убитый лежишь?

Нет, не угас
Жар отважной души:
Ты среди нас,
Как и все Мальчиши.
В трудные дни
Где Чубук, Бумбараш?
С нами они!
Значит, верх будет наш!

Люди—в беде,
Небосклон еще хмур...
— Дядя, а где
Наш товарищ, Тимур?
«В сердце твоём,—
Так подумал Гайдар.—
Все мы идем
Сквозь военный пожар».

Во фронтовой,
Грозовой полосе
Свой это свой,
И тимуровцы—все.

* * *

— Как зовут, ребята, вас?—
И девочка—звонко:
— Я Оксана, он Тарас,
Я—его сестренка!..
И Гайдару все она
Рассказала вскоре:
Как застала их война
В лагере, на море...
Что в пути у них потом
Вышло при бомбежке...
А теперь, мол, близок дом
И знакомы стежки.
Вон в лесок бежит одна:
Пять минут и—дома!

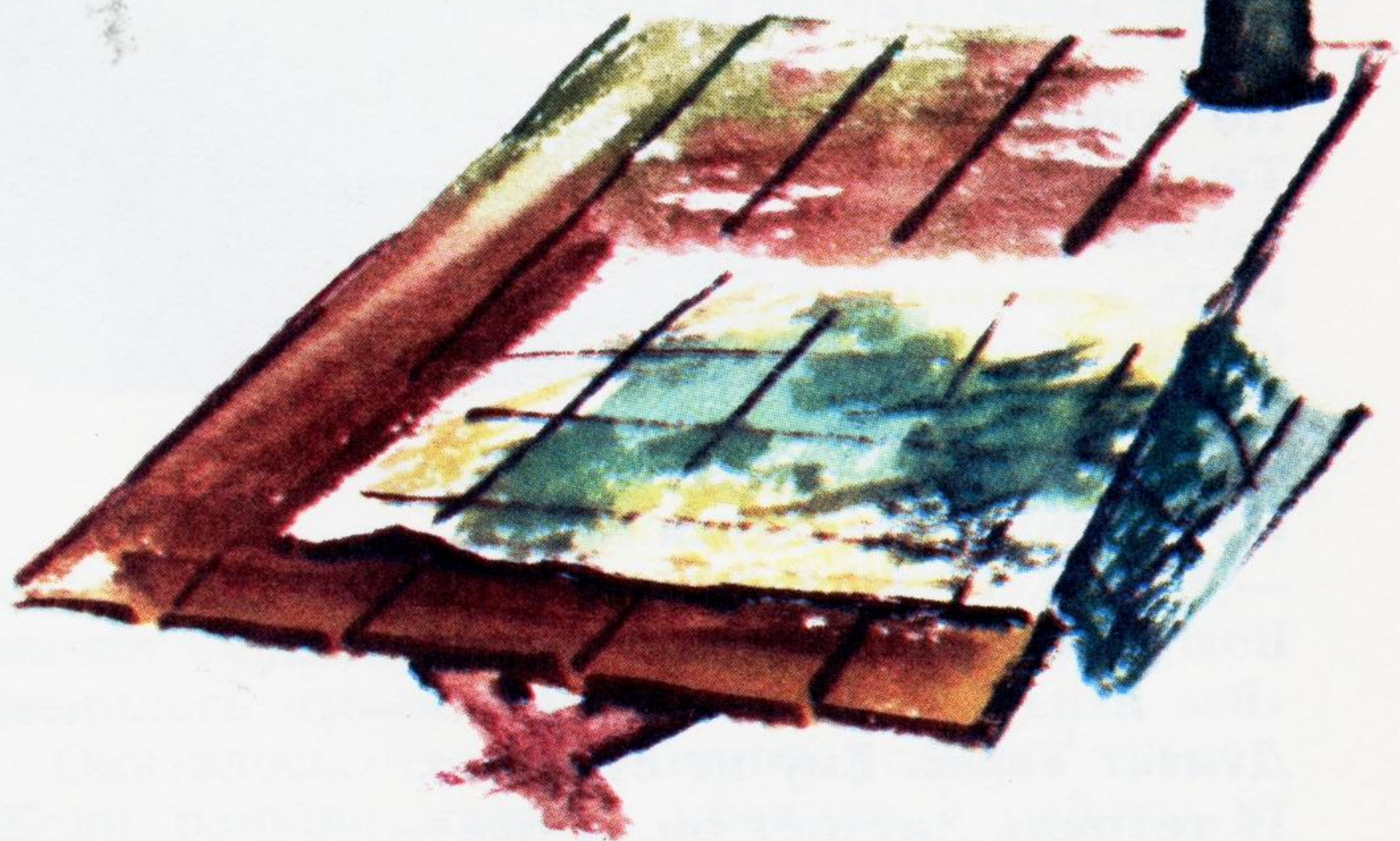
...Дышит пламенем война,
До краев земля полна
Скрежета и грома.
В тыл детей уж не вернешь...
Милые ребята!

На сестричку брат похож,
А она—на брата!
Бронзов крымский их загар,
Оба синеглазы...
Молча слушал их Гайдар
До последней фразы:
— Ждем, чтоб солнышко зашло,
Доберемся быстро:
Через речку—и в село!
— Нет,—вздыхнул он тяжело.—
Там теперь фашисты...

И тогда сестра с тоской
Глянула на братца:
— Значит, нам нельзя домой?
А куда ж деваться?
— Прощыгну,—сказал Тарас,—
Даже мимо танка!
— Мама там одна у нас,—
Всхлипнула Оксанка...

* * *

Не до сна майору, не до сна:
Над походной картой в полумраке
Голова устало склонена,
А на карте этой—стрелки, знаки...
Новых данных у отряда нет,
Их—сюда б, к обозначеньям старым!..
Поздний час. В землянке—тусклый свет.
Тихо говорит майор с Гайдаром:
— Группа за рекой уже была,
И не удалось пока разведке
Выйти лишь на эти два села—
Вот они на карте, где пометки.
Проводник наш заболел как раз,
Не найти впотымах бойцам дорогу...
— Да, но есть Оксанка и Тарас!
— Смогут ли?—Я думаю, что смогут.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ОКТАБРЬ 10

Москва 1981 г.
Издательство «Правда»

В тот же вечер брата и сестру
 Удивил Гайдар таким известьем:
 — Вас в ученики, друзья, беру.
 За букварь сейчас возьмемся вместе!..
 Смотрят на «букварь» ученики,
 Весь он — на единственном листочке.
 Там не буквы вовсе, а значки:
 Ромбы, треугольники, кружочки..
 Заострил Гайдар карандаши,
 Говорит:
 — Присаживайтесь, ну-ка!
 Это вам, мои Кибальчиши,
 Азбука, военная наука.
 Для всего есть свой условный знак,
 Каждый хорошо запомнить надо.
 Пулемет обозначаем так,
 Вот — обозначенья штаба, склада..
 Ночью с вами реку перейдем.
 Я назад отправлюсь спозаранку,
 Ну, а вы..
 Не зря ж родимый дом
 Ждет давно Тараса и Оксанку!

Но вопрос серьезный у меня:
 Так как местность эта вам знакома,
 Вы готовы ль с завтрашнего дня
 Быть в разведке,
 Оказавшись дома?

— Да, готовы! — услышал Гайдар.
 На ребячьи загляделся лица..
 — Что ж, тогда примите скромный дар.
 Вот: тетрадь в линейку. Пригодится.
 «Все найду! Отмечу! Передам!» —
 Думает Тарас. Ему не страшно.
 И тетрадь листает он, а там —
 Взрывом опаленная ромашка.

Девочка погладила цветок,
 А Гайдар сказал:
 — Даю вам слово,
 Что придет победы нашей срок —
 И земля в цвету здесь будет снова.

* * *

По зарослям да по ложбинкам глухим
 Ползли по-пластунски... Вон крайние хаты!
 Гайдар — самый первый, Тарасик за ним,
 Чуть сзади — Оксанка, сержант и солдаты.

Вот подал им знак седоусый солдат:
 В траве обнаружил он стежечку-змеюку..
 Ловя в полумраке гайдаровский взгляд,
 Подумал Тарас о тетради в линейку.
 Там звездочка наша пылает, как жар,
 Не справиться тьме с ее светом горячим!
 Пусть будет уверен Аркадий Гайдар:
 Мы вражьи объекты найдем, обозначим.
 И сведенья сразу — в тайник, в те дупло,
 Которое выбрали здесь, над рекою..
 Гайдар пригляделся: спокойно село.
 — Счастливо, друзья! — И махнул им рукою.
 Как тени метнулись Оксанка, Тарас
 Из редких кустов против дома их прямо.
 И эхом в солдатских сердцах отдалась
 Та горькая радость:
 — Ох, детоньки!..
 — Мама!..

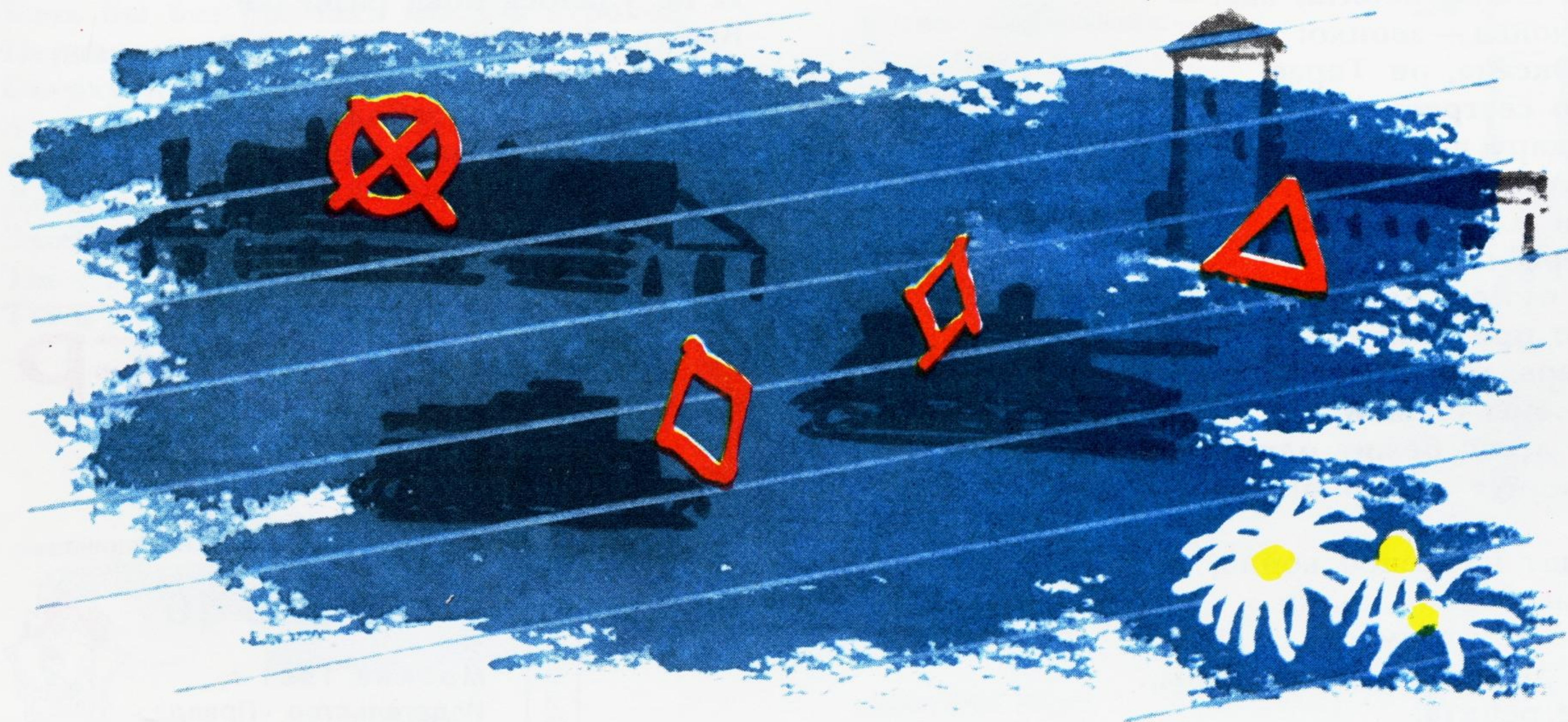
* * *

В отряд, как ласточки-веснянки,
 В условленном собравшись месте,
 От них, Тараса и Оксанки,
 Из-за реки примчались вести —

Те самые, что в дни сраженья
 Нужны, как пушки, как гранаты!
 На схеме — войск расположенья:
 Кружочки, линии, квадраты..
 Гайдар стоял в дверях землянки
 И думал, потеплев глазами:
 «Мои Тарасики, Оксанки,
 Сдаете трудный вы экзамен!»

И, Родине всем сердцем предан,
 Он твердо знал на том пороге,
 Что стяг наш пронесет Победа
 Здесь, по израненной дороге.

Перевел с украинского
 Валентин КОРЧАГИН.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

ЧТО ТАКОЕ ТВОРЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ?

Пресс-конференция в отряде «Каравелла» и разговор после нее

Как выяснилось позже, гостью все в своем воображении рисовали примерно одинаково: солидная тетенька в черном костюме, в очках, с портфелем или папкой в руках. Впрочем, никто всерьез не надеялся увидеть ее своими глазами. Как-то не верилось, что такой занятой человек, как Зоя Яковлевна Егорова — бригадир маляров-отделочников, член ревизионной комиссии Свердловского областного комитета партии, делегат XXVI съезда КПСС, — выберет время и откликнется на приглашение юнкоров пионерского отряда: ей и от взрослых корреспондентов нет отбоя. Но Зоя Яковлевна пришла.

Про семью, где двадцать две дочки

И конференция состоялась.

Что такое пресс-конференция?

Если коротко, то это когда все на одного. И не просто все на одного. «Все» эти вооружены. Вооружены ручками и блокнотами.

Зоя Яковлевна оказалась не такой, как ждали. Портфеля у нее не было, очков тоже. И начала она с того, что речи говорить не умеет, а в жизни ее ничего выдающегося нет. И вообще показалось, будто она немного стесняется, что ею интересуется такая большая беспокойная компания.

А спрашивали ее наперебой.

— Можно? — вскидывал очередной раз руку Тима Губанов. — Как вы относились к своей профессии раньше?

И сразу все сорок человек с ручками наготове бросались к своим блокнотам, где появлялась запись: «Когда была в шестом классе, думала, что труд маляра легкий. Честно говоря, не нравилась мне эта работа. Маляры ходили грязные, все в краске. А после школы я переехала из Талицы в Свердловск. И первое, что увидела в городе, были новые, еще не заселенные дома около вокзала. Мне очень понравилось. Я зашла туда: удобные, красивые квартиры. Тогда я, наверное, и задумалась впервые о своей будущей профессии».

— А вот вы долго уже работаете, — сгибая от

волнения и ответственности в руках тетрадку, начал Сережа Туранский. — За это время изменилось что-нибудь на стройках?

Оказалось, что изменились условия труда. Если раньше маляры уходили с работы в заляпанных спецовках, то сейчас после рабочего дня и не догадаешься, что этот человек имел дело с известкой и краской. У каждой бригады есть бытовки, где можно умыться, переодеться, поесть. От стройки к стройке теперь не на трамваях ездят, а на специальном автобусе. Механизирована побелка, на верхние этажи бригада поднимается на специальном лифте.

Чего только не спрашивали ребята! «Жалко расставаться со стройкой? Бывают ли простои? Страшно ли работать на высоте? Какой ваш самый любимый объект?»

Рулевой и командир барабанщиков Дима Каменщик задал вопрос, соответствующий его званию: «Какие у вас трудности как у руководителя коллектива?»

В заботах и сложностях руководителей оказалось много общего — будь то вожак пионерского отряда или бригадир маляров. И те и другие отвечают за свой коллектив, за атмосферу, в которой работают люди.

В бригаде Зои Яковлевны двадцать два человека. Все разные: и по возрасту и по характеру. У каждого есть семья, а значит, свои заботы, свои радости и неприятности. Поэтому, считает Зоя Яковлевна, бригада должна быть вторым домом, где человеку поднимут настроение, успокоят, делом помо-

Идет
пресс-конференция.
Ребята из отряда
«Каравелла»
задают вопросы
Зое Яковлевне
Егоровой —
делегату
XXVI съезда КПСС,
знатному
строителю.

Каждый ответ
Зои Яковлевны
ребята
спешили занести
в свои блокноты.

гут, если что-то случилось. Ее бригада и живет как большая дружная семья.

Однажды Зоя Яковлевна привела в бригаду девушку, которая только что окончила школу, но сложа руки летом сидеть не хотела. Галя не заметила, как сработалась, сдружилась со всеми членами бригады, и осталась там, хотя раньше не задумывалась о профессии маляра.

Все мамы добрые. У Зои Яковлевны тоже есть дочка-семиклассница. Но приходится быть добрее и отзывчивее любой мамы в двадцать два раза. Потому что есть бригада. «Это вся моя жизнь, моя работа. Без нее я, может быть, не стала бы бригадиром, коммунистом, не поехала бы на съезд».

Поделилась Зоя Яковлевна и главной своей заботой — нехваткой молодежи. Ведь едут за романтикой и трудностями на БАМ, на другие крупные стройки! А о своих родных городах забывают. А здесь интересной работы и романтики ничуть не меньше...

Прошел час. Корреспонденты так увлеклись, что могли бы до вечера бомбардировать Зою Яковлевну вопросами. Но вахтенный командир пресек эти замыслы.

— Вы приходите к нам летом на парусную практику. На яхтах покатаем! — сказали на прощание ребята. Любознательная аудитория уже успела выяснить, что Зоя Яковлевна когда-то занималась греблей на байдарках.

Кто двигает пятилетку?

Зоя Яковлевна ушла. Но разговор о рабочих делах и профессиях только начинался. В затихшей кают-компании осталась редколлегия отрядной стенгазеты. Перелистывая блокноты, ребята обсуждали, как писать о прошед-

шей пресс-конференции. Рядом толпились те, у кого мысли после встречи рвались наружу, а значит, их надо было кому-то высказать. Хотя бы своей редакции.

Сергей Гаврин тоже был рад вступить в разговор, но его прогнали к планшетами по морскому делу. Планшеты уже неделю стояли в коридоре около фотолаборатории, дожидаясь, когда их прибьют к стене.

Возня с гвоздями особой радости Сереже не доставляла, и через несколько секунд голова его уже торчала в дверном проеме.

— А я говорю, — возбужденно доказывал барабанщик Дима Каменщик, — что пятилетку делают ученые. Ну вот представь себе, сделал ученый открытие — его весь мир узнает, и все сразу вперед продвигается.

— Ну уж нет! — вспыхнул Женька Левитин, член знаменной группы, — я считаю, что пятилетку двигают водители.

— ???

— Да! Вообще всякие водители: шоферы, летчики, капитаны. Если они перестанут работать, то все, где лежало, там и останется. Ну, не знаю, я лично шофером буду.

— А я — физиком-ядерщиком, — не успокаивается Дима. — Это более творческая профессия, даже ближе к артисту. Я в книжке одной такие слова читал: «Он стал поэтом, потому что для математика у него слишком мало фантазии». И вообще мне нравятся те профессии, где надо самому фантазировать и придумывать, — творческие профессии.

— По-твоему выходит, что маляр — не творческая профессия? Да ты посмотри, Зоя Яковлевна со своей бригадой отделяла самые красивые здания в Свердловске — ТЮЗ, кино «Космос», Дворец молодежи, цирк! А за Дворец молодежи Зое Яковлевне присуждена пре-

мия Совета Министров СССР. Так высоко только настоящего художника могут оценить.

— Да,— вступила в разговор неизвестно откуда появившаяся Наташа Гарина.— Ты думаешь, что цирк красить неинтересно? Алешка Тюшняков, который к нам в гости приходил, помнишь, спросил ее, что она в цирке красила? Гостиницу для зверей! Звери тоже гастролируют, и жилье им тоже надо. Думаешь, это неинтересно—красить комнату, в которой будут обитать умный слон или дрессированные медведи? Нам вот неизвестно, как устроено жилье для таких артистов, а она знает.

— Я тоже маляром хотел бы быть!— вскочил Дима.— Но не двадцать лет! Это вам сейчас смотреть интересно на прекрасные здания, про слонов умных рассуждать. Но поймите, что двадцать лет замазывать одни и те же трещины нудно и скучно!

— А Зоя Яковлевне не скучно!— Кто сказал эти слова, понять было невозможно, потому что за спиной Сергея, забывшего о планшетах и заслушавшегося умными разговорами, толпилось около десятка товарищей.— Ха! Интересную профессию-то каждый полюбит. Где сплошное творчество и фантазия, там интересно потому, что все время надо новое придумывать. А если работа физическая или просто каждый день одинаковая? Такую не каждый полюбит.

— Да тут просто надо понимать, что ты для людей работаешь,— сообразил Тима Губанов.— Даже если для слонов. Слоны-то тоже для людей...

— Да.— Женя Левитин уже сидел на спинке стула.— Это только сначала кажется, что в обычной работе негде проявить свое творчество. Вот Зоя Яковлевна говорила, что у них, маляров, еще мало механизации, пыль це-

ментная кругом, запах краски, сквозняки, часто материалы не подвозят вовремя. Трудно им? А ведь бригада без простоев работает, ни разу план не сорвала! И трудится сейчас в счет восемьдесят третьего года. Значит, получается, что пятилетку двигает тот, кто творчески относится к своей профессии! Это даже глупый вопрос, кто двигает пятилетку: ученый или шофер. Здесь дело в том, как люди разных профессий понимают свой труд. И если они стараются для людей, то они и двигают пятилетку.

— Вот что еще интересно,— сказал Андрей Зайцев.— Если ты свою квартиру раскрасишь, то можно день радоваться, ну, месяц. А потом надоест. И гордиться особенно нечем. А мимо дворца, театра или цирка хоть через двадцать лет проезжай, если ты его строил,— все равно гордость.

— Это, Андрей, понятно, а вот мне Анюта рассказывала, что как-то в шестом классе строители ей дали четыре кирпича уложить на раствор. Там строили подсобное помещение для детского садика. А через год получилось, что в этот садик пошла ее младшая сестренка. Так та потом всю группу таскала с детской площадки показывать эти кирпичи—вклад старшей сестры.

— Да, конечно, четыре кирпича—это не пятилетка!—весело заметил Сережа Гаврин.— Если Зоя Яковлевна пойдет всем своим знакомым показывать отделанные ею здания, то они долго ходить будут. А если каждый строитель пойдет показывать?

— Но только,—остановил его Андрей,— не все дома—вклад в пятилетку. Если дом строили три года, а через месяц он развалился, или красили-красили, а штукатурка через неделю на тротуаре валяется,—это не вклад. Качественно надо работать.

— И много,—значительно произнес Гаврин.

— Да, Сережа,—язвительно заметил Валера Сосновский.— Много. А ты иди хоть три гвоздя вбей.

— Уй, всегда так!—И Сережа пошел искать молоток.

Юнкоры «Каравеллы» не раз встречались с художниками и учеными, писателями и артистами—с теми, кто своим творчеством радует людей, дарит им новые книги и песни, картины и спектакли. Теперь круг знакомств еще больше расширился: мы узнали еще одного творческого человека—делегата XXVI съезда КПСС Зою Яковлевну Егорову, которая тоже своим трудом приносит радость людям и всему городу, где все больше и больше красивых зданий. И, проходя по улицам, глядя на эти здания, мы гордимся, что знаем человека, вложившего в них свой большой труд.

**Материал подготовила Анна МЯСНИКОВА,
флагман отряда «Каравелла»,
студентка Уральского государственного
университета имени А. М. Горького.**

г. Свердловск.

ВМЕСТЕ С РАБОЧИМИ И КРЕСТЬЯНАМИ

По ступеням этого белокаменного дома, утопающего в парковой зелени, нельзя подниматься без волнения. И если ты еще не бывал здесь, то обязательно наступит тот счастливый день, когда и тебе откроются двери Дома-музея Владимира Ильича Ленина в Горках. Здесь все говорит о великом и простом Человеке, чья жизнь, вся без остатка, была отдана борьбе за народное счастье и за твое тоже. Молчаливые комнаты ленинского дома в Горках. Но стоит прислушаться к этой тишине, и она заговорит неповторимым голосом эпохи. Вот здесь Ленин готовился к важнейшим событиям в жизни молодой Советской республики. Вот по этому телефону он вел долгие разговоры с народными комиссарами. Здесь писал свои

статьи и доклады, читал любимые книги. А вот здесь Надежда Константиновна Крупская читала ему письма рабочих, ученых, писателей, членов правительства и письма, написанные детской рукой.

Ленину приходило много писем от ребят. Написаны они разными почерками на разной бумаге и в разное время. Но в каждом из них — искренняя и беззаветная любовь к вождю Октября. В каждом — вера в окончательную победу революции, клятва идти той дорогой, которую указал Ильич, по которой идут их отцы и старшие братья, — дорогой борцов. Вчитайся только в несколько строк из двух писем тех далеких лет и постарайся сердцем своим и мыслью своею осознать и ощутить то, чем жили, во что

верили, за что боролись и как помогали стране твои сверстники первых лет Советской власти.

*«Г. Смоленск,
5 апреля 1919 г.*

Дорогой Владимир Ильич, заслушав доклад нашего товарища о том положении, какое переживает наша Советская республика, о той великой работе, которую Вы несете, дорогой наш товарищ Владимир Ильич, по делу освобождения рабочего, мы клянемся перед Красным Знаменем коммунизма, которое Вы подняли, дорогой товарищ, что употребим все силы сейчас и в будущем, чтобы быть достойными гражданами великой нашей Советской республики...

...На помощь революции идут

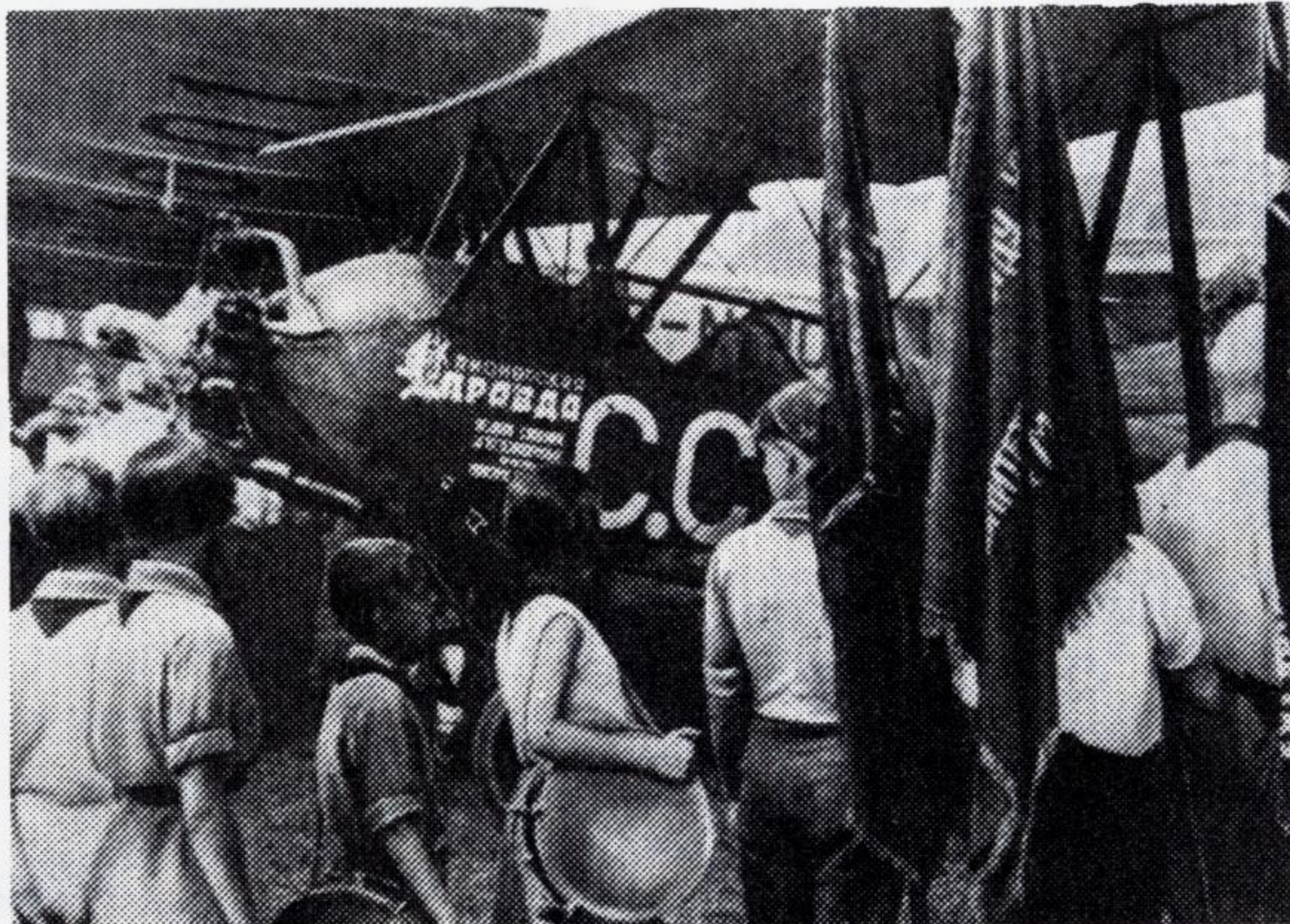
Пионеры 20-х годов — участники «красных суббот».

Вот он, красавец самолет «Пионерская правда», построенный на средства пионеров страны в 1929 году.

Смерть фашистским оккупантам!

Мамлакат Нахангова (в центре) — первый кавалер ордена Ленина среди пионеров.

юные борцы, юная рать, которая вместе с отцами, матерями, братьями и сестрами умрет, но ни одной пяди не уступит тех завоеваний, которые достались дорогой для нас ценой».

«Уважаемый товарищ Ленин! Не откажите принять от нас, детей дома подростков имени Розы Люксембург, это скромное приветствие.

Мы, дети далекой Сибири, благодарим Вас как вождя всемирной революции за все. Согретье Вашей лаской и заботой, мы начинаем понемногу забывать то тяжелое время, которое мы пережили до Советской власти, начинаем набираться новых сил, чтобы быть гордостью и надежной сменой тех, кто стоял на трудном пути строительства великой всемирной республики труда...

*Воспитанницы
дома подростков № 29
имени Розы Люксембург».*

В. И. Ленин завещал юным: только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами. И пионеры всех поколений свято

выполняли наказ вождя революции. Каждая строка летописи пионерской организации говорит об этом.

Пионеры 20-х годов участвовали в «красных субботках», помогали взрослым восстанавливать разрушенное хозяйство, провели сбор средств на строительство детского дома.

Юные ленинцы 30-х годов рапортовали XVI съезду коммунистов: отправили в подшефные села 20 тысяч радиоприемников, послали пионерам деревни 50 тысяч книг, купили для колхозов 4500 тракторов. Пионеры тех лет стали участниками геологического похода, всесоюзных экспедиций по заданию Мичурина. Они передали Воздушному флоту СССР самолеты «Пионерская правда» и «Ленинские искры». В 1935 году впервые в истории пионерской организации группе пионеров за помощь колхозам были вручены правительственные награды. Таджикской пионерке Мамлакат Наханговой в декабре 1935 года был вручен орден Ленина. «Это был самый счастливый день в моей жизни. Мне, пионерке, за сбор хлопка вручили, как взрослой, такую

высокую награду,— говорила она делегатам VIII Всесоюзного слета пионеров в Москве.— Я горжусь, что пионерская организация научила меня любить труд, уважать людей труда».

В годы войны подростки заменяли у станков отцов и старших братьев. На средства, собранные пионерами, строились танковые колонны, авиаэскадрильи. Пионеры военных лет провели несколько Всесоюзных субботников под девизом «Все для фронта! Все для победы!».

Пионеры 80-х годов продолжают славные традиции пионерской организации. Пионерстрой»—один из главных маршрутов Всесоюзного Марша пионерских отрядов «Пионеры: всей страны делу Ленина верны!».

Пионерский металл, пионерская бумага, пионерский дозор, пионерский сад—эти слова стали привычными для всех. В операциях «Миллион—Родине», «Зернышко», «Живое серебро», «Лесная аптека», «Лукошко» принимают участие миллионы юных ленинцев. Ваш труд вливается в труд советской Родины, страны Октября.

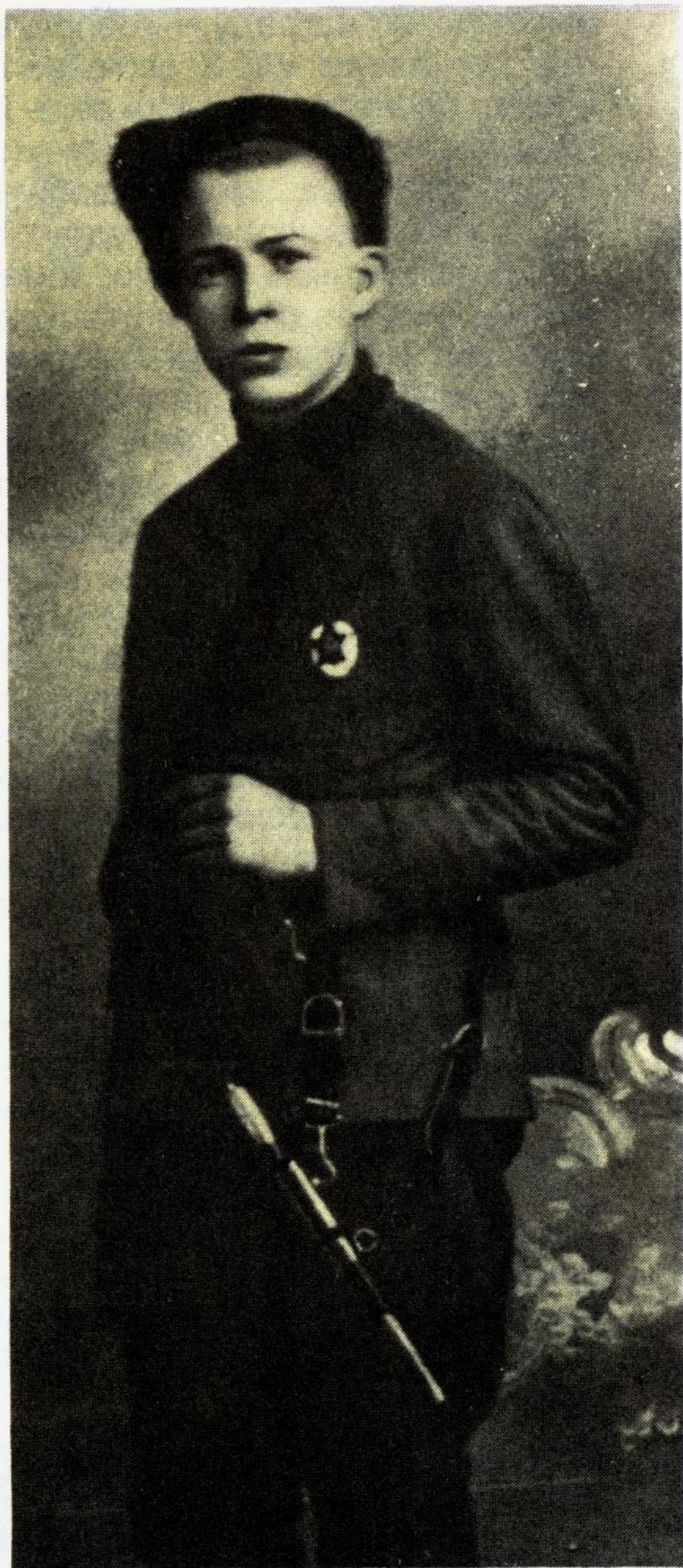

Еще один пионерский электровоз.

«Пионерские рельсы и поезда—БАМу!». Пермские пионеры—активные участники этой акции.

Вы сейчас прочтете три малоизвестных рассказа Аркадия Петровича Гайдара, сорокалетие со дня героической гибели которого отмечают все пионеры страны. Рассказы автобиографичны и относятся к раннему периоду творчества. Подробнее остановлюсь лишь на одном из них.

«Первая смерть». Рассказ этот был написан давно — в 1926 году, не включался ни в один из ранее изданных сборников писателя. И впервые печатается в журнале для детей.

О своей боевой юности Аркадий Петрович писал очень скупое. И скупое делился воспоминаниями с друзьями и близкими. Даже в книге «Школа» он поведал лишь малую часть того, что увидел и пережил мальчишкой в годы революции и гражданской войны.

Перед нами рассказ — воспоминание о далеком, героическом и трудном времени, один из эпизодов биографии, которую Гайдар скромно назвал обыкновенной. Но обыкновенной она не была.

В тринадцать лет Гайдар уже был посыльным при Арзамасском клубе большевиков, выполнял ответственные поручения, участвовал в митингах. А однажды вечером, подкараулив в темном переулке, неизвестные люди ударили его ножом в грудь. По счастью, кончик ножа уперся в ребро. И юный посыльный большевистского клуба остался жив.

В четырнадцать лет Гайдар записался в Красную Армию. В пятнадцать — стал курсантом Киевских командных курсов. В конце августа 1919 года эти курсанты уже сражались против Петлюры. И когда в бою убило командира роты и бойцы растерялись, командование на себя взял самый молодой из них — Аркадий Гайдар (тогда он еще носил фамилию Голиков). В тот же день после боя его назначили командиром роты.

«Яшка Оксюз убит при мне, я заменил его», — читаем мы в дневнике писателя.

Так вот, события рассказа «Первая смерть» относятся к тому времени, когда Аркадий Петрович только что стал командиром роты. А почему Гайдар назвал свой рассказ «Первая смерть», вы поймете, прочитав его...

Борис КАМОВ

Аркадий ГАЙДАР

Боевой приказ

— Одного я не пойму, — сказал новичок Федя Комаров, — вот, например, власть у нас советская и все у нас сообща делается, то есть прежде, чем решить что-либо, соберутся люди и посоветуются, как лучше, а потом уж и постанавливают. Батя мне рассказывал, что в Февральскую революцию в армии этак заведено было. Скажем, один говорит: «Надо отсюда наступать», другой говорит: «А по моему, лучше оттуда», а третий и вовсе особый план выдвигает. Разберут солдаты все планы и тогда уж останавливаются на том, который лучше.

А сейчас чудно как-то. Значит, решил командир, отдал тебе приказ и выполняй его, не рассуждая, хотя, может, и не согласен ты с таким приказом — почему же это?

— А ну, ребята, кто знает, как Федьке ответить?... — сказал, улыбнувшись, отделком¹ Клычков.

Ребята сразу — в десять голосов. Видно, что понимают, да только не каждый точно выразить может, а к тому же перебивают друг друга.

— Погодите, — сказал тут Клычков, — давайте-ка я лучше сам объясню.

— Вот что, друг, насчет Февраля это верно сказано, что чуть не каждый приказ обсуждали, а почему? Да потому, что никакой веры у солдат к офицерам не было. Боялись люди, как бы не предали их командиры или в ловушку какую заманили.

Ну, а теперь, конечно, когда каждый командир свой, каждый тебе товарищ и друг, в таких митингованиях и опасениях нету больше нужды, это каждый и сам понимает теперь.

Ну, а вот насчет второго, насчет того, почему красноармеец должен слушаться командирова приказа, даже если он не понимает смысла или даже не согласен с ним, тут будет разговор особый.

¹ Отделком — командир отделения.

Во-первых, рот красноармейцу никто не затыкал и ежели, скажем, пришла тебе хорошая мысль в бою, обязательно даже сообщи ее командиру, но если он прикажет все-таки по-своему сделать — делай безоговорочно и беспромедлительно, потому что командиру ясней видно.

Был когда я молодым в гражданскую войну, вышла и со мной такая история.

Находился я в команде конных разведчиков. Только начался у нас бой, как сунули мне в руку пакет в штабе, и приказал командир полка:

— Скачи во весь мах в Горлевку и передай командиру сводного отряда. Да скажи ему на словах, пусть скорей торопится.

Мне что? Пакет за пазуху — и понесся. Залетаю в Горлевку, смотрю, а там уже люди в боевой готовности. Передал я пакет, а командир тамошний — огромный детина в черной папахе с серебряной шашкой, видать, старый голова — хлопнул меня по плечу и говорит:

— Кати обратно.

— А ответ?

— Передать, что через двадцать минут выступаем.

Я опять — раз на коня, лечу по лесной дороге. Вдруг сбоку, наперерез мне, скачет сломя голову командир первого батальона.

— Стой! — приказал он мне.

У меня лошадь ажно на дыбы с разлета.

— Лети! — кричит он мне хриплым голосом. — Лети на Моховой холм, передай командиру батареи: пусть откроет ураганный огонь по Горлевке!

— Товарищ командир... да в Горлевке сводный отряд... я только оттуда...

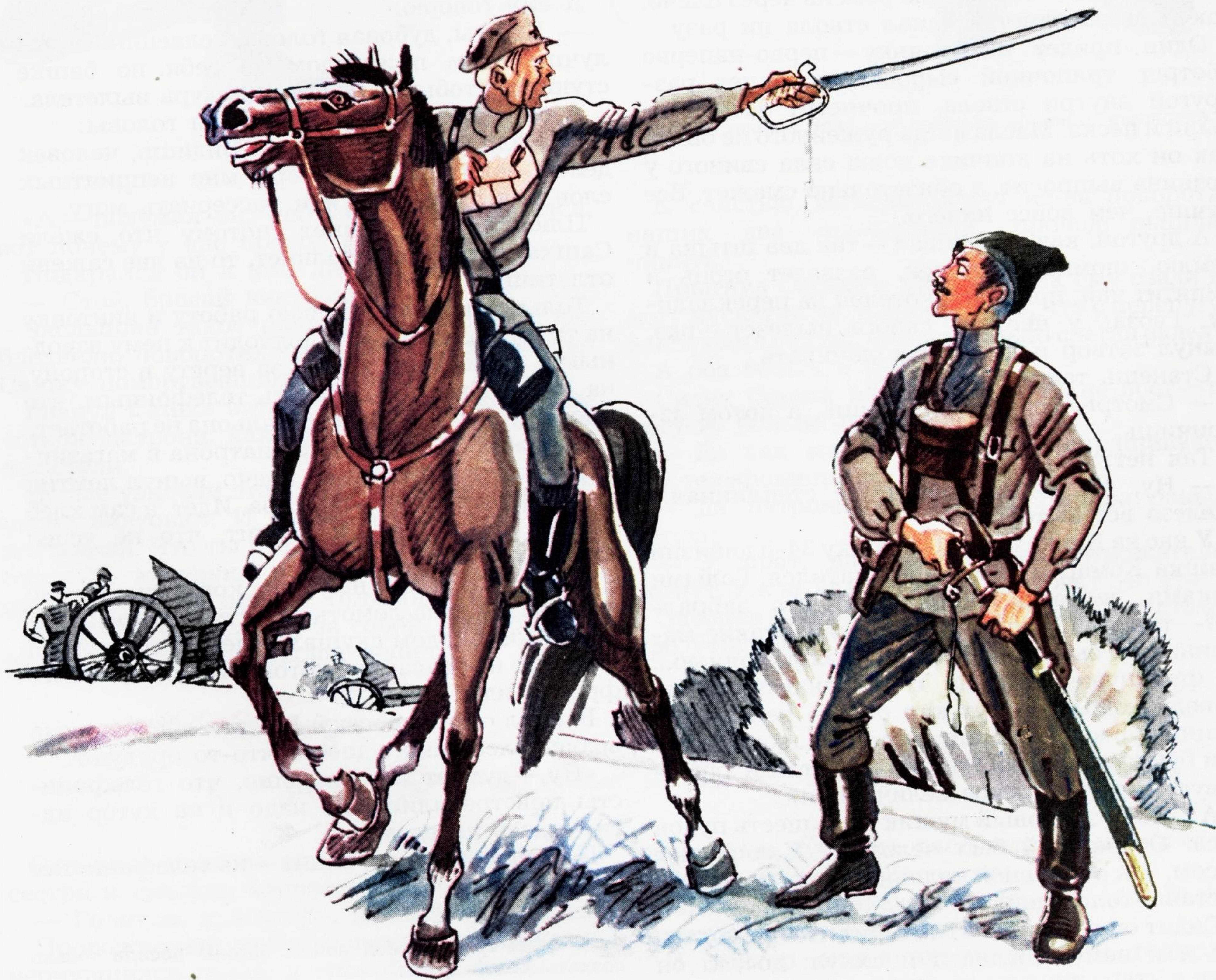
Махнул он мне, как сумасшедший, рукой, чтобы не рассуждал я, и рванулся его взмыленный конь наперерез через канаву.

Скачу я на Моховой холм, а сам думаю: «Неужели уж белые Горлевку заняли?»

Вышел на горку, а Горлевка как на ладони, смотрю: нет возле Горлевки никакого боя.

«Ну, — думаю я, — не передам приказ. Ошибся комбат. Что же это такое — по своим? — И опять мысль: — Да ведь я же сказал ему, что там сводный отряд. Почему же он все-таки не обратил внимания?»

— Приказано ураганный огонь по Горлевке!

Вот совсем рядом Моховой холм. Залетаю я и сам не знаю, что говорить.

Подбегает ко мне командир батареи:

— Давай пакет, почему провода порваны?

«Эх,—подумал я,—командир первого батальона — старый наш командир, раз уж он приказал, значит, так надо».

Поблелел я — язык не поворачивается — и говорю:

— Приказано ураганный огонь по Горлевке...

А у самого голова кругом идет, ничего не понимаю...

И только-только рывкнула батарея, как из Горлевки, в тыл нашим, пулеметы застрекотали.

И что же бы вы подумали? Григорьевский «сводный отряд», оказывается, по приказу, пришедшему от самого «Атамана Григорьева»¹, изменил нам. Счастье наше, что батарея вовремя громить его стала.

Ну, а теперь, скажем, не послушался бы я командирова приказа и, не зная про измену, не передал бы в батарею. Тогда что? Хорошо бы тогда было? Надвинули бы нам григорьевцы с тылу — как ты думаешь, Комаров?

Федька молчал.

— То-то,—сказал Клычков.—Помни, что у командира не всегда есть возможность растолковывать тебе смысл приказа, а в горячке, где каждое мгновение дорого, тем более...

¹ Григорьев Н. А., штабс-капитан царской армии, с декабря 1918 года был петлюровским атаманом. Но в феврале 1919 года Григорьев заявил о своем переходе с отрядом на сторону Красной Армии. Он был назначен командиром 1-й Заднепровской украинской советской бригады, однако продолжал называть себя «атаманом партизан Херсонщины и Таврии». С мая 1919 года Григорьев поднял в тылу Красной Армии мятеж, который был разгромлен, а сам атаман вскоре убит.

Винтовка

Всякие у нас раньше в войну были ребята. Иной с винтовкой носится, ухаживает за ней не меньше, чем за собой. Другой, как получит из цейхгауза — закинет на ремень через плечо, так и не заглянет в канал ствола ни разу.

Один придет на стоянку — перво-наперво оботрет тряпочкой сырость, шоркнет раз-другой внутри ствола, прочистит затвор от пыли и песка. Масла когда ружейного не было, так он хоть на кончике ножа сала свиного у хозяина выпросит, а обязательно смажет. Все лучше, чем вовсе ничего.

А другой, как на привал — так два штыка в землю, шомпол поперек, разведет огонь и кипятит чай, приладив котелок на перекладчину. Гвоздь у него из сапога вылезет — раз, вынул затвор и давай заколачивать.

Станешь такому говорить:

— Смотри, сейчас постучишь, а потом закричишь.

Так нет:

— Ну, что ей сделается, не стеклянная... Железо все вытерпит...

У нас на Кавказе в 361-м полку 34-й дивизии Сашка Комаров за это и поплатился. Голыми руками человека забрали. И кто забрал-то? — так, два гимназистика были, этакие маменькины сыночки у белых. Дрянь дрянью... С француженками да с гувернантками на поводу ходили. А тут как огрела революция ихних буржуазных папаш, так и завопили все эти буржуи: «Давай Россию спасать, да здравствует императорское величество!»

А Сашка здоровый мужик был, шесть пудов веса. Отчаянный был человек... Как гукнет басом, так от главной колонны аж до походной заставы голос дойдет.

Сидит он однажды и мастерит что-то, подхожу я к нему, поглядел и ахнул: достал он

австрийский штык, наставил его на чурбанку и дует что есть мочи по штыку прикладом, чтобы расколоть дерево.

Я ему говорю:

— Что ты, дубовая голова, делаешь? Ты бы лучше этим прикладом да себя по башке стукнул, чтобы из нее этакая дурь вылетела.

А он отвечает, не оборачивая головы:

— Уйди, пока не попало. Видишь, человек делом занят? И не говори мне неприятных слов под руку, а то я и рассерчать могу.

Плюнул я и отошел, потому что ежели Сашка шутя рукой толкнет, то на две сажени отлетишь.

Только окончил он свою работу и винтовку на траву положил, как подходит к нему взводный и приказывает идти за версту в сторону, на хутор Бычково, сказать телефонным, что провод у нас со штабом батальона не работает.

Заложил Сашка четыре патрона в магазинку, вскинул винтовку за плечо, вынул ломтик хлеба фунта этак на полтора. Идет, а сам хлеб пастью откусывает и ворчит, что не успел якобы пожрать...

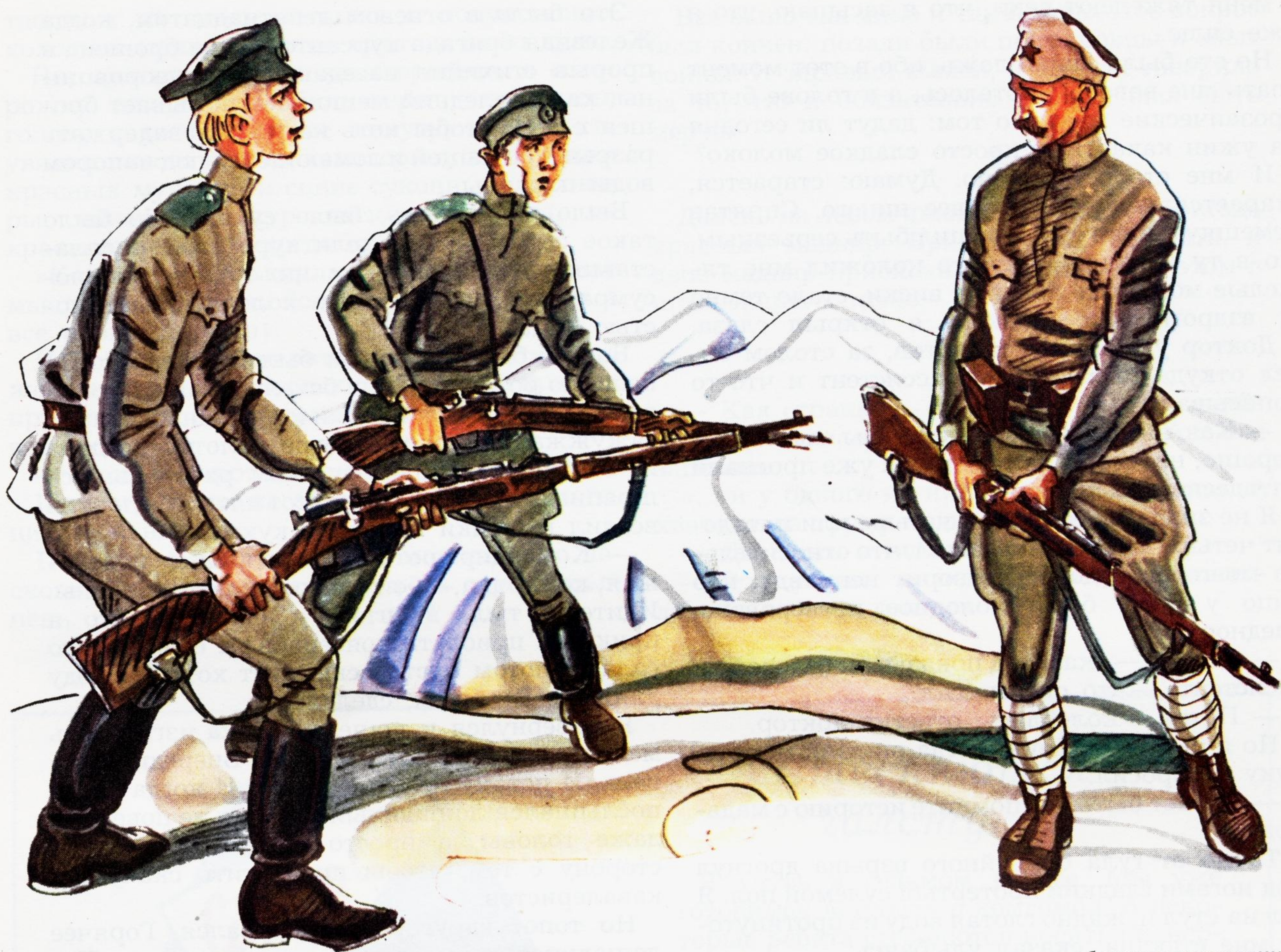
А уж чего ж там не успел, когда только часу тому назад сала ломоть умял да четыре антоновки мимоходом скушал. Идет он тропинкой и никого не опасается, потому что вдоль своего фронта идет.

Вышел он на просеку. Глядит: два человека возле телефонного шеста что-то орудуют.

«Ну,—думает он,—хорошо, что телефонисты повстречались, не надо и на хутор идти — здесь передам...»

Подходит ближе и видит — на телефонистах погоны¹...

¹ В годы гражданской войны погоны носили только солдаты белой армии.

Белые увидели такое дело — похватали обратно винтовки.

«А,— подумал он,— вот это кто пробрался, вот почему у нас провод не работает».

Подкрался он к ним да как гаркнет:

— Стой, бросай винтовки...

Заслышав такое рывканье, оба белых побледнели, повертели винтовки и смотрят на Сашку помертвевшими глазами.

Рванул Сашка затвор — и вдруг фють... все четыре патрона, как сорока из гнезда, вверх вылетели.

Белые увидели такое дело — похватали обратно винтовки. И прямо в упор на Сашку наставили. Что ты будешь делать? Такие сами сопляки, винтовки в руках дрожат. Но не попрешь же на пулю с голыми руками...

И повели они Сашку за собой. Идет он, как медведь, сопит и затылок чешет.

К счастью, выходят вдруг из-за поворота наших два телефониста, провод вышли чинить.

Прыгнул Сашка в сторону, как ему сзади в ногу куснет пуля. Хорошо хоть, что с перепугу выстрелил белый, мякоть только слегка задел.

А оба белых в кусты.

Сидит Сашка на траве и чуть не воет — и ногу-то больно и за себя обидно.

— Да как же ты влопался? — спрашивают его телефонисты.

— Да патроны все из-под затвора повывлетели.

— Э, брат, да у тебя осечкоотражатель погнут. Уж не ударил ли ты винтовку обо что?..

Засопел Сашка. Молчит. И стыдно ему стало про утрешний чурбан сознаться.

Первая смерть

Однажды в мертвый час в комнату вошла сестра и сказала коротко:

— Голиков, к доктору, на гипноз.

Провожаемый любопытными взглядами повернувшихся голов, я спокойно вышел.

— Это нужно... — сказал доктор. — Сядьте,

расслабьте мускулы, распустите мысли и старайтесь не думать ни о чем.

Мне было приказано сесть — я сел. Было приказано лечь, я лег.

И доктор монотонным, ровным голосом рассказывал мне о том, что я хочу спать и что

у меня тяжелеют веки, что я засыпаю, что я уже сплю...

Но это была явная ложь, ибо в этот момент спать мне вовсе не хотелось, а в голове были прозаические мысли о том: дадут ли сегодня на ужин какао или просто сладкое молоко?

И мне стало неудобно. Думаю: старается, старается человек, а я все ничего. Спрятав усмешку в края губ, я решил быть серьезным. Но в ту же минуту кто-то положил мне тяжелые мохнатые лапы на виски, стало темно и, вздрогнувши, рывком, я открыл глаза.

Доктор улыбался. Напротив, за столом сидел откуда-то взявшийся ассистент и что-то дописывал.

— Как вы себя чувствуете? Вы выглядите хорошо, несмотря на то, что вы уже проспали пятьдесят четыре минуты.

Я не знал, проспал ли я четыре или пятьдесят четыре минуты, но я знал, что относительно моего вида доктор говорит неправду, ибо лицо у меня было холодное и, вероятно, бледное.

— Доктор,— сказал я, показывая головой на ассистента,— что он записал?

— Потом,— колеблясь, ответил доктор.

Но я был настойчив. Тогда он взял меня за руку и спросил:

— Может быть, вы помните историю с мадьярами?

Точно от гула орудийного взрыва дрогнул под ногами гладкий протертый сулемой пол. Я сел на стул и, жадно глотая воду из протянутого мне стакана, сказал улыбаясь:

— Еще бы не помнить...

Это было в огневом девятнадцатом, когда Железная бригада курсантов была брошена в прорыв стихийно наседающей петлюровщины, как последний мешок земли бывает брошен с тем, чтобы хоть на минуту задержать разрыв дрожащей и ломающейся под напором воды плотины.

Было за полдень, было сухо. Небо было такое серое, как шинели курсантов, распластавшихся в цепи, как их сосредоточенно-сумрачные, наполненные холодной решимостью лица.

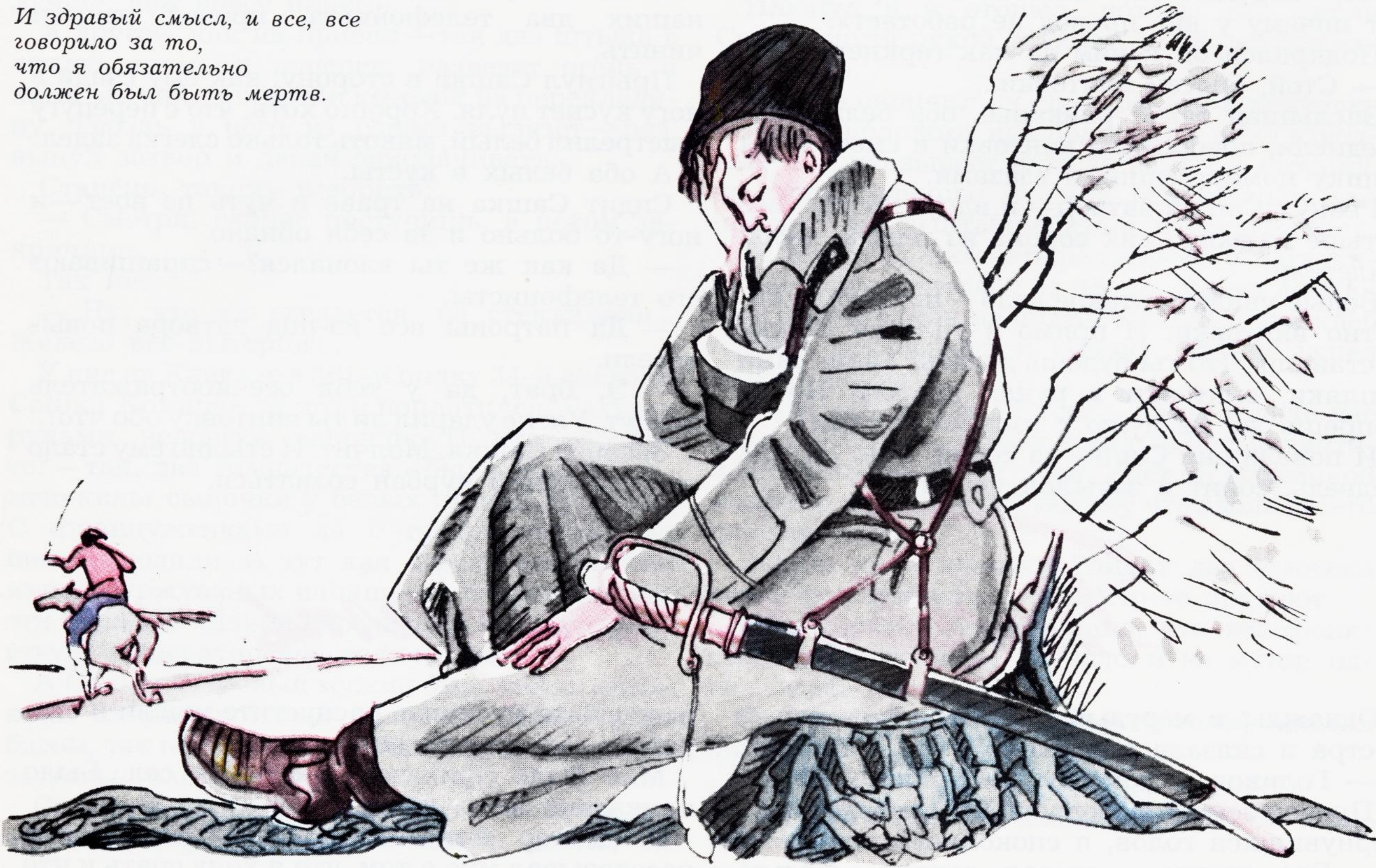
Боя не было — должен был быть скоро. По цепи, по ротам поехала батальонная кухня. И с той стороны никчемный и ненужный снаряд зажужжал, разрывая серое полотно воздуха и, с фейерверочным треском разорвавшись шрапнелью, сорок из двухсот пятидесяти пуль всадил в стенки походной кухни.

— Командир роты,— сказал мне, подъезжая, комполка,— бой близок, а люди голодны. Идите в тыл, в штаб, и скажите, что я приказал прислать консервов. А если нет, то сала, и потом пусть вскипятят хотя бы воду для чая. В общем, сделайте!..

Я повернулся и пошел. Тропка изгибалась меж кустами. Я шел к себе. Впереди была цель. И потому я был спокоен. И когда сзади слышался лошадиный топот, я не повернул даже головы, а просто сделал полшага в сторону с тем, чтобы пропустить скачущих кавалеристов.

Но топот вдруг резко оборвался. Горячее лошадиное дыхание опалило мне шею. Слышался металлический лязг двинутого за-

*И здравый смысл, и все, все
говорило за то,
что я обязательно
должен был быть мертв.*

творца, и на своем затылке я почувствовал холодное прикосновение винтовочного дула.

Негодую на дураков кавалеристов, я осторожно, иначе бы разбили череп,—поворотил голову и умер в ту же минуту, потому что увидел вместо наших кавалеристов два ярко-красных мундира и синие суконные шаровары, каких ни «курсантская» бригада, ни красноармейцы никогда не носили.

«Кончено,—мелькнула тысячсекундная мысль,—как это ни больно, как ни тяжело, а все равно кончено».

И, побледнев, я пошатнулся с тем, чтобы по железному закону логики спусковой крючок приставленной к затылку винтовки грохнул взрывом.

— Наш! — коротко крикнул один.

Шпоры в бока, нагайки по крупу — и опять никого и ничего.

Посмотрел вокруг, сделал машинально несколько шагов вперед и сел на срубленный пень.

Все было так дико и так нелепо. Ибо вопрос был кончен: позади были петлюровцы и опыт войны. И здравый смысл, и все, все говорило за то, что я обязательно должен был быть мертв.

* * *

Далеко на левом фланге отбивалась бригада красных мадьяр. Бригада была разбита, и двое мадьяр прискакали сообщить об этом в штаб нашего полка.

* * *

— Как странно,—сказал мне доктор,—сейчас, вероятно, вы ничего не помните. А у нас записано:

«... и у одного из них с правой стороны не хватало на груди медной пуговицы...»

— Да, этого я не помню.

— Это у вас в подсознании, и навсегда,—был ответ доктора.

По секрету всему свету

Я очень люблю сочинять стихи. И мне хочется, чтобы у меня были слушатели. Но я стесняюсь и, когда читаю кому-нибудь свои произведения, то скрываю, что их написала я.

Но вот однажды я все-таки рассказала об этом подруге Свете. И она не посмеялась надо мной, сказала, что стихи хорошие. А потом Света открыла все обо мне девочкам. И те как-то вытащили мою тетрадь из портфеля и на перемене прочитали мои стихи всему классу. Меня тогда в кабинете не было. Ребята после этого стали дразнить меня, называть романтиком. Может, и правда, смешно и глупо писать стихи?

Инна БЕЛИНСКАЯ,
г. Орджоникидзебад,
Таджикская ССР.

Стесняются... галстука?!

Я учусь в седьмом классе. Мы уже готовимся вступать в комсомол. А некоторые ребята стесняются носить пионерский галстук. Говорят, что вышли из этого возраста. Надевают галстук лишь тогда, когда учитель или старшая пионервожатая делают замечание. И тут же, после их ухода, снимают. Я не ябедничаю, я просто хочу попросить совета, как убедить товарищей, что носить пионерский галстук — это честь. Я же помню, как мы были горды, когда нам в третьем классе повязали галстук наши старшие товарищи.

Марина С.,
г. Сочи.

Буду лечить зверей

Мы с подругой давно решили стать врачами. Только она хочет быть детским, а я ветеринарным, потому что очень люблю животных. Когда разговор идет о профессиях, подруга вспоминает, кем я хочу быть, и хохочет: «Ха-ха-ха! Тебе козла или свинью приведут, а ты лечи! Ха-ха-ха!». Я в таких случаях ничего не отвечаю, но в душе мне обидно.

Лена СОБОЛЕВА,
пос. Ковернино, Горьковская обл.

Во Всесоюзный штаб Тимура приходит много писем, в которых ребята просят рассказать о том, как создать гайдаровский музей в отряде, школе, штабе.

Пусть ответом на вопросы ребят будет наш рассказ о старом друге Всесоюзного штаба Тимура гайдаровском музее Дома пионеров Ленинского района города Москвы.

В марте этого года у музея был юбилей. Ему исполнилось пятнадцать лет.

МУЗЕЙ НА ВТОРОЙ ФРУНЗЕНСКОЙ

Первые дороги

Началось все со сбора одного пионерского отряда. Собрались ребята после лета, чтобы решить, за имя какого героя отряду бороться. Сидели, говорили, спорили. И вдруг встало третье звено и произнесло громко: «Гай-дар!». И ребята хором закричали: «Ура! Гайдар!»

Вот так решил пионерский отряд из школы № 54 Ленинского района бороться за имя любимого писателя, героя гражданской и Отечественной войн Аркадия Петровича Гайдара.

О Гайдаре ребята знали только по его книгам. Из книг знали и биографию писателя: где жил, учился, работал, воевал. Этого им с самого начала показалось мало. Захотелось прошагать теми дорогами, которыми шел в своей жизни Аркадий Петрович. Захотелось познакомиться с людьми, которые знали Гайдара, дорожили его дружбой. Захотелось послушать, как шумит леплявский лес — бессловесный свидетель героической гибели Гайдара 26 октября 1941 года. А еще — если повезет, то и узнать об Аркадии Петровиче что-нибудь новое, в книгах пока ненаписанное.

На одном месте сидишь — мало чего достигнешь. Ребята решили путешествовать. Деньги на первую свою поездку заработали сами.

А потом было много дорог. И из каждого своего путешествия привозили они драгоценные реликвии и документы, связанные с именем Гайдара.

Это были фотографии, до сих пор неизвестные, записи воспоминаний людей, знавших Аркадия Петровича.

«Трофеи» ребята с любовью размещали в своем отрядном уголке.

Время шло. Обычный отрядный уголок стал музеем. Сначала отрядным, потом — школьным. А в 1977 году ему было присвоено звание районного. Все эти годы руководит музеем энергичный, молодой сердцем и душой человек заслуженная учительница РСФСР Надежда Леонидовна Лебединская.

Как делают открытия

Однажды выступали ребята в жэке № 18 Ленинского района, показывали сценку из своего спектакля «Тимур и его команда». После представления к ребятам подошел седой человек — Алексей Федорович Зиновьев. Поблагодарил ребят за выступление, пригласил к себе в гости.

Оказалось, что А. Ф. Зиновьев учился когда-то в

Арзамасском реальном училище. В том же, что и Аркадий Голиков. И что встречался Алексей Федорович с будущим писателем не только в училище, но и в первой подпольной большевистской арзамасской организации, членом которой был Алексей Федорович.

Алексей Федорович подарил ребятам несколько фотографий старого Арзамаса, фотографии людей, знавших Гайдара. Это была для музея настоящая находка.

Открытие можно сделать и тогда, когда его не ждешь. У ребят из гайдаровского музея есть правило — читать все газеты и журналы. И встретившиеся публикации о Гайдаре вырезать для своего архива.

Совсем недавно листали ребята журнал «Советский экран» и вдруг увидели фотографию, до сих пор неизвестную им, — Гайдар в лодке с Александром Разумным — режиссером фильма «Тимур и его команда».

Так начался новый поиск. Через редакцию журнала ребята узнали адрес сына режиссера — Владимира Александровича. А Владимир Александрович дал номер телефона режиссера «Чука и Гека» — Ивана Владимировича Лукинського... После долгожданной встречи с Иваном Владимировичем столько было впечатлений, воспоминаний, радости, что и не перескажешь.

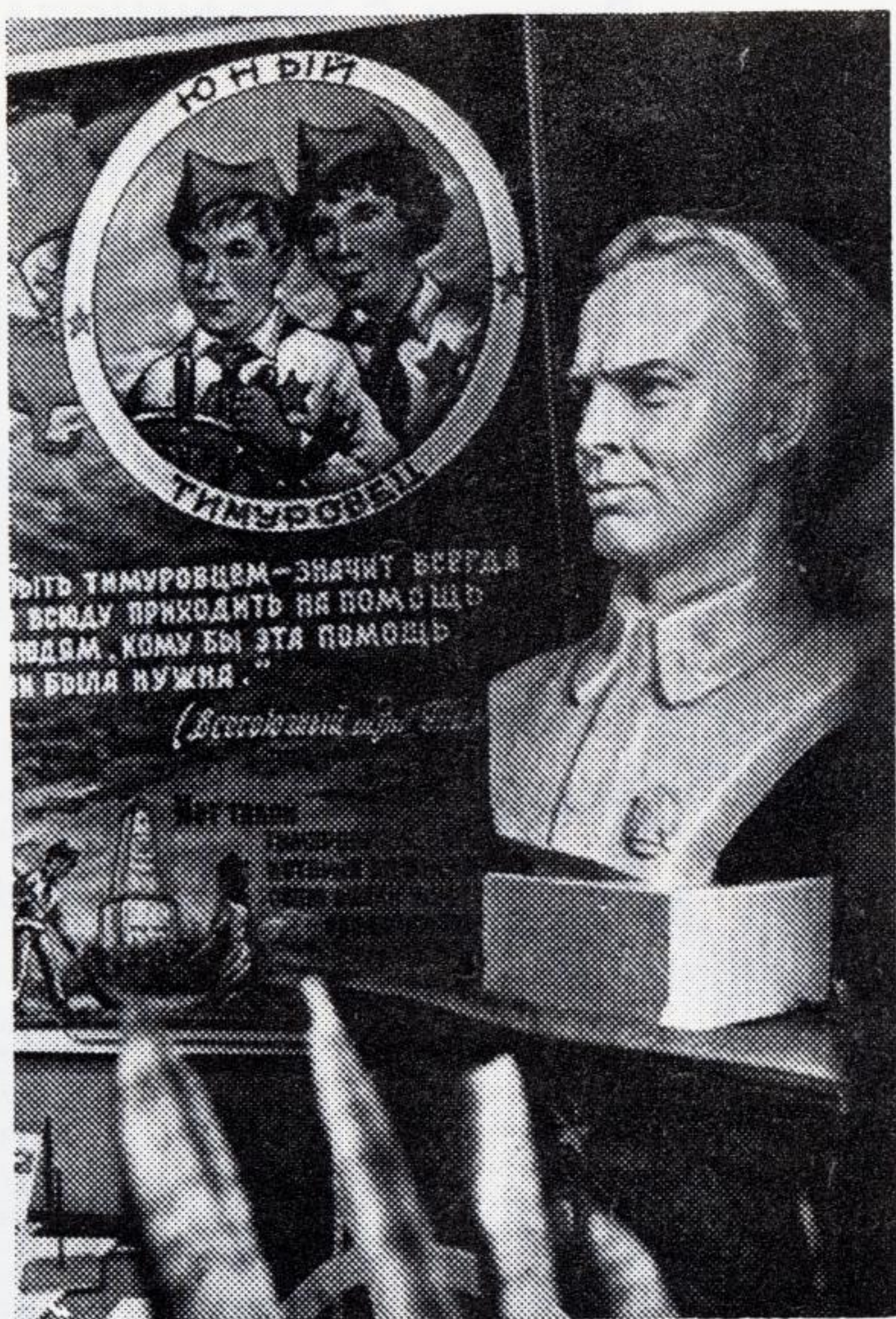
На этом поиск не закончился. Скоро у ребят новые встречи. С Юрием Викторовичем Чучуновым и Андреем Георгиевичем Чиликиным, исполнителями главных ролей в фильме.

Замечательное правило

Когда гайдаровскому музею исполнилось десять лет, ребята получили письмо:

«Дорогая Надежда Леонидовна, дорогие ребята! Дирекция и коллектив Государственного литературного музея горячо приветствуют Вас в день рождения вашего музея.

В течение многих лет мы внимательно наблюдаем вашу большую работу по сбору материалов о замечательном писателе А. П. Гайдаре. Мы радуемся вашим успехам в экспозиционной и экскурсионной работе. Счастливы, что сотрудники вашего музея могут быть нам полезными, и горячо благодарны вам — юным музейщикам, и Вам, Надежда Леонидовна, за те материалы, которые вы передали в фонды Государственного литературного музея — прижизненные издания произведений А. П. Гайдара («Дальние страны», «Четвертый блиндаж», номер журнала «Пионер»

В музее А. П. Гайдара на 2-й Фрунзенской.

с публикацией «Голубой чашки»), ряд оригинальных фотографий писателей, их автографы.

Желаем Вам, ребята, больших успехов в ваших поисках!

Директор музея Н. В. Шахалова».

Дружба гайдаровцев с Государственным литературным музеем началась очень давно, еще в 1964 году. И дружба эта крепкая. Почему?

У гайдаровцев еще одно твердое правило: «Как только находишь подлинные документы, фотографии, сразу передай в Литературный государственный музей».

Это правило гайдаровцев замечательное. Следовали бы ему многие классные, школьные, районные музеи, были бы сохранены те реликвии, документы, которые, к сожалению, безвозвратно утрачены.

И когда однажды в руки гайдаровцев попал плащ Гайдара, они, не задумываясь, отдали его библиотеке-музею А. П. Гайдара в городе Каневе Украинской ССР. Тут уж ребята думали не о славе своего музея (а какому музею не хочется иметь подлинные вещи, подлинные документы!), они думали о том, как СОХРАНИТЬ свою находку. А гордиться ею можно и издалека.

Тут надо пояснить: многие районные и школьные музеи переоценивают свои возможности. Думают, что найденный ими экспонат целее будет в «родных» стенах. Но зачастую в помещениях, отданных под экспозицию, не поддерживается нужная температура, не соблюдаются строгие правила хранения. А переезды, а ремонты, а пожары?..

Экскурсоводы

Если вы придете в гайдаровский музей Дома пионеров Ленинского района, вас сразу же встретит экскурсовод. С алым галстуком на груди... Он уверенно проведет вас от стенда к стенду. Будет тихо звенеть его указка о стекла витрин. И вы наверняка заслушаетесь рассказом маленького экскурсовода. И многое узнаете о детстве Гайдара, о его школьных

годах и боевой юности, о жизни писателя в Москве, о его журналистской работе, о том, как он писал свои книги, и кто был другом Аркадия Петровича, и как ушел Гайдар на Великую Отечественную...

Готовят экскурсоводов в музее. Любой четвероклассник, увлекшийся работой музея, может записаться в подготовительную группу, чтобы учиться искусству рассказывать. Многие ребята, как Шестакова Лариса (она директор музея), Конюхов Кирилл, Смирнов Сергей, становятся настоящими мастерами своего дела.

О друзьях-товарищах

У гайдаровского музея много друзей. Здесь частые гости — родные и близкие Аркадия Петровича Гайдара. И те, кто возглавляет тимуровское движение страны: главный редактор журнала «Пионер», начальник Всесоюзного штаба Тимура Станислав Александрович Фурин; писатель Борис Николаевич Камов; руководители тимуровских штабов и отрядов из Клина, Ростова-на-Дону, Арзамаса, Архангельска. Большим другом музея был ныне покойный писатель Рувим Исаевич Фраерман.

В музее учителя проводят уроки внеклассного чтения. А старшие пионерские вожатые Ленинского района — свои семинары.

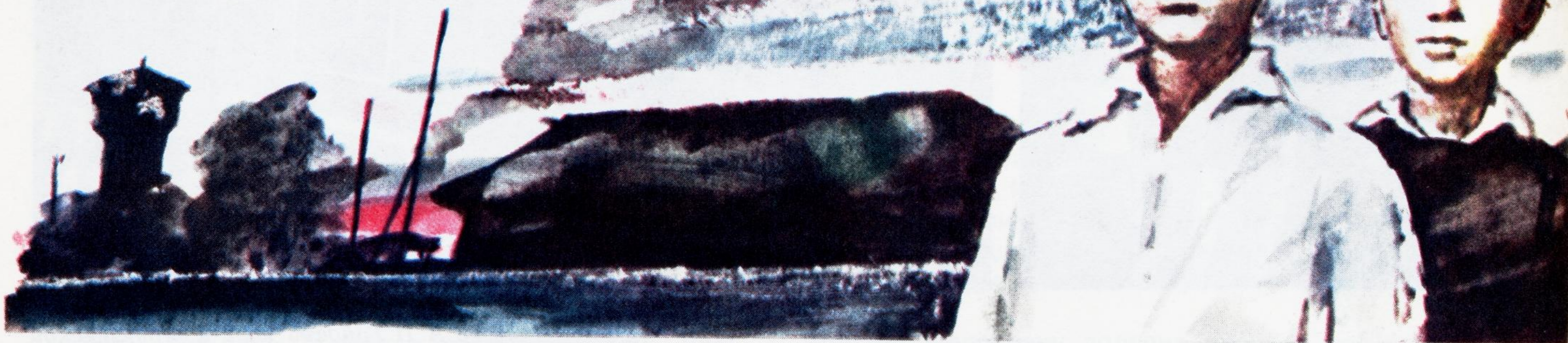
Каждый день идут письма со всех концов страны по адресу: г. Москва, 2-я Фрунзенская улица, дом 12, Дом пионеров Ленинского района, гайдаровскому музею. И на каждое письмо музей отвечает.

Отложены в сторону указки экскурсоводов. Гайдар улыбается с портрета. А ребята из музея спешат к тем, кто нуждается в их помощи: в детскую клиническую больницу, к престарелым людям — ветеранам Великой Отечественной войны, в детский парк неподалеку, где их ждут малыши. Ребята из музея — тимуровцы. Так и должно быть. Тот, чья жизнь освещена улыбкой Гайдара, не может быть равнодушным.

И. АНДРИАНОВА

ВЫШЕ ГОЛОВУ, СЫНОК!

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

От автора

Эту повесть я начал еще в детстве. Вернувшись с осклизлого поля, где вместо уроков мы копали картошку, я доставал «гроссбух» — толстую канцелярскую тетрадь, найденную в брошенной фашистами автомашине, и при желтоватом свете копилки вспоминал, как началась война.

О ней мы узнали по телефонному звонку из райцентра. Радио в нашем селе не было.

Председатель сельсовета Черемшагин попросил жену затопить баню. Он сказал: «Такое дело нельзя начинать, не помывшись». Наша мама с молотком в руке молча полезла на крышу. Она, видимо, поняла, что отец уже никогда не починит эту дырявую крышу и отныне все на свете ей придется делать самой.

Я писал в толстую коричневую тетрадь, как в октябре сорок первого года за синим лесом багровым закатом горело небо. Странно было то, что закат пламенел не на западе, куда обычно садилось солнце, а на юге, где оно висело в полдень.

В семнадцати километрах от нас горел районный город. Через несколько дней в село вошли враги.

Пришельцы в зеленых мундирах прикладами сбили замок с сельской библиотеки и вывалили в жидкую грязь книги. Мама учила нас касаться книг только чистыми руками, а теперь книги валялись на дороге и в траве и по ним ступали кованые подошвы черных сапог.

Наш дом стоял на пригорке, а внизу, в бывшей конюшне, оккупанты устроили нечто вроде концлагеря. Они обнесли конюшню колючей проволокой и сгоняли туда попавших в плен красноармейцев. Пленные голодали. Гитлеровцы бросали им за проволоку мерзлую тушу павшей лошади, и погибавшие от голода люди руками раздирали ее. Гитлеровцы смеялись и фотографировали эти сцены.

В своей детской повести я писал, как по-разному вели себя люди во время войны. Однажды ночью в село из лесу пришел бывший председатель сельпо коммунист Лохмачев. Его выдала утром белобрысая Нонка Лепилина, и Лохмачева расстреляли гитлеровцы. Он лежал на огороде, скорчившись, и на бобриковом пальто заледенела кровь.

В февральские сумерки сорок четвертого почталь-

онка Катя сунула маме серый конверт и, не оглядываясь, побежала по тропинке, протоптанной в глубоком снегу. Дрожащие пальцы матери смогли только распечатать конверт, но прочесть письмо у нее уже не было сил. И у меня перед глазами прыгали печатные буквы: «Ваш муж... смертью храбрых»...

Я писал в повести о том, что если в доме нечего есть, то можно пойти на болото и из-под замерзшего льда выковырять болотные водоросли. Ошпарить их кипятком, высушить, истолочь, и получится белая мука. Мука нашего военного детства. И в нее можно добавить еще опилки, древесную кору, конский щавель, жмых, картофельные очистки, но хлеб из этой муки никогда не будет иметь своего истинного цвета и запаха.

Я благодарил в повести нашу Зорьку, нашу красную с белой звездочкой на лбу корову. Своим молоком она спасла меня и сестру Тасю в трудные годы войны.

В своей повести я хотел рассказать о том, как сквозь метель прошел сорок километров пешком и выпросил у родственников огненно-рыжую, похожую на лисицу дворняжку, которая огласила село заливистым лаем, когда гитлеровцы расстреляли в селе всех собак.

Я не мог забыть в своем рассказе и солнечный день девятого мая! Меня послали в поле, чтобы я сообщил женщинам, сажавшим картошку, добрую весть о победе.

Я вяз в глине, перепрыгивал через лужи и кричал только два слова:

— Война кончилась! Кончилась война!

Услышавшие меня женщины кинулись друг к другу, обнимались и выли во весь голос. Вдовий крик был первым салютом победы в тот майский день!

Тогда, в двенадцать лет, у меня не хватило терпения закончить повесть. Приятели часто звали меня кататься с горки. Весной мы сделали из глянцевых тетрадных листов бумажные кораблики и пустили их по речке Луже. Мы искренне верили, что наша эскадра доплывет до Каспийского моря, потому что Лужа впадала в Протву, та — в Оку, а Ока — уже в Волгу.

Теперь по памяти я стараюсь восстановить все, что мальчишкой увидел в тяжелые годы войны...

Мамин подарок

Из школы я не шел, а летел, словно на крыльях. Пронеслись мимо низкие палисадники, клонились к земле тяжелые подсолнухи. Мне хотелось с разбегу громыхнуть палкой по запыленным заборам, чтобы раздался треск как из пулемета. Чтобы осоловевшие от зноя куры бросились врассыпную, а ненароком задремавшая старушка поворчала мне вслед. Но шла война, шалить было как-то неловко...

Я спешил домой поделиться своей радостью с мамой.

Мама, прикрыв от солнца голову косынкой, сидела на ступеньках крыльца и чистила картошку. Рядом копошился в песке мой двухлетний брат Толик.

— Мама, мамочка!— крикнул я, обеими руками отталкивая тяжелую калитку.

Мама вскинула на меня свои васильковые глаза, и мне показалось, что они потеплели. Мама отложила нож в сторону, стряхнула с передника очистки, тщательно вытерла руки и поднялась мне навстречу.

С разбегу я упал в ее объятия. Мне не хватало воздуха, чтобы вымолвить слово.

— Охлонись ты, шустряк! Али жар-птицу за хвост споймал?

— Завтра... нас... Вожатая Люся сказала... Примут в пионеры... У памятника Ленину.

— Це добрые висти!— улыбнулась растроганно мама. Говор у нее был странный. Мы давно жили в Донбассе, но родом мама была из Белоруссии, и в ее разговорах причудливо сочетались и никогда не мешали друг другу твердость белорусской, мягкость украинской и меткость русской речи.

— Еще вожатая сказала, что галстуков на всех не хватит. Будут повязывать по очереди.

— Трижды будь проклята эта война!— вырвалось у матери.— Не горюй, сынку. Не отнять Гитлеру нашу радость. Подарю я тебе красный галстук.

Мы уселись на нагретые солнцем ступени крыльца, и она обняла меня, как наседка обнимает крылом цыпленка. Война шла уже третий месяц, и мама с каждым днем становилась все печальнее: от отчима, Григория Ильича, не было никаких вестей. Я видел: мама устает; она работала на комбинате в три смены, потом еще дежурила в отряде противовоздушной обороны, рыла бомбоубежища. Мы с Толиком урывками видели маму. В свободные часы она варила нам густой борщ сразу на неделю. Я разогревал его на примусе и кормил брата. Я даже выучился сам варить кашу, но Толик почему-то отворачивался от нее.

— Вот и дождалась я этого дня,— тихо сказала мама,— в пионеры уже тебя принимают! Совсем большой!— Она запустила шершавые пальцы в мои выгоревшие за лето волосы и ласково потрепала их.

— Быстро ты вырос,— продолжала мама.— Помню, зовут меня на партийное собрание, а я не знаю, куда тебя деть. Несу на собрание. Спорим там, обсуждаем, от некоторых аж пар идет, а ты, пока сытый, спишь-посапываешь. А как проголодаешься— сразу в голос. Смеется собрание: «Володька голос подает, пора, значит, расходиться».

Я тихо сидел, слушал. Интересно знать, каким ты был раньше.

— Мама, а вы были пионеркой?— спросил я.

— Не пришлось. Но когда была комсомолкой, с пионерами дружила. Помню, с комбината послали меня весной на дальний хутор договориться о пионерском лагере. Выбрать место, куда повезем ребятшек, наладить ночлег, питание и все такое. Хутор мне понравился: речка рядом, воздух как парное молоко. Договорилась я в сельсовете, где палатки поставим, кто нам мед и молоко продаст. Привезли на подводах ребят... Селяне встретили их приветливо, но, заметив, что никто из пионеров перед едой не помолился, стали посматривать косо. Затрубили пионеры в горн, в барабан ударили, совсем местные переполошились. «Уезжайте, говорят, откуда приехали. Нехристи вы, все тут у нас разворуете». Что нам делать? Пришлось ходить по домам и уговаривать, рассказывать, что пионеры— народ сознательный, за порядок горой стоят. Крестьяне и слушать не хотели. Тогда я говорю им: «Если вы меня не слушаете, то, может, Москву послушаете?» Селяне смеются: до Москвы, мол, как до солнца— одинаково далеко. Пускаю в ход последний козырь: «Дайте, говорю, мне неделю сроку. Заговорит у вас в доме Москва!» Написала на комбинат письмо, чтобы комсомольцы поскорее прислали мне детекторный радиоприемник с наушниками. В те годы радио на хуторе еще даже не слышали, и

хуторяне мне не поверили: «Брехня, говорят, все это».

Прислали нам с комбината радиоприемник. Пионеры провода между деревьями протянули—антенна, значит, получилась у нас. Наушники к приемнику приладили. Селяне на нас поглядывают, перешептываются, насмешничают. И вдруг сквозь писк и треск из маленького ящичка прозвучали слова: «Говорит Москва». У селян глаза на лоб полезли. По очереди подходили они к наушникам, слушали последние известия, потом музыку. И с тех пор стали на пионеров поглядывать с уважением... Вот как.

— Выходит вы, мама, пионервожатой были?

— Вожатой не вожатой, но с пионерами я всегда дружила.

Вот тебе и новость, а я и не знал этого про свою маму...

Утром я увидел на спинке кровати чистую белую рубашку и черные брюки. Мама их залатала и тщательно отутюжила. Поверх рубашки пламенел красный галстук.

— Откуда он взялся, мама?—удивился я.

— Дарю тебе, сынок, свою красную косынку. Еще до войны дали ее мне на комбинате за ударную работу. Торжественно вручили, при народе.

— Почему же вы ее никогда не носили?

— Не хотелось перед подругами выхваляться, вот, мол, какая я ударница. Берегла я свой кумачовый подарок, а теперь, видишь, как он пригодился.

Мама накинула мне на шею галстук и хотела поцеловать, но я вывернулся—не маленький все-таки. Скопил незаметно глаза на грудь: на белой рубашке галстук выглядел очень красиво.

Как ни торопился я в парк, у памятника Владимиру Ильичу Ленину собрались уже ребята. Пунцовые от волнения, они ждали вожатую. Чтобы как-то скоротать время, Надийка о чем-то шепталась с двойняшками Оксаной и Таней, Гнат играл в камешки с Петриком. Вразвалку ко мне подошел Миколка Сиротин. В шутку мы называли его «Сиротка». Получалось смешно, потому что коренастый и сильный Миколка ничуть не походил на сиротку.

— Как ты думаешь,—спросил он,—чем мы будем заниматься в пионерах?

— Чем-нибудь важным.

— Я думаю,—загадочно сказал Петрик,—нам поручат выслеживать диверсантов. Ты читал в «Пионерской правде», как пионеры задержали подозрительного человека на мосту, а он оказался шпионом?

— Может, наганы дадут?—неуверенно произнес я.

Миколка презрительно хихикнул:

— Держи карман шире! Ты даже из рогатки стрелять не умеешь.

— Я не умею?—вскипел я.

— Ты!

Я приготовился было боднуть Миколку голо-

вой, но тут подошла наша вожатая Люся и пристыдила нас: в такой, мол, день распетушились. Мы и не заметили, как она появилась, окруженная стайкой ребят. Ульяну Лукьяновну, нашу учительницу, привела Катя Примак. Ульяна Лукьяновна была совсем старенькой, почти ничего не видела, но уходить из школы не хотела—боялась соскучиться без своих учеников.

Мы любили Ульяну Лукьяновну как самого удивительного человека в нашем поселке и обрадовались, что она пришла к нам в такой торжественный день.

Вожатая вынула из сумки целую кипу галстуков. Я сразу увидел, что все они были неодинаковы и по размеру и по оттенкам красного цвета.

— Ура!—закричали ребята.—А вы говорили, галстуков нет.

— Галстуки вам достанутся исторические,—очень важно объявила нам Люся.—Каждый—реликвия. Вот этот носил пионером начальник цеха Иван Тарасович Войтенко. Он был делегатом I Всесоюзного слета пионеров в Москве. А этот дарит вам одна из лучших работниц комбината, стахановка Мария Романовна Кривченя. Трудное было у нее пионерское поручение—обучать неграмотных. Марийка-учителка, так ее тогда называли взрослые, учила по единственному букварю девяносто восемь человек. Мария вырезала ножницами заголовки из газет, наклеивала их на картон и такие самодельные буквари раздавала своим ученикам. Почти сто взрослых людей нашего поселка благодарны Марии Романовне за науку.

Посмотрите,—продолжала вожатая Люся.—Этот галстук мне подарил испанский пионер в Артеке. Его зовут Хосе. Маленьким он сражался против фашизма на баррикадах Мадрида, потом вместе с другими испанскими детьми приехал в Советский Союз. Где Хосе сейчас, я не знаю, но твердо убеждена, он борется и сейчас с фашистами. Мне очень дорог этот галстук, и мне хотелось бы, чтобы он достался самому смелому и скромному среди вас.

Так вожатая Люся рассказывала нам про галстуки, а потом мы все вместе решали, кому какой передать.

Про галстук Ивана Тарасовича Войтенко мы в один голос сказали: «Надийке».

Надийка жила с бабушкой, ее родителей убили кулаки. Надийка училась лучше всех в классе, и мы считали ее самой честной и справедливой среди нас. Мы были не прочь подраться на переменах, таскали иногда яблоки из чужих садов, подсказывали на уроках. Надийка—никогда. Случалось, у кого-то чесались руки поколотить ее: слишком уж она примерная и неуступчивая. Но всякий раз нам становилось стыдно. Никто не видел, как она танцует, никто не слышал ее пения. И как-то само собой

получилось, что даже самые отчаянные сорвиго-
ловы и забияки побаивались взгляда ее строгих
серых глаз, ее справедливого слова.

Надийка бережно взяла кумачовый галстук,
прижала его к груди, прошептала «спасибо» и
отвернулась, наверное, чтобы никто не видел,
плачет она или улыбается от радости.

Кате Примаку мы постановили отдать галстук
Марии Кривчени. Катя мечтала стать учитель-
ницей. Катя засмузилась, зарделась.

А вот кому подарить галстук смелого юного
борца Хосе? Тут было над чем поломать голову!
Миколка-Сиротка самый смелый, но и самый
хвастливый. Таня и Оксана на редкость скром-
ные, но всяких жуков и козявок боятся. Петрик
тоже никогда в драку не полезет: то ли трусит,
то ли еще что...

— Я считаю,— твердо сказала Надийка,— что
этого галстука достоин Володя Зернов.

Я почувствовал, как от неожиданности у меня
запылали уши. Вот беда! Ну, что мне с собой
делать? Хвалят ли меня или ругают, уши мои
нагреваются краской. Галстук испанского пио-
нера — мне? Я с благодарностью посмотрел на
Надийку. Но что же делать тогда с маминим
подарком?

Я сделал шаг вперед. У меня уже горели не
только уши, но и лицо. Мелькнула мысль не
говорить никому про мамин галстук. Но мог ли я
обмануть маму?

Достав из-за пазухи аккуратно сложенную
алую косынку, я сказал:

— Спасибо. Большое спасибо. Но вчера мама
подарила мне свой галстук...

Галстук испанского пионера вручили Микол-
ке. Миколка поклялся, что никогда больше не
будет хвастаться.

И тут как раз подошел к нам Тихон Горде-
евич. Я сразу узнал его. Он дружил с моими
отчимом и мамой и хотя не очень часто, но все
же бывал в нашем доме.

Вожатая Люся представила его ребятам, ска-
зала, что он герой гражданской войны и даже
воевал вместе с Чапаевым. Я удивился: Тихон
Гордеевич никогда об этом не рассказывал. И я
еще раз подумал, что все геройские люди скром-
ные.

Тихон Гордеевич поднял руку, приветствуя
нас. Как и у всех, кто работал на комбинате,
волосы его были пропитаны соляной пылью и
казались серебристыми.

Катя Примаку вручила гостю белые хризанте-
мы, а близнецы Таня и Оксана — гвоздики.
Тихон Гордеевич с изумлением посмотрел на
сестер, похожих друг на друга как две капли
воды, и улыбнулся: «Как же вас мамка раз-
личает?»

Ребятам хотелось расспросить Тихона Горде-
евича про Чапаева, про Анку-пулеметчицу, но
вожатая Люся подала уже команду:

— На торжественную линейку — становись!
Один за другим мы произносили слова Торже-

ственного обещания, а вожатая Люся и Тихон
Гордеевич повязывали нам красные галстуки.

Потом Тихон Гордеевич поздравил нас.

— Не время сейчас говорить длинные ре-
чи,— сказал он.— Идет война. Не на жизнь, а на
смерть. Ваши отцы и старшие братья не жалеют
себя на фронте. Ваши матери и сестры без
устали трудятся в тылу. Вы, наверное, спросите
меня, что можете сделать для победы над врагом
вы, юные пионеры? Честно скажу: мы, старая
гвардия, очень на вас надеемся. И вот сейчас
даю вам первое пионерское поручение.

— Диверсантов ловить?

— Мы можем по ночам дежурить!

Тихон Гордеевич обвел нас взглядом, и на его
смуглых скулах заходили желваки.

— На этот час самое важное поруче-
ние — взять швабры и ведра с водой и к вечеру
вымыть школу. Завтра там разместится военный
госпиталь.

— А где мы будем учиться?

— Что-нибудь придумаем. А пока главная
забота о раненых. Справитесь?

— Что за вопрос! — выкрикнул Миколка и
осекся — он, получая галстук, дал слово не хва-
статься.

Тихон Гордеевич посмотрел на Миколку вни-
мательно и посоветовал:

— Когда все сделаете, тогда и радоваться
будем. Так нам Владимир Ильич завещал.

— А вы дедушку Ленина видели? — спросил
Миколка.

— Только один раз, и то издали. Но ленин-
ские слова помню.— Тихон Гордеевич взял по-
даренные ему цветы и положил к подножию
памятника. Мы тоже положили свои цветы на
постамент.

Диверсант

Сквозь зашторенные окна скупно пробивался
рассвет. Меня разбудил гул самолетов. Волна за
волной летели фашистские стервятники бом-
бить наши города. Если бы у меня был гипербо-
лоид инженера Гарина, о котором я читал в
фантастической книжке, огненным лучом срезал
бы я крылья этих самолетов!

Наши краснозвездные «ястребки» смело ата-
ковали желтобрюхие вражеские бомбардиров-
щики. После таких схваток мы находили в степи
огромные воронки, которые пахли гарью. Осен-
ние ливни быстро заполняли их ржавой водой.

Я читал книгу «Зимовье на Студеной». Она
уносила меня в зеленую тайгу, где жили душа в
душу старый охотник и его верный пес. Надсад-
ный гул пролетающих самолетов мешал мне
читать, напоминая, что идет война, что она уже
совсем близко от нашего пожелтевшего от зноя
поселка.

О приближении фронта можно было судить и
по вереницам усталых, почерневших от пота и

пыли беженцев. Они шли пешком на восток и все свое небольшое имущество несли на себе — в заплечных сумках, мешках, узлах. Часто проходили через поселок и наши войска. Тоже на восток. Бойцы старались не встречаться взглядом с нами: мы смотрели на них с тревогой и надеждой. Вчера солдаты попросили напиться, и я выставил у калитки полное ведро колодезной воды. Солдаты пили медленно, роняя на землю сверкающие капли. Если бы эта вода была живой, как в сказках, если бы она дала силу нашим бойцам! Словно угадав мои мысли, пожилой сержант поставил опустевшее ведро на скамейку и, вытирая рукой пшеничные усы, сказал:

— Спасибо, сынок! Мы как будто воскресли. Хороша твоя водица.

Бойцы ушли, а я побежал к колодцу и снова поставил ведро со студеной водой: пусть кто-нибудь напьется еще.

За калиткой появился Миколка, потом он позвал меня на улицу.

— Не могу сейчас: Толька вот-вот проснется,— сказал я шепотом, но Сиротка настаивал. Подойдя поближе, он прошептал:

— Слышал новость? Ночью на комбинате диверсанта поймали.

— Поклянись.

— Честное пионерское! С места мне не сойти.

Такой двойной клятве не верить было уже невозможно, и я быстро спросил:

— Где диверсант?

— В Совете допрашивают.

Я оглянулся на спящего Толика. Мама не вернулась еще с ночной смены, и она просила меня никогда не оставлять брата одного. Но не увидеть пленного фашиста я не мог. Я быстро повязал красный галстук, перемахнул через забор — на калитку не было времени! — и вместе с Миколкой, взбивая серебристую пыль босыми пятками, напрямик помчался на пригорок, где стояло здание поселкового Совета с красным флагом над крыльцом.

Там уже собрались женщины и старухи. Перебивая друг друга, они выкладывали последние новости:

— Говорят, комбинат хотел взорвать!

— Нет, водокачку!

— На склады самолеты наводил!

— Изверг!

— Задушила бы его своими руками!

— А чего ждать, бабоньки? Растерзаем его на мелкие кусочки! Он детей наших хотел отравить.

Я ловил каждое слово. Если диверсант хотел взорвать комбинат, самое важное в поселке предприятие, работавшее для фронта, то, значит, опасность грозила всем, кто был в ночной смене: и маме, и Тихону Гордеевичу, и другим людям, дети которых бежали сейчас сюда, к поселковому Совету.

На крыльце появился молоденький милици-

онер в длинной, не по росту гимнастерке. С плеча у него сползала винтовка.

— Соблюдайте порядок, граждане! Никакого самоуправства. Всем отойти от крыльца!

Толпа качнулась, но не сдвинулась с места. В сопровождении второго милиционера вышел диверсант. Он сощурился от яркого света и неожиданно громко чихнул. Женщины возмущенно загудели.

— Да это же Кузя-парикмахер! — толкнул меня в бок Миколка.

Я не верил своим глазам. Мы ожидали громилу с фашистской свастикой на рукаве, а здесь стоял франтоватый Кузя-парикмахер. Каждый из нас в свое время стригся у него. Кузя любил поговорить с клиентами, выпрашивал все поселковые новости. Когда у него было хорошее настроение, стриг ребят бесплатно. Возвращая мелочь, он обычно говорил: «У Кузи доброе сердце. Не от ваших денег разбогатеет Кузя. Откушайте за его здоровье мороженого».

По состоянию здоровья Кузю не взяли на фронт, но он жадно выпрашивал у ребят, что пишут с фронта их отцы. Когда же Кузя успел стать фашистом?

Милиционеры подвели Кузю к грузовику. Он вел себя нахально, ухмылялся, словно его везли не в тюрьму, а на свадьбу. В ответ на возмущенные возгласы выкрикнул: «Ничего, даст бог — свидимся».

— Смотри, какой гад жил в нашем поселке,— сказал Миколка, когда грузовик оставил за собой желтый хвост.

— Меня недавно про отца расспрашивал,— неожиданно вспомнил белобрысый Петрик.— Почему, мол, твоего отца с Дальнего Востока на Украину перебросили? К секретам, значит, принохивался.

Я вспомнил про оставленного дома Толика и быстро распрощался с друзьями. Мама уже была дома и кормила Толика кашей. Вытерев ему губы полотенцем, она долго мыла миски и чашки, а потом тихо спросила:

— Неужели на тебя нельзя надеяться, Володя?

— Мам, я ведь только на минуточку... Мы диверсанта бегали смотреть.

— Эка невидаль — Кузя!

— Откуда вы знаете, мама, что это был Кузя?

— Да мы же его ночью своими руками схватили. Воспользовался темнотой, пробрался к складам и фашистским самолетам фонариком сигнализировал.

— Да сегодня ж ночью не было бомбежки?!

— Выходит, облака нас выручили. Не заметили фашисты Кузино мигание. Через потайной лаз стал он на улицу выбираться, тут и заметил его наш рабочий патруль. Тихон Гордеевич сзади его за руки схватил. Кузя пытался вывернуться, бритвой размахивал, она у него в кармане была, но старая гвардия не подкачала. Тихон Гордеевич сумел щепотку нюхательного табака Кузе сунуть, тот и давай чихать. На шум подмога подоспела, вот и сдали мы его милиционерам.

— Он до сих пор чихает.

— И вы в этом списке, мама?

— Так ему и надо. Теперь милиция до всех его дел докопается. Говорят, при обыске у него тайные списки нашли.

— Какие списки?

— Он, подлец, на весь наш поселок списки составил: кто коммунист, кто орденом награжден, у кого сыновья командирами в Красной Армии служат — всех записал, вражина. Чтоб у него руки отсохли, чтобы его поганые очи пеплом засыпало.

— И вы в этом списке, мама?

— Думаю, не пропустил. Заранее перед фашистами выслуживался.

Хлеб горит!

...А война все ближе подкатывалась к нашему поселку. В нашу жизнь пришло новое слово — «эвакуация». Ночами к комбинату подходили составы, и, стараясь не шуметь, люди впотьмах что-то грузили на платформы. Что там было под зеленым брезентом, мы не знали и не старались узнать. Комбинат эвакуировали на восток.

— И нас эвакуируют? — спрашивал я маму.

Мама не отвечала, а когда я принялся особенно настойчиво теревить ее, с печальным вздохом ответила:

— Если бы я знала, сынок! Будет приказ эвакуироваться — уедем, будет приказ остаться — останемся.

— Кто отдаст приказ, мама? — не унимался я.
— Партия, — был короткий ответ.

Я гордился своей мамой. Вроде бы она совсем обыкновенная, но все ее знают и уважают. И хотя мне очень хотелось уехать на поезде в незнакомые края, подальше от войны, я понимал, что мама моя, наверное, будет нужна здесь.

Я навсегда запомнил то тусклое осеннее утро, когда из-за набухших серых облаков вынырнули, словно стрижи, самолеты. С устрашающим воем они пронеслись над поселком, едва не касаясь крыльями крыш. Беженцы, которые брели по дороге, бросились в разные стороны, стараясь замереть в кюветах, воронках, в зарослях кукурузы и подсолнечника. Самолеты взмыли вверх и, по-стрижиному описав круг, вернулись снова. Теперь они расстреливали дорогу пулеметами. Черные клубы дыма поднимались к небу и смешивались с облаками, которые быстро ползли к востоку. Мама, накинув платок, поспешила на комбинат, приказав мне никуда не ходить. Но как можно было усидеть дома? В стороне железнодорожной станции что-то сильно горело, и черное зарево заняло полнеба.

Я взял Толика на руки и выглянул на улицу. Беженцы уже не шли по дороге, а бежали.

— Володька! — окликнул меня Гнат. — Хватай мешок и бежим на станцию. Зерна наберем, там элеватор горит!

— Кто же нам позволит государственное зерно брать? — усомнился я.

— Все равно оно сгорит, мы хоть часть для себя подберем. Батяка сказал.

Батяка у Гната был прижимистый. Он посы-

лал сына торговать семечками у станции, пока не вмешалась Ульяна Лукьяновна. Тогда изворотливый отец придумал другой барыш: весной Гнат и его сестры собирали в лесу фиалки, потом ландыши, и маленькие букетики цветов продавала мать Гната, дородная чернобровая женщина. Вот и сейчас отец Гната первым почувал, что на станции можно пожить зерном.

Элеватор горел с крыши, видимо, туда угодила зажигательная бомба, и одноногий сторож с берданкой в руке кулаками размазывал слезы по черному от копоти лицу.

— Хлеб горит,—с болью причитал он.— Добро горит. Жизнь наша горит...

Отец Гната был уже здесь. Не обращая внимания на сторожа, он тащил на спине доверху набитый зерном полосатый матрас. Сзади матрас поддерживала мать Гната, а сам Гнат с белыми от натуги глазами волочил по земле мешок с пшеницей: взвалить его на плечи он не мог. Увидев меня, Гнат жалобно попросил:

— Помоги! Я тебе зерна отсыплю.

Мы поволокли тяжелый мешок дальше, оставляя глубокий след в пыли. Толик семенил за нами. «Немцы, немцы!» — раздалось сзади. Мы остановились, чтобы оглянуться. За водокачкой цепочкой двигались прямо на нас немецкие солдаты.

На улицах стало тихо, как душным летом перед грозой. Мне показалось, что даже птицы умолкли.

Мама сидела за столом, подперев голову руками, и беззвучно плакала.

Я обнял ее, прижался к щеке. Мама подняла голову, схватила меня и Толика в охапку и стала целовать то одного, то другого.

Я понял: она страшно волновалась за нас.

— Комбинат... мы своими руками... взорвали,—сказала она чужим, изменившимся голосом, когда немного успокоилась.

Комбинат любили все жители поселка. Комбинат — это нужные и полезные всем вещи: мыло, соль, сода. «Без соли борщ не сварить, без мыла не умоешься», — с гордостью говорила нам всегда мама. Комбинат — это громкие трубы оркестра впереди праздничной демонстрации, когда сильные руки взрослых поднимали нас, малышей, на плечи, поближе к знамени. Комбинат — это торжественные дни получек, когда мама и отчим клали на стол деньги в одну кучу и вместе с нами решали, что кому купить. Комбинат — это уверенные в себе люди, такие, как Тихон Гордеевич, как отчим, как наша мама. Это тревога, если не выполняется план, и радость, когда план выполняется.

Теперь комбината больше не было, и мы оторопело замерли возле мамы.

Что будет дальше?..

С каждым днем фашисты все больше и больше чувствовали себя хозяевами в поселке. Школу они превратили в комендатуру. В самый последний момент госпиталь успели эвакуировать. Громко горланя песни, фашисты ездили на машинах и бронетранспортерах мимо наших окон, превращая осеннюю дорогу в жидкое

месиво грязи. А наши люди старались не выглядывать на улицу — от беды подальше. И наши зеленые тенистые улицы стали пустынными.

Однажды вечером, когда Толик уже спал за ситцевой занавеской, в окно дважды отрывисто постучали. Мы с мамой прислушались. Раздались еще два негромких удара. Мама накинула на плечи шаль и метнулась в коридор. Звякнули щеколды. Меня удивило то, что мама даже не спросила, кто стучится в столь позднее время. В комнату вошел Тихон Гордеевич. Он задержался на пороге, привыкая к свету коптилки, кивнул мне и медленно опустился на табуретку у стола. Выглядел он усталым, плечи сгорбились, усы поникли. Мама вопросительно смотрела на него, скрестив руки под шалью, потом предложила:

— Может, повечеряете? Я мигом зробию. Еще бульба не остыла, помидорчики недавно засолила.

— Не до пирогов нам сейчас, Прокофьевна,— коротко ответил Тихон Гордеевич.— Дело есть. Посоветоваться надо.

Мама обернулась ко мне:

— Сынок, может, выйдешь на улицу? Ты у нас большой любитель звезды считать,— и, заметив мою нерешительность, строже добавила:— С Тихоном Гордеевичем у нас разговор серьезный.

Гость движением руки остановил маму:

— Нехай останется. Он нашему делу не чужой человек. Пионер же он теперь. Так я говорю?— обратился ко мне Тихон Гордеевич.— Где, кстати, твой галстук?

Я показал на спинку кровати, а Тихон Гордеевич посоветовал:

— Спрячь его, Володюшка, в укромное место. Не время сейчас в красном галстуке по улицам разгуливать. Фашисты от красного цвета хуже быков бесятся.

— Хорошо, я спрячу,— согласился я,— на время.— А сам подумал: куда спрятать? В сундук, в шкаф, за зеркало? Могут найти. И я решил положить галстук в консервную банку, а банку спрятать на чердаке в соломе. Если фрицы будут обыскивать чердак, вряд ли заметят маленькую жестянку.

Мама и Тихон Гордеевич негромко разговаривали. По стенам комнаты от дрожащего в коптилке пламени качались тени, словно птица взмахивала крыльями. Из разговора я понял, что большинство коммунистов и комсомольцев комбината ушли в леса за Славянском — партизанить. А мама и Тихон Гордеевич должны остаться здесь. Если фашисты попытаются восстановить комбинат, то им придется вернуться в цехи, чтобы вредить врагу — не дать возможности выпускать мины.

Я боролся со сном, потому что хотел узнать, как мама и Тихон Гордеевич будут вредить немцам, но сон оказался сильнее меня, и я уснул, радуясь, что у мамы и Тихона Гордеевича нет от меня секретов, что, возможно, и я буду помогать им.

Враги

На следующий день мама разрешила мне выглянуть на улицу, чтобы набрать хвороста на растопку. Я встретил Миколку, который запыхавшись бежал куда-то.

— Секретная новость, Володя!— прошептал на ходу Миколка.

— Рассказывай!

— На нашей улице фрицы сегодня всех собак перестреляли. Рыжий Тузик, помнишь, мы Гнату на день рождения подарили его, взял да и облаял немецкого офицера.

— Гнат горюет?

— Не очень. Говорит, Тузик сам виноват, зачем на новую власть бросился.

— Неужели ему не жалко Тузика? Такой веселый был...

— Говорит, нет,— пожал плечами Миколка.— Говорит, раз немцы беспородных собак не терпят, значит, не нужны теперь собаки.

— Струсил твой Гнат.

— Может, и струсил,— согласился Миколка. И мы пошли по улице, подбирая слетавшие с деревьев кленовые листья.

— Давай на нашу школу посмотрим,— предложил я.

— Боязно,— поежился Миколка.

— Хотя бы издали посмотрим. Интересно, что там делается...

А там творилось что-то невообразимое: солдаты рубили на дрова наши парты. На земле груды валялись книги и тетради, гербарии, чучела птиц, которые всю жизнь собирал наш биолог. Голубоватый глобус был втоптан в

— Вот как ты запел!— прошептала Надийка.

грязь. Перед кустами желтой акации, которые окружали школу, немцы поставили новую ограду— из колючей проволоки. У входа в школу появилась будка с часовым.

Я подумал: как хорошо, что Ульяна Лукьяновна не видит эту страшную картину!

Миколка был скор на решения и тут же объявил мне:

— К вечеру надо собрать ребят!

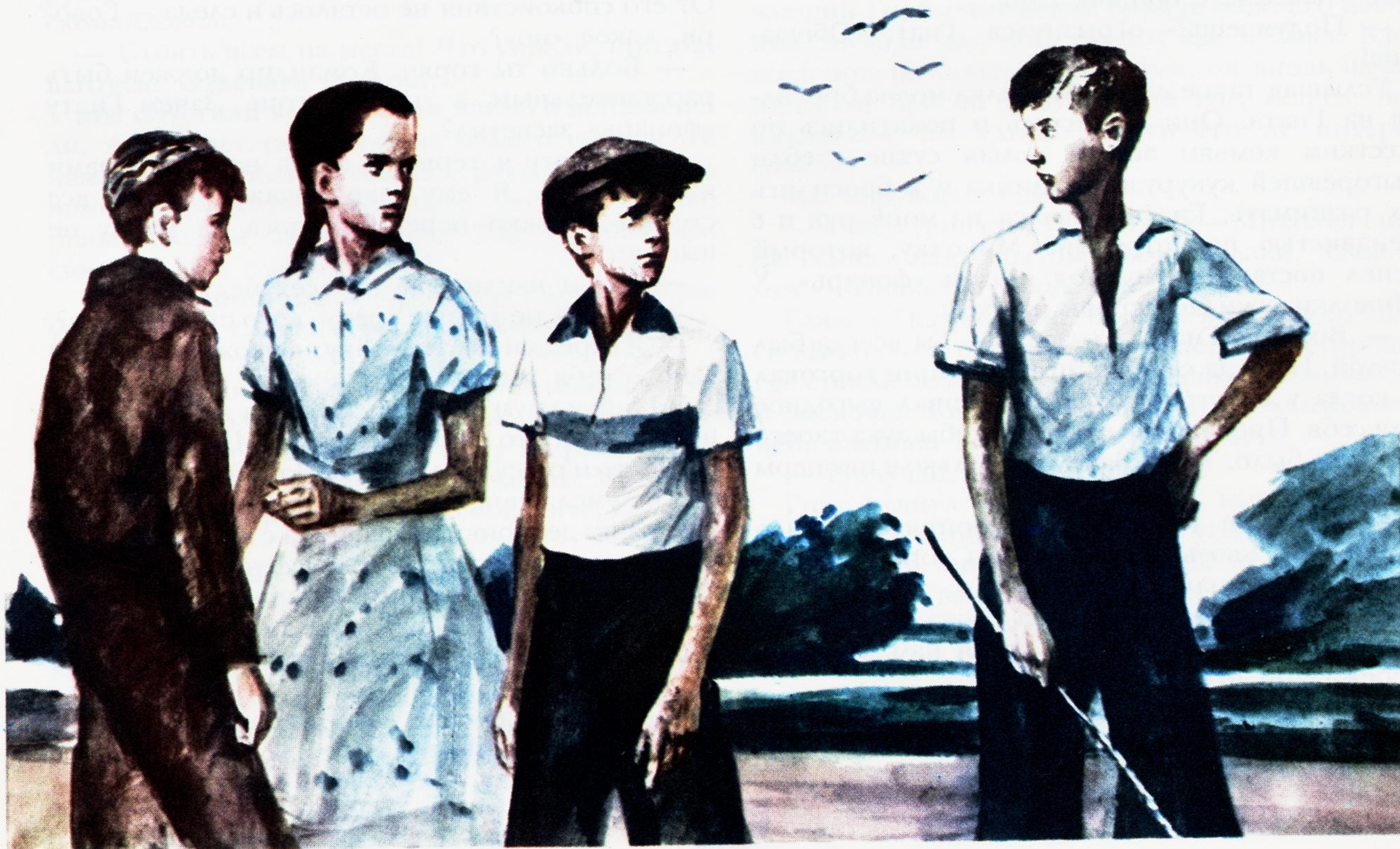
— Миколка,— я все сразу понял,— беги за Петриком и Гнатом, а я позову девочек, Надийку и Катю... После обеда собираемся здесь, на огороде. А теперь— одна нога здесь, а другая— там.

Вареную картошку я проглотил мгновенно. Маме я сказал, что снова иду собирать хворост, и она порадовалась, что я становлюсь хозяйственным. На самом деле я помчался на огород— там мы договорились встретиться. Я стоял и слушал, как печально шелестели неубранные стебли кукурузы— люди срезали только початки, а убрать стебли уже не хватило времени. Это было удобное место. Из зарослей кукурузы мы могли наблюдать за пришкольным участком, а нас вряд ли кто видел.

— Секретное дело, ребята,— начал Миколка, когда все собрались.— Фашисты выбросили из школы наши книги, карты. Пока их не затоптали, давайте вынесем все оттуда и спрячем в надежном месте. Хотя бы вон в том сарае.— Миколка указал на заброшенный сарай на краю пустыря.

— Как это— вынесем?— спросил Гнат. Он сидел на земле и прутиком отгонял муравьев, которые переползали через прутик.

— Фрицы скоро уйдут со двора,— объяснял свой план Миколка.— Кто-нибудь один пробежится на школьный двор и перетаскает поти-

хоньку книги сюда, а отсюда мы все вместе — в сарай.

Самым ловким из нас был Гнат. Высокий, жилистый, гибкий, но сейчас он, казалось, не слышал слов Миколки.

— Мальчики, кто ползет?— тихо спросила Надийка.

— Конечно, я!— подал голос Миколка.— Я первый придумал это секретное дело, мне его и начинать.

— погоди. Ты у нас слишком большой,— примирительным тоном сказала Надийка.— Если замешкаешься, то не успеешь убежать. Фрицы тебя, как гуся, словят. Конечно, ты у нас самый сильный, много дотащишь, но здесь еще и ловкость нужна.

— Разве девчонки хуже мальчишек?— сказала Катя.— Я тоже могу ползть.

Кате никто не ответил, и все почему-то разом посмотрели на Гната. Я вспомнил, как остервенело он тащил мешок с зерном, а Надийка спросила:

— Гнат, почему молчишь?

Гнат отшвырнул прутик и встал. Худой, гибкий, подтянутый.

— А зачем нам эти книги?

— Как зачем? Мы по ним учиться будем.

— Если немцы откроют школу,— отрезал Гнат,— то они свои учебники привезут — немецкие. Рисковать из-за каких-то книг не желаю. Вдруг немцы заметят? Хорошо, если только уши надерут, а могут и родителей оштрафовать или хуже всего — расстреляют. Отец говорит: немцы теперь главная власть.

Слова Гната всех удивили.

— Вот как ты запел!— прошептала Надийка.— Значит, Советская власть тебе уже не власть?

— Ты же Торжественное обещание давал!— сказала с обидой Таня.

— Подумаешь!— огрызнулся Гнат.— Обещание!

Услышав такие слова, Миколка молча бросился на Гната. Они сцепились и покатались по жестким комьям земли, ломая сухие стебли выгоревшей кукурузы. Надийка и я бросились их разнимать. Гнат вырвался из моих рук и с ненавистью посмотрел на Миколку, который успел поставить ему под глазом «фонарь». У Миколки сочилась кровь из губы.

— Вот что, Гнат!— сказал я.— Ты всегда был жилой. И когда семечками на станции торговал и когда у нас что-нибудь выменивал выгодное для себя. Проваливай отсюда, чтобы духа твоего здесь не было. Трус! Зачем ты только в пионеры вступал?

— Вы тоже галстуки уже попрятали,— зло процедил сквозь зубы Гнат.— Скоро сами на поклон к немцам побежите.

При этих словах Миколка снова ринулся на Гната, но тот отскочил и, грозя нам кулаком, побежал по пустырю.

Неожиданно поднял руку тихий, всегда застенчивый Петрик:

— Можно, пойду я?

Он был похож на девочку и очень страдал от этого. Если он начинал играть в лапту, то его команда вмиг проигрывала, потому что Петрик пугался летящего мяча. Мы не принимали его в игры, где требовалась быстрота и сила. Как же сейчас он пойдет на школьный двор, когда в помещении полно фашистов?

— Ты молодец, Петрик,— сказала, одобрительно улыбаясь, Надийка.— Но страшно за тебя, ты не успеешь убежать, если фрицы вернуться!

— Я не буду бегать. Я под колючую проволоку... Ползком, ползком, словно ящерица. Меня никто и не заметит. Честное пионерское!

— Хорошо, иди!— решила за всех Надийка.

— Девочки, хлопцы, послушайте!— вступила в разговор Катя.— Я сейчас сбегая домой за корзиной. Книги куда будем складывать?

— Петрик не дотащит корзинку!— буркнул Миколка, недовольный тем, что ему не позволили идти первому.

— И не надо!— хитро скосив глаза, сказала Катя.— Пусть он только пустую корзину туда дотащит и книги в нее положит.

— И что же?— ехидно спросил Миколка.— Оттуда она на ковре-самолете вернется?

— Вот именно! Мы к корзинке веревку привяжем и вытащим ее оттуда, как репку.— Катя прыснула в кулачок.

— Деловая ты девчонка, Катя!— похвалил я.— Беги, время дорого!

Порозовевшая от похвалы девочка скрылась за углом. Ее дом был в нескольких шагах от школы. А мы принялись выбирать командира — мы уже поняли, что нужен человек, который поведет нас за собой.

Оксана предложила:

— Командиром может быть Миколка, но...

— Что «но»?— сразу заволновался Сиротка. От его спокойствия не осталось и следа.— Говори, какое «но»?

— Больно ты горяч. Командир должен быть рассудительным, а ты как огонь. Зачем Гнату «фонарь» засветил?

— Не могу я терпеть, когда над пионерами насмеются. Я ему еще покажу! Я ему все стежки-дорожки перекрою, носа на улицу не высунет.

— Вот и накличешь на всех беду.

— Ладно, не тяните время, кого предлагаете?

— Я предлагаю Надийку,— неожиданно для самого себя выпалил я.

Надийка изумленно посмотрела на меня. Она не ожидала, что я назову ее имя. Мне нравились смелость и рассудительность Надийки. Конечно, она не умела свистеть в три пальца, как некоторые наши девчонки, не шастала с нами по чужим садам, но она была прямой и честной девчонкой. Она выхаживала больных птенцов, могла стукнуть любого забияку, если он приставал к девчонкам. Она всегда знала наперед, как лучше поступить.

Миколка задумался на мгновение, потом улыбнулся и сказал:

— За Надийку и я тоже.

— И мы с Оксаной голосуем за Надю,— согласилась Таня сразу за себя и за сестру.

— Ой, ребята, какой из меня командир?— отнекивалась Надийка, но Миколка рубанул ладонью воздух:

— Решено! Точка!

И тут как раз выпрыгнула из кустов Катя с корзинкой. Протянула ее Петрику и показала на веревку, которая была намотана на корзинку.

Петрик закусил губу и, ни слова не говоря, пополз под колючую проволоку. Прижимаясь к земле, Петрик заскользил между лопухами, точно ящерица. Не поднимаясь с травы, он быстро наполнил корзину книгами и сделал нам знак рукой. Мы подождали, пока Петрик подползет поближе к нам, и Миколка с силой дернул на себя веревку. Она напряглась, как струна, но корзинка оставалась на месте. Тогда Миколка поплевал на ладони и жестом показал мне, чтобы и я стал впереди него и тоже тянул веревку. Корзинка чуть наклонилась и медленно поползла к нам, сминая метелки сизой полыни и цепляясь за лопухи. У колючей проволоки корзина застряла, но тут к проволоке подоспел уже Петрик. Он быстро опустошил корзину и принялся ловко передавать книги нам в руки. Мы ликовали. Петрик снова полз на школьный двор, наполнял там корзину и возвращался к нам. И опять отправлялся к школе.

Когда мы вытащили все книги, Петрик пролез под колючей проволокой к нам, и глаза его радостно блестели.

Корзина с книгами оказалась тяжелой. Мы несли ее вчетвером. Уставший больше всех Петрик нес свернутую трубочкой географическую карту. Мы уже собирались свернуть на тропинку, которая вела вдоль оврага к сараю, но тут из-за поворота выскочил какой-то человек в новом костюме, в темных очках, с тросточкой в руке. Подняв тросточку над головой, он грозно командовал:

— Стоять всем на месте! Что украли, признавайтесь? Отвечать быстро!

Мы опустили корзинку на землю и остолбенели. А человек снял темные очки и подошел к нам. У нас просто отнялись руки-ноги: перед нами стоял Кузя-парикмахер. Он был крепко пьян. Следом за ним шел Гнат с лиловым синяком под глазом.

Первой опомнилась Катя. Она показала Кузе учебники и сладким голосом заверещала, как сорока:

— Не сердитесь, дядечка Кузя. Книжки мы на земле подобрали, никому не нужны. А нам они сгодятся, кому на сигарки, кому на растопку, а кому на кулечки—семечки продавать. Мы и вам дадим, свою парикмахерскую обклейте, дядечка Кузя.

— Не верьте ей, дядя Кузя!—крикнул Гнат.—Они хотят в сарае библиотеку устроить.

Миколка замахнулся на Гната, но тот юркнул за спину Кузи-парикмахера. Кузя обвел нас мутными глазами, свободной рукой схватил Гната за шиворот и поставил перед собой:

— Как ты назвал меня, паршивец?

— Дядя Кузя!—пролепетал Гнат, еще не понимая, чем вызвал гнев бывшего парикмахера.

Кузя несколько раз хмыкнул, потом поднял тросточку вверх и торжественно произнес:

— Кузи больше нет. Кузя—это мираж, фикция, легенда, фантастика. Шутка артиста, если хотите.—Тут Кузя отпустил Гната, выхватил из нагрудного кармана какую-то книжечку и помаhal ею в воздухе.—Германские власти выдали мне новые документы. Аусвайс. По этим документам я,—в этот момент Кузя качнулся и икнул,—я не кто иной, как сотрудник немецких властей Курт Горбылюк. Кто из вас слышал о Курте Горбылюке? Никто. А теперь каждая собака будет ему лизать пятки и говорить: «Уважаемый господин Курт Горбылюк». Звучит?

— Очень даже звучит,—согласилась Катя.—Уважаемый господин Кузя Курт Горбылюк.

— Да, теперь я господин над вашим вонючим поселком. На ваше счастье, ненадолго. Очистим поселок от большевистской заразы, и германские власти оценят мое усердие: я получу должность бургомистра. Господин бургомистр Курт Горбылюк! Звучит?

Мы молчали, только Гнат подобострастно закивал:

— Звучит, звучит.

Горбылюку не понравилось наше молчание. Он жаждал от нас покорности и почтения.

— А ну, повторяйте за мной: «Господин бургомистр Курт Горбылюк». Хором! Громче!

— Господин бургомистр Курт...

— Горбылюк,—подсказывал сам Горбылюк.—Еще громче, паршивцы вы этакие. Снова!

— Господин бургомистр Курт Горбылюк!—скандировали мы истошными голосами, взвизгивая, гнусава, завывая, а ничего не замечавший Горбылюк вопил громче всех. Его новое имя звучало для него самого как музыка. Вдоволь покуражившись над нами, он вновь начал икать и, бросив Гната среди нас, пошел, покачиваясь, по улице. Книги его не интересовали.

Мы окружили Гната.

— Успел донести, предатель?—Миколка снова занес над Гнатом свои кулаки, словно меч.—Фашистам продался?

Глаза у Гната бегали. Больше всего он опасался Миколки и отодвигался от него в ту сторону, где стояли девочки. Но неожиданно Катя, тихая и ласковая Катя, мечтавшая стать учительницей, вlepила Гнату звонкую оплеуху.

— Получай, бывший пионер!

Гнат втянул голову в плечи, нырнул между Оксаной и Таней—те только успели толкнуть его в спину, и побежал. Миколка не удержался, запустил в Гната камнем, но не попал. А Гнат бежал вслед за Кузей так, что пятки сверкали. Как собачонка за сердитым хозяином.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

РАССКАЗ НОВОСЕЛА

Каждый год в нашей стране празднуются миллионы новоселий. И среди счастливых новоселов — много ребят. В № 1 «Пионера» за 1981 год мы попросили ребят-новоселов рассказать о своих новых домах, о том, как они берегут труд строителей. Вот их рассказы:

Первая в нашем селе

Наша семья справила новоселье уже два года назад, но я все еще чувствую себя новоселом. Квартира у нас очень удобная, светлая, просторная — ее дали нашему папе за добросовестную многолетнюю работу. Он тракторист, часто награждался похвальными грамотами, почетным знаком «Победитель социалистического соревнования».

Сейчас в селе строится много таких благоустроенных квартир. И мы, пионеры, ходим помогать летом строителям. У каждой квартиры сажаем по одной березке. Я думаю, что квартиры всегда будут такими же хорошими и красивыми. Чтобы получить их, наши родители много трудятся в совхозе. И хоть небольшая, но и частичка нашего труда тоже вложена в эти благоустроенные дома.

Ира ДОМОВА, 5-й класс,
Порецкий район, Чувашия.

Будем новый дом беречь

Когда мы приехали в новый дом, двор был еще захламленный после стройки. А сейчас он стал чище, нам залили каток, сделали горки, поставили

качели. Ребят во дворе всегда очень много.

Чтобы сберечь наш дом на долгие годы, надо его беречь каждый день. Осенью мы посадили деревья и кустарники. Есть у нас во дворе маленькая зеленая колючая елочка. Ее мы особенно бережем.

Оля ЕГОРОВА, 7-й класс,
г. Горький.

Среди писем есть и невеселые...

На чисто выбеленных стенах

Мы живем в новом девятиэтажном доме всего три месяца. Квартира наша очень хорошая и уютная. Но уже на чисто выбеленных стенах в подъезде стали появляться разные надписи. Я хочу, чтобы их не было и чтобы наш дом был самым красивым и чистым.

Галя ЗЫРЯНОВА,
г. Хабаровск.

Пропадает чужой труд

Недавно в нашем доме сделали ремонт. Стены покрыли нежно-голубой краской, и когда заходишь — то как будто незабудки, а не стены.

Но прошла неделя, другая, наш дом не узнать! Стены грязные, чем-то измазаны. На стенах написана всякая чушь. Как же ребята, которые это делают, не понимают, что пропадает чужой труд и даже труд наших родителей!

Света П., 6-й класс,
г. Куйбышев.

Письма грустные, хотя главное тут сказано правильно — виноваты не чужие дяди и тети, а твои сверстники, соседи по дому, по подъезду. А может быть, и ты немножко? Ведь не везде раздолье пачкунам голубых стен. Прочитайте вот эти два письма: учитесь чувствовать себя хозяевами в доме, во дворе, в подъезде. А что это значит? Видишь беспорядок — возьми в руки веник или щетку, и за дело.

Чтобы людям хорошо дышалось

Наш новый дом очень чистый, а если нет, мы берем веники и подметаем весь мусор.

Когда наступает зима, мы делаем для малышей горки, а весной сажаем зелень: деревца, кустарники и цветы. Потому что по всей нашей улице ходят машины, а нам хочется, чтобы людям нашего дома хорошо дышалось.

Лена БЕЛКИНА, 3-й класс,
г. Владимир.

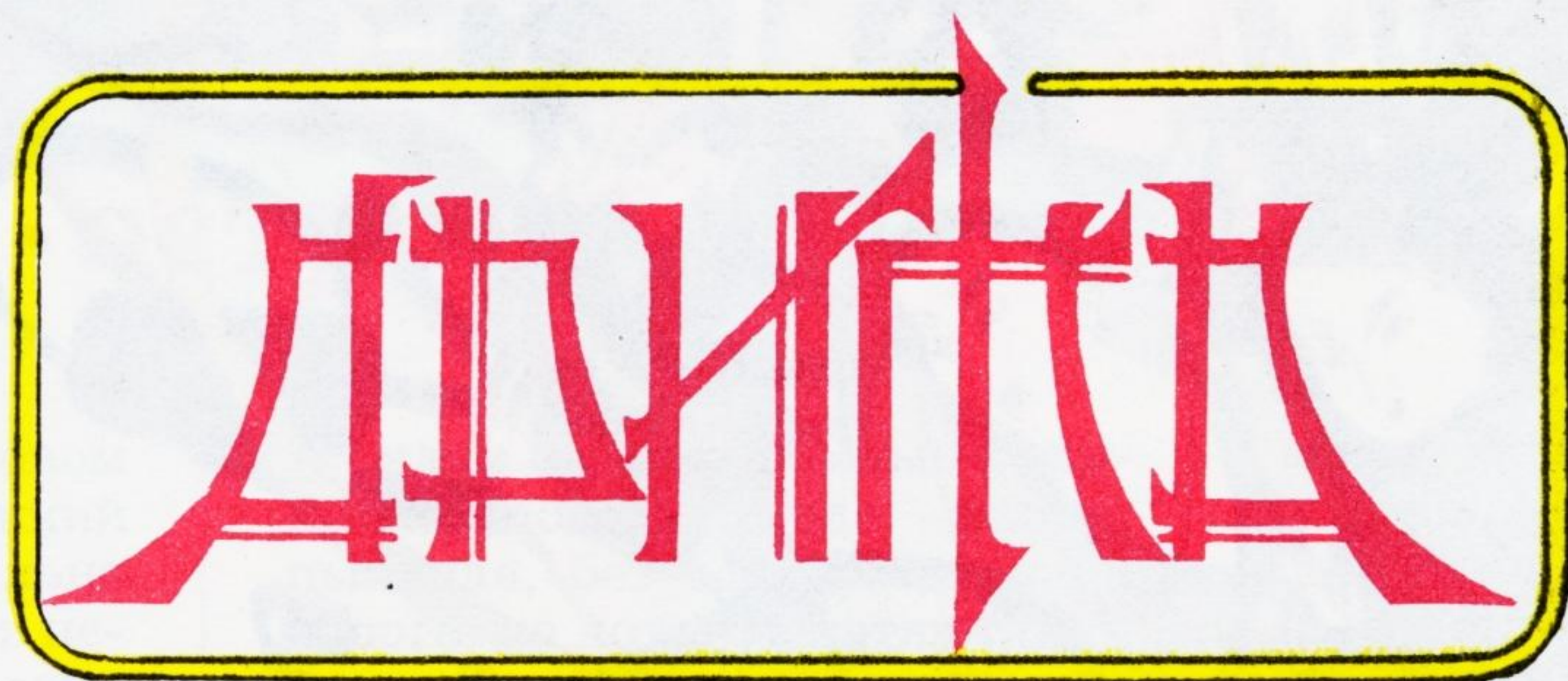
Наш дом всегда чистый

Когда мы приехали в новый дом, я сразу обрадовалась, что мы будем жить в двенадцатиэтажном доме на седьмом этаже, в удобной квартире. Соседями у нас оказались хорошие люди.

Наш дом всегда чистый. Зимой мы с подругами очищаем от снега тротуар вокруг дома, а весной озеленяем двор.

Наташа ЗИНКОВСКАЯ,
4-й класс,
г. Жданов.

Тяжелый густой туман, укрывая мачты и верх трубы, глушит плеск волны, стук ножей и мерные голоса рубщиков крабов: «Этте-йори, этте-йори» — «раз-два, взяли!»

— Ничего не видно! — досадует Накамура-сан, боцман японского крабового судна «Осако-мару», затерявшегося в просторах Охотского моря.

За длинным рядом столов, установленных от капитанского мостика почти до носа корабля, ритмично, переступая с ноги на ногу, работают рубщики. Они рассекают на фаланги паучьи ноги крабов и ловко, одним движением, вытряхивают крабье мясо в корзинки, разделяя его по сортам: клешни — высший сорт, толстые фаланги — первый сорт, тонкие — второй и третий.

Накамура-сан следит за всем, что происходит за столами. Он отвечает за малейшую погрешность перед курибаном — приемщиком крабов. А вся эта похожая на живой автомат шеренга рубщиков набрана из малышей десяти — двенадцати лет, голодных и обессиленных, ежеминутно готовых уснуть на ходу. За ребятней нужен глаз да глаз.

Чтобы не заснуть, малыши непрерывно повторяют хором нескончаемое «этте-йори, этте-йори», умолкая лишь на обед.

О, этот обед... Этот спасительный перерыв, когда, опустившись на корточки, можно наконец съесть свою скудную порцию: туго слепленный шарик риса величиной с небольшой снежок, пару ломтиков желтой редьки, точь-в-точь похожей на круглые срезы лимона, и четыре-пять ягод кизила. Все это пронзительно просоленное, политое густой соей, обжигает рот и не приносит насыщения. Но этим можно как-то обмануть голод. А главное, немного вздремнуть, пока взрослые курят.

Арита меньше всех. Ему нет и девяти лет. И для того, чтобы мальчика приняли в промысловый рейс, мать Ариты несколько раз ходила к Накамура-сану, доказывая, что Арита сильный не по годам, выносливый и трудолюбивый. Что он беспрекословно будет слушаться. А после рейса мать хорошо отблагодарит Накамура-сана.

Плохо освещенный трюм, где жили триста промысловиков, встретил Ариту острым, неприятным запахом и многоголосым гулом.

Все пространство было уставлено трех-

ярусными койками, завешанными грязным тряпьем, за которым сидели и лежали полуголые люди. Иллюминаторов и вентиляции не было. Жаркая духота делалась нестерпимой.

В углу для малышей было несколько легче, там не курили. Вскоре тяжелый сон сковал взрослых и детей.

Арита проснулся от крика: «Юкина-сай!» — «Пошли!» — и топота устремившихся к трапу людей. Толкаясь и спотыкаясь о ступени, бегущие старались как можно скорее выбраться наверх. Два мордатых боцмана колотили человека, оказавшегося последним. Последнего полагалось бить.

Арита очень спешил, но, как назло, не мог надеть второй свой таби — однопалый туфель, сшитый наподобие варежки. Когда Арита увидел подходившего к нему боцмана, он сжался в комок, ожидая удара. Но боцман крикнул: «Иэ цисай!» — «Эй, малыш!» — и стал осматривать трюм.

Опоздавшего Ариту послали помогать на камбуз. Старик Миури был добрым человеком и накормил малыша куском жареной горбуши с командирского стола. Это было лишь один раз, но как это было вкусно! До сих пор Арита не может забыть угощения Миури. И сейчас, когда так хочется есть, когда никак не наступает час обеда, Арита особенно остро вспоминает изумительный вкус красной рыбы и вздрагивает, отгоняя сон.

Конечно, теперь рыбы не будет. Арита купит ее потом, когда получит деньги за работу. Купит много, очень много. Будет есть сам и угощать друзей. А пока он рад и рисовому шарикку, политому соей.

...Четыре двойных удара в судовой колокол превращают слаженный рабочий строй в беспорядочную толпу. Склянки возвещают обед, и все торопятся поскорее накинуться на еду.

Арита устраивается у лебедки с низко нависшими над палубой теплыми цилиндрами. Как приятно прижаться спиной к металлу, который от тепла кажется мягким... Здесь можно спокойно поесть и подремать...

Пиала с ягодами стоит у ног Ариты. Осталось достать палочки для еды и размять рис... только очень саднят разбухшие от воды и исцарапанные о костистые панцири руки. Сейчас, еще минуту... Голова Ариты безвольно

Голова Ариты безвольно склоняется на грудь, а из раскрытой ладони выкатывается рисовый шарик...

склоняется на грудь, а из раскрытой ладони выкатывается рисовый шарик...

«Ахху, аххуу!» — стонет в тумане гудок «Осако-мару»... Аху! Так зовут его маму... Да, это она... Крепко держит его за руки, пробиваясь сквозь праздничную толпу. Сегодня самый большой праздник — день Вишну. И они торопятся к дяде — брату погибшего на промыслах отца.

Уже прошел парад кавалерийской части гарнизона, пронесли священного дракона, и теперь улицы Хакодате заполнило множество весело пляшущих и поющих людей. Многие из них в масках и специально сшитых необычных костюмах. Кого здесь только нет! Русалки, самураи, драконы, гейши, разные звери и бородатые оракури — старики гномики. Все шутят и смеются, стреляют из хлопушек, заряженных конфетти, и перебрасываются ярким серпантинном. Отовсюду слышна музыка маленьких домашних оркестров.

Транспорт сегодня не работает. Идти становится все труднее. Жители выносят на тротуары столы и пируют, загромождая путь и настойчиво угощая прохожих.

Только с наступлением сумерек добрался Арита с мамой к сопке городского сада, у подножия которой стоит домик дяди.

— Коници-ва! Здравствуй, Аху, здравствуй, дорогой Арита! Садитесь скорее. Что ты хочешь? Что тебе дать? Говори, Арита...

— Иэ! Вакаримасен? Не понимаешь? — орет взбешенный Накамура-сан. — Вставай, черт побери!

Боцман приподнимает ногу и сильно бьет мальчика.

Арита вскакивает, обливаясь кровью из разбитого носа, и ошалело оглядывается... За столами раскачиваются мальчики. Стучат ножи. Туман повис над самой палубой.

— Аригато — спасибо, — еле выговаривает Арита вспухшими, кровоточащими губами, кланяясь Накамура-сану. И становится на свое место.

Японский мальчик должен быть вежливым.

Ю. КОРНИЛОВ

Рисуют ребята с острова Афродиты

«Благоуханным островом цветов» называл Кипр великий Гомер. Кипр действительно красив. Кажется, на этом небольшом клочке земли сама история, объединившись со щедрой средиземноморской природой, устроила выставку своих достопримечательностей и богатств.

Прекрасный Кипр — «остров Афродиты» — нашел отражение и в рисунках юных киприотов, участников проведенного недавно в Никосии общенационального художественного конкурса. Но не только красоты страны изображены на рисунках. Конкурс, который организовал Союз архитекторов Кипра, называется «Мой дом», и юные художники, младшему из которых восемь, а старшему — четырнадцать лет, стремились рассказать о том, как они живут. На некоторых рисунках — старинные крепости.

А рядом стоят скромные домики трудового люда, вьется пыльная, без единого деревца дорога, по которой катят тяжело груженные грузовики. Здесь и живописные горы, поросшие могучими кедрами и золотистой кипрской сосной. А у их отрогов лепится к скалам небольшая деревушка, которая и сегодня, во второй половине XX века, выглядит так же, как и столетия назад. Женщина бережно несет на плече глиняный кувшин с родниковой водой, старики дымят трубками в тени орехового дерева. Тут же, по соседству, пасутся шоколадные ослики. Жизнь на солнечном Кипре не всюду и не для всех озарена солнцем — и это можно увидеть, почувствовать во многих рисунках детворы.

Просматривая работы, присланные на конкурс, члены жюри (а в его состав входили известные кипрские художни-

ки, архитекторы) не уставали восхищаться свежестью красок, точностью художественных деталей. Двенадцати лучшим юным художникам присуждены премии и призы, а их работы изданы в столице республики Никосии в виде красочного календаря...

Я спросил у Маркоса Баргилли, заместителя президента Союза архитекторов Кипра, можно ли опубликовать несколько «листочков» из этого календаря в журнале «Пионер».

— О, мы будем очень рады! — ответил он. — Я шесть лет учился в Москве, советский вуз дал мне путевку в жизнь, и я хорошо знаю, с какой симпатией относятся в вашей стране к народу Кипра. Если будете публиковать эти рисунки — передайте от всех участников нашего конкурса самый сердечный и дружеский привет советской детворе!

Элена Петрополу. «Мой дом».

Андри Христофи. «Моя деревня».

Хрисо Геросиму. «Старая церковь».

«ЮНЫЙ АВАНГАРД» ГРЕЦИИ

В Декларации прав ребенка ООН говорится: «Каждый ребенок должен быть защищен от любого вида эксплуатации». Но для 100 000 детей в Греции этот закон не писан.

Дети подвергаются нещадной эксплуатации и используются как самая дешевая рабочая сила.

Газета «Одигитис», например, сообщает, что 102 600 детей, из них 33 120 девочек, работают на производстве. На опасных участках строительства трудятся 33 680 детей.

О юных тружениках часто говорят: «Он не умеет читать потому, что рано пошел работать». Об этом рассказывают и сами ребята.

Двенадцатилетний Василис работает в кожевенной мастерской: «Нет, я не хожу в школу. Мы уехали из деревни всей семьей и теперь все работаем, чтобы как-то свести концы с концами». «Когда ходить в школу? — спрашивает пятнадцатилетний Димитрис. Он трудится на деревообрабатывающем комбинате. — На учебу не остается сил». Его сверстник Христос говорит: «Я живу в интернате района Калифеи, работаю на Вотанико. Хожу в вечернюю гимназию, очень хочу стать адвокатом. Но за партой с трудом понимаю то, что рассказывают учителя. Дневная нагрузка на заводе дает о себе знать».

В час, когда их ровесники из обеспеченных семей ложатся спать или развлекаются, малолетние рабочие стремятся получить хоть какие-то крохи знаний.

Сейчас военные расходы Гре-

ции во много раз превышают затраты на сельское хозяйство, социальное обеспечение и образование. Система образования в стране давно устарела. В начальной школе до сих пор действуют программы образца 1913 года. В средней школе учат по программам 1969 года — периода правления фашистской хунты. Не хватает школ, учителей и учебников. Можно встретить классы, в которых занимается по 80 учеников.

Никого уже не удивляют уроки, проводимые в подвальных помещениях.

Против такой политики господствующих классов выступают вместе все прогрессивные силы, молодежь и юное поколение Греции.

За право на здоровое развитие, образование, отдых, за претворение в жизнь Декларации прав ребенка ООН борется недавно созданная детская демократическая организация Греции «Юный авангард».

«Юный авангард» заявил о себе в сентябре 1980 года на VI Фестивале коммунистической молодежи Греции (КНЕ).

Сейчас «Юный авангард» насчитывает около 800 ребят. Воспитание детей в духе ми-

ра, дружбы и солидарности — главная цель «Юного авангарда».

В Греции запрещено создание детских политических организаций, вести политическую работу с детьми сложно. И все же ребята из «Юного авангарда» не боятся, принимают самое активное участие в борьбе коммунистической молодежи. Летом и осенью 1980 года, когда греческое правительство решало вопрос о восстановлении страны в НАТО, ребята организовывали пикеты, распространяли листовки с протестом против НАТО, против присутствия американских военных баз на территории Греции, собирали подписи под призывами улучшить школьные программы, условия обучения, увеличить строительство школ, спортивных и игровых площадок для ребят.

В «Юном авангарде» работают 35 вожатых: студенты, служащие, рабочие. Все они члены КНЕ. Вместе с ребятами выпускают журнал «Знакомьтесь — «Юный авангард», в котором рассказывается о деятельности организации. Ребята ставят спектакли, создают кружки самодеятельности при муниципалитетах.

Они сами стараются пропагандировать свою организацию: ходят по домам, раздают так называемые «карты знакомства» для будущих членов «Юного авангарда», в которых напечатаны краткие сведения об организации.

«Юный авангард» еще очень молод. Пожелаем ему вырасти и окрепнуть!

Почему я всем чужая?

Мне кажется, что я всю жизнь буду одна. У меня до сих пор нет друзей.

Раньше у меня была подруга. Правда, училась она в другой школе. Мы знакомы с ней с самого раннего детства, с пяти лет. Казалось, что нас водой не разольешь. Но вот пришла она к нам в школу, и дружбы как не бывало. Да и весь класс, относившийся ко мне хорошо, вдруг отвернулся от меня. Теперь я чувствую себя одинокой, хотя я красивее всех девочек в классе, лучше других одеваюсь, дома у меня есть отдельная комната, магнитофон. Родители стараются угодить мне: я — их единственная дочка. Но они не понимают, что мне не хватает самого главного — дружбы. Мне давно хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями. Но с кем? И я решила написать вам.

Надя П.,
г. Алга, Актюбинская обл.

Встречают по одежке...

Я немного странная. Чем? В нашем классе все сходят с ума по фирменным джинсам, японским магнитофонам. А мне все равно — джинсы на человеке или простые брюки. И тем не менее я в классе не одинока. Может быть, потому, что уважаю чужие вкусы. Конечно, это громко сказано. Но я думаю: если человек носит фирменную вещь — это еще не значит, что он плохой. Главное — быть хорошим другом, не задаваться и, разумеется, иметь другие интересы, кроме погони за модой. А то иначе с человеком будет скучно. Вот у меня лучшая подруга — полная противоположность мне. Она мечтает иметь японский магнитофон, любит «фирменно» одеваться. Но она очень хороший друг. Так что одежда еще не главное в человеке.

Юля МАМОНТОВА,
г. Палдиски, Эстонская ССР.

Улица — моя, дома — мои

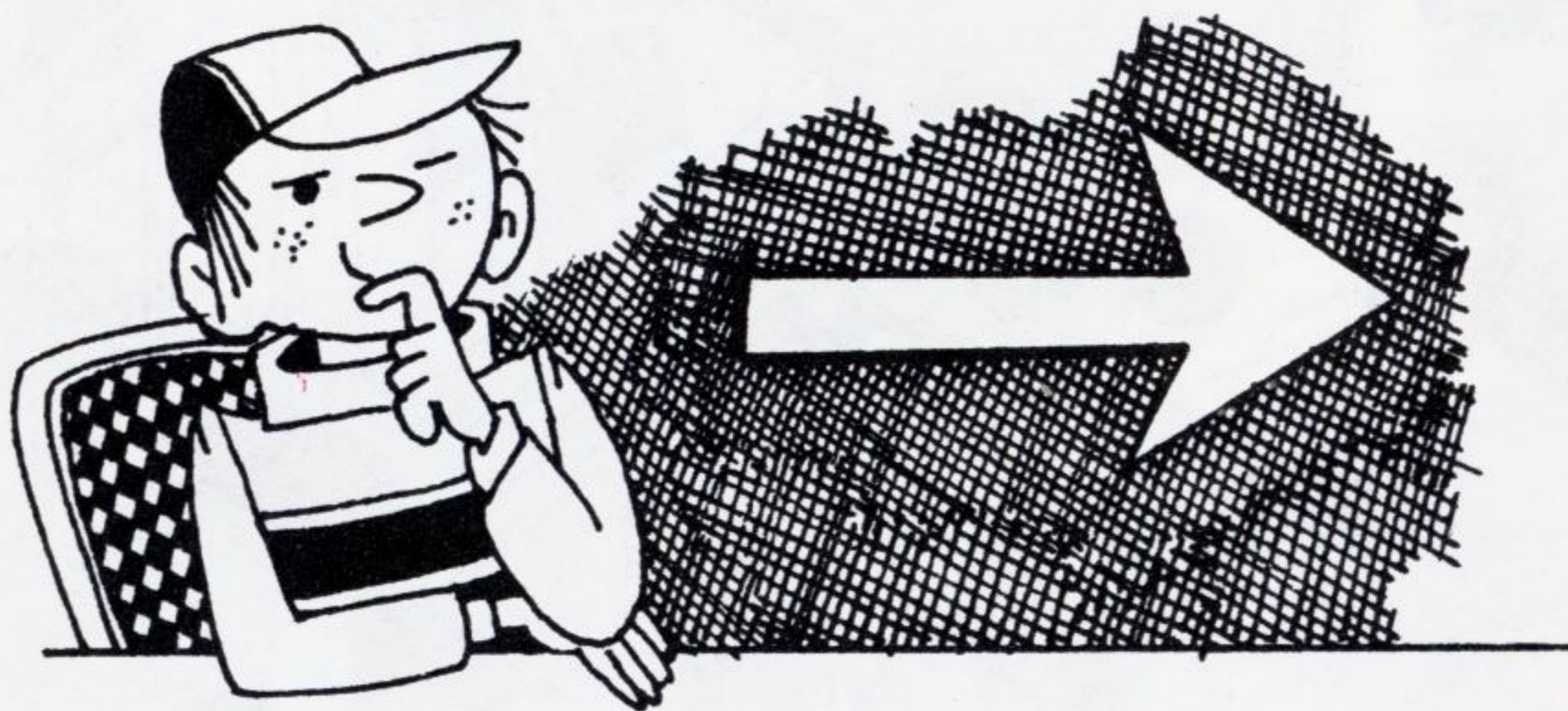
Мы не знаем, дорогой читатель, где ты живешь — в большом городе или маленьком поселке, в деревеньке у быстрой реки или в горном ауле. Но где бы ты ни жил, тебя окружают дома, ты каждый день играешь во дворе или идешь по улице вместе с друзьями. Приходилось ли тебе задумываться над тем, как ты себя ведешь на улице и во дворе, всегда ли твои поступки правильны, все ли, что ты совершаешь, нравится людям?

Недавно в «Пионер» пришло такое письмо: «В нашем доме поселился горемузыкант. Каждый вечер он выставляет на подоконник магнитофон и включает его на полную мощность. Нет нам от него покоя». В другом письме ребята жалуются на то, что многие юные велосипедисты гоняют свои машины где попало, нарушают правила уличного движения. Много в редакции писем и о том, что мальчишки не берегут во дворах деревья и кустарники. «Мы весной посадили возле дома молодые клены, — сообщают юнкоры, — а летом вместо кленов — одни пенечки торчали: сломали их соседские ребята». Горько и обидно читать такие письма.

Все, что тебя и твоих друзей окружает, — это наше, народное, советское. От твоего поведения на улице, во дворе зависит самочувствие многих людей. Ты нарушил тишину вечером, кто-то проснулся, утром ушел на работу с плохим настроением. Мелочь, мол, — скажут некоторые. Нет, не мелочь. Ты живешь среди людей и обязан уважать установленные порядки.

Знакомый тебе художник Евгений Шабельник, прочитав в редакции письма ребят, решил нарисовать шуточную картину-игру. На ней он изобразил только те случаи, которые ведут к нарушению порядка. В его рисунке двадцать четыре «нельзя». Попробуй найти все случаи, где ребята поступают неправильно. И постарайся не делать так, как «герои», нарисованные художником-сатириком.

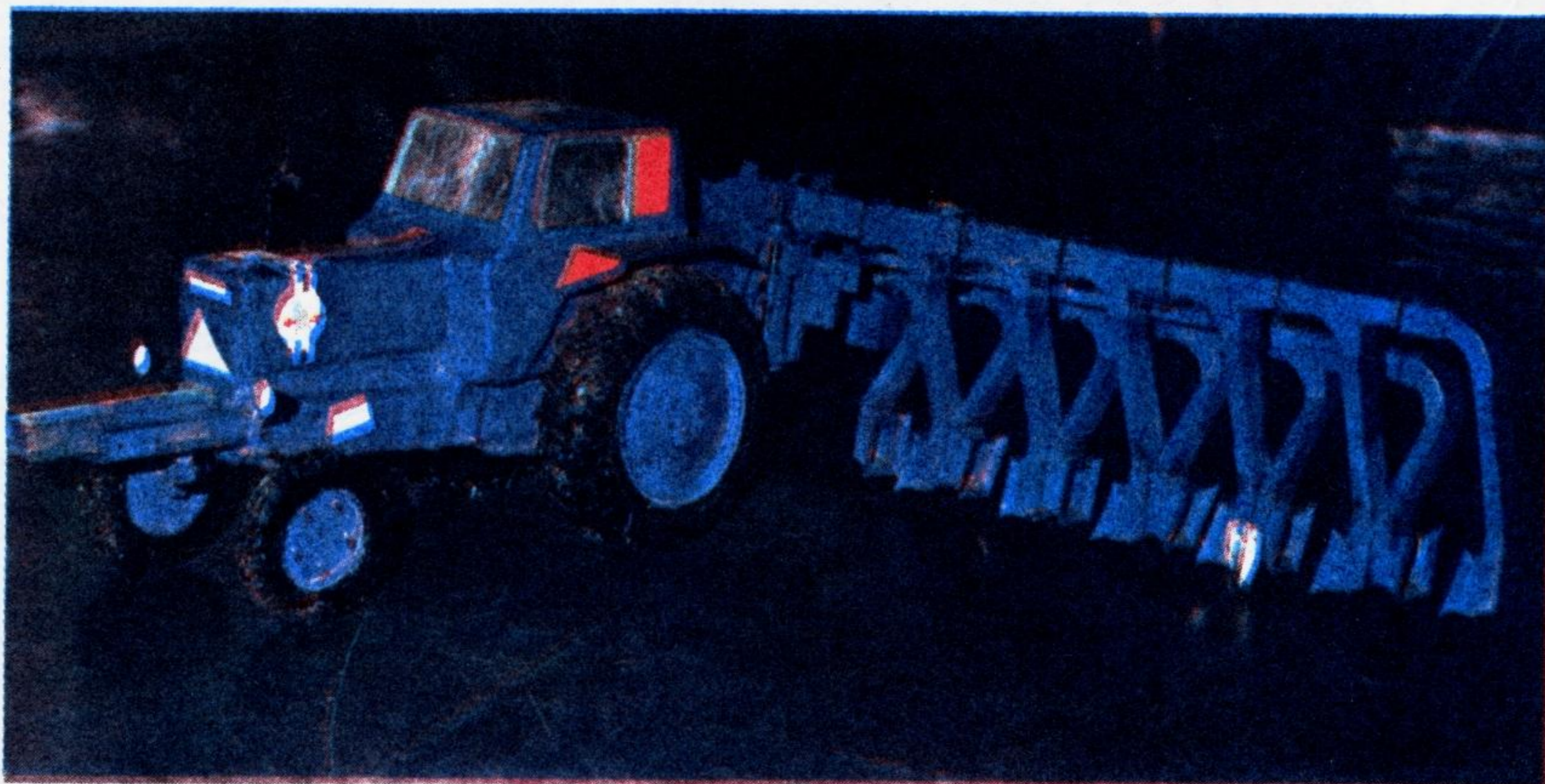
Ждем ваших ответов. На конверте напишите адрес «Пионера» и слова «Улица — моя, дома — мои».

НТТМ-81: НОВЫЕ ЭКСПОНАТЫ

Так выглядит «пылесос» на картофельном поле.

Пылесос на картофельном поле

Для чего пылесос в квартире, знают все. А вот зачем он на картофельном поле? Оказывается — чтобы спасти урожай от такого злейшего вредителя, как колорадский жук.

До сих пор не удавалось найти эффективного средства борьбы с этим жуком — он не так уж чувствителен к ядам, которые применяются в сельском хозяйстве для защиты урожая.

Студенты Рязанского сельскохозяйственного института решили пустить в ход устройство, работающее по принципу пылесоса. Воздушная струя смахивает жучков с картофельной ботвы и засасывает их в специальный бункер. Там их потом уничтожают.

Возможно, это необычное для сельского хозяйства приспособление даст большой эффект на полях.

Световой «зайчик» помогает врачам

Никогда бы не подумал, что стоять неподвижно так трудно!

Стоило мне шагнуть на специальную платформу — как у обычных весов, — и световой «зайчик» на экране передо мной заметался как угорелый.

Выставки научно-технического творчества молодежи на ВДНХ в Москве стали уже привычными для нас. В этом году выставка была посвящена XXVI съезду КПСС. Вот несколько ее экспонатов.

Космодром на Луне

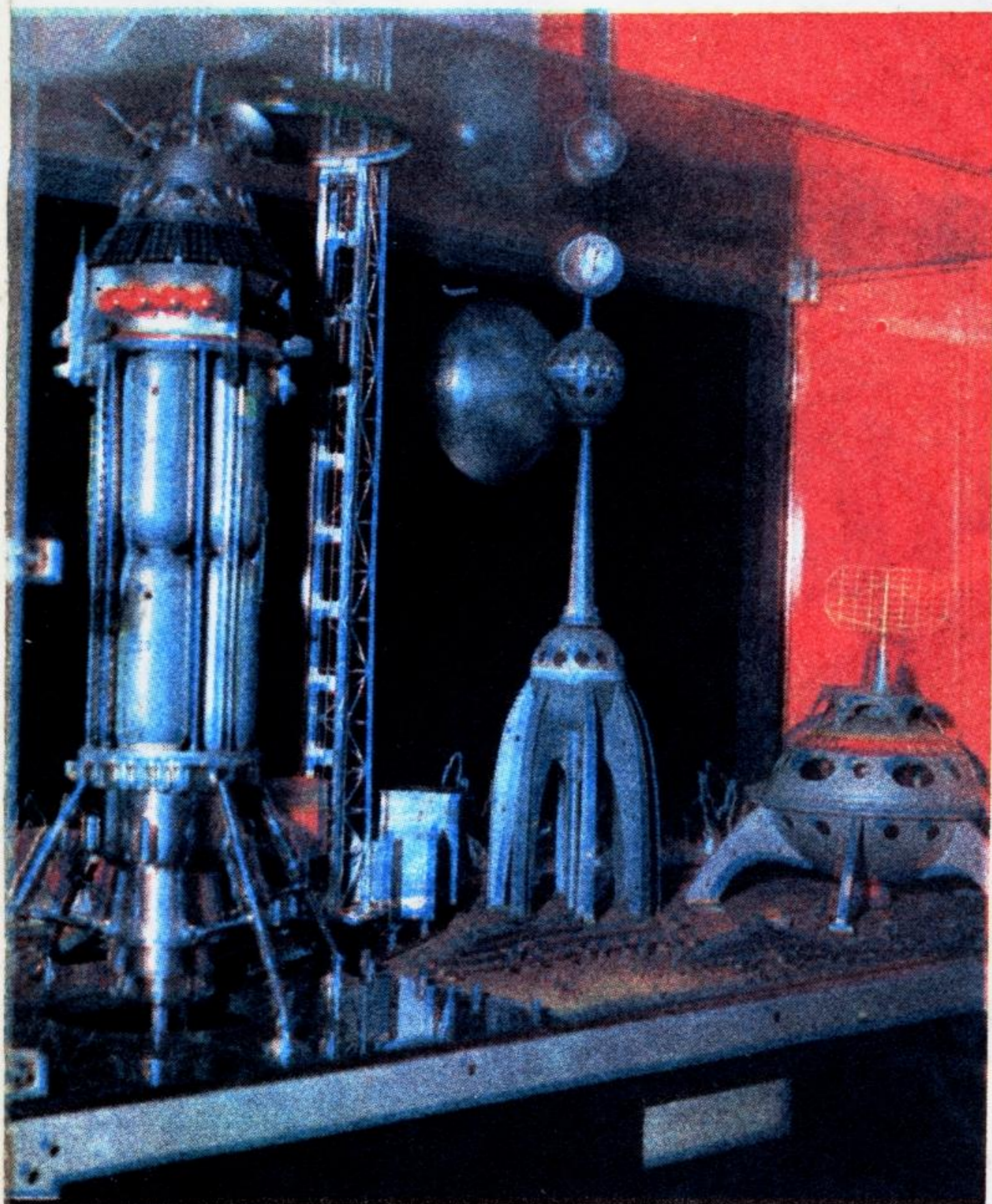
Какими они будут, космические корабли нашего завтра?

Пока взрослые спорят об этом в конструкторских бюро, ребята на станциях юных техников, во Дворцах пионеров предлагают свои проекты.

Новочеркасск. Конструкторы из городского клуба юных техников считают, что у космической станции обязательно должно быть несколько причалов-шлюзов. К ним одновременно смогут причаливать несколько космических кораблей...

Калининград. Школьники из этого города думают, что лучше строить космическую станцию не на орбите, а на Луне. Там нет воздуха и притяжение в шесть раз меньше земного — ракеты смогут стартовать с Луны так же легко, как с орбитальной станции. Зато построить станцию на Луне проще. Многие необходимые материалы можно найти в лунной почве — буквально под ногами.

Что же, не такой уж это фантастический проект. Придет время, и, возможно, мы будем говорить о лунном космодроме столь же привычно, как об аэропорте «Внуково».

Макет космодрома «Селена».

Космическая станция будущего.

Я уж и дышать, кажется, перестал, замер, но «зайчик» трепетал — значит, центр тяжести моего тела продолжал колебаться.

— Да вы не расстраивайтесь, так и должно быть, — успокоила меня Светлана Брюханова, научный сотрудник Донецкого медицинского института. — Когда мы стоим, поддерживать равновесие нам позволяет непрерывная, хотя и малозаметная работа мышц всего тела. Наш прибор — он называется «Диагноз» — и фиксирует их работу...

«Диагноз» создан для быстрого медицинского контроля за состоянием здоровья работников транспорта перед рейсом.

Бег светового «зайчика» по экрану говорит о частоте пульса, общем состоянии центральной нервной системы. Одновременно «Диагноз» может снять электрокардиограмму, проверить остроту слуха.

Информация тут же обрабатывается вычислительным устройством, и через одну-две минуты на табло загорается сигнал: «К рейсу готов!»

Сохранить древнее искусство

На выставке можно было видеть чудесные изделия из металла, созданные молодыми мастерами Дагестана. Издавна эта республика славится мастерством чеканки, резьбы, ковроткачества... Сейчас в Дагестанском педагогическом институте создан факультет художественной графики. Студенты учатся не только черчению и рисованию, но и традиционному искусству своей родины. Студенческие работы уже были показаны на выставках в нашей стране и за рубежом.

Пройдет немного времени, студенты станут учителями, придут в школы и научат всему, что знают, своих учеников. Древнее искусство будет сохранено для будущих поколений.

С. НИКОЛАЕВ.

Фотографии Ю. ЕГОРОВА
и С. ЗИГУНЕНКО.

Анатолий ЛЕОНТЬЕВ

Новый сосед

Новый сосед у меня появился,
Откуда на парту ко мне он свалился?
Просто несчастье, этот сосед,
Житья от него на уроке мне нет.

Чуть шевельнешься —
Шепот соседа:
— Смирно сиди,
Не вертись, непоседа!

Просто несчастье, этот сосед,
Житья от него на уроке мне нет.
Порой пропадаешь
Совсем на контрольной,
В тетрадку к соседу
Заглянешь невольно,
А он:

— Сам решай!
Отодвинься!
Мешаешь! —
Нечего делать,
Сидишь и решаешь.

Даже характер
Испортился мой,
Теперь я за партой
Сижу, как немой.

Не веселюсь,
Не шалю,
Не верчусь,
Только учусь,
и учусь,
и учусь...

Хочешь — не хочешь,
Будешь учиться:
С каждым такое
Может случиться.

В школе такое
Бывает нередко,
Если сосед не сосед,
А соседка.

Перевел с удмуртского
В. ДАНЬКО.

В. РЫБИН

ТВОЙ УРОК ТРУДА

Легко ли сделать скворечник?

Вот висят два скворечника. Вроде бы одинаковые. Но в одном живут скворцы, а другой домик пустует. Даже воробьи облетают его. В чем хитрость?

Хитрость, оказывается, даже не одна. Много разных секретов спрятано в птичьем домике. И узнал я о них на уроке труда у шестиклассников Кировской средней школы Кольшлейского района Пензенской области.

Урок труда не совсем обычный урок. Ученики не за партами, нет привычной тишины, редки задания на дом...

Короткое объяснение учителя труда Василия Федоровича Зудова, и мастерская наполняется визгом ножовок, скрежетом досок, треском наждака, шуршанием карандашей.

Я останавливаюсь у крайнего верстака. Справа от меня Алеша Сильнов и Олег Павлов. Чуть дальше — Алеша Баканов.

Закончена разметка доски. Олег берет ножовку, разрезает на бруски широкую березовую доску. Ловко получилось. А вот Алеше Сильнову она сразу не поддалась. Почему? Со стороны-то кажется, простое дело — доску разрезать! Видно, слишком сильно прижал Алеша ее к верстаку, навалился грудью, пила и застряла в дереве. Сила не всегда решает дело. Ослабил свое старание — пошла пила как по маслу.

Теперь идет в ход рубанок. Деревянный брусок под стальным лезвием-резцом противно изворачивается, не поддается. Олег и так и сяк — ни в какую! Попробовал поменять положение бруска, и все наладилось. Простое, казалось бы, движение — направить лезвие рубанка не поперек волокна, а вдоль, а вот и эту тонкость надо знать.

Шаг за шагом, смотрю, из грубых шершавых досок получились у Олега с Алешей стенки скворечников. Почему, думаю, обработали они эти стенки не с обеих сторон, а лишь с одной? Неужели забыли? Тут и открылась для меня первая хит-

рость: скворец должен легко выбираться из своего домика. Стенки не обрабатывают, оставляют шершавыми специально для того, чтобы скворцу легко было цепляться за них коготками.

Мальчишки перебрались к сверлильному станку. Олег скорым движением наметил центр отверстия на передней стенке. Включил станок и тронул рычаг. Сверло пронзительно засвистело. Раз, два, три... и отверстие готово.

Олег что-то хмурится. Недоволен чем-то. Чем? Не то сверло схватил... Теперь исправляй промах...

У летка диаметр должен быть сорок один миллиметр. Иначе скворец идет в дом неохотно. И это еще одна хитрость, которую я постиг.

Чего проще, казалось бы, вогнать гвоздь в доску! Но и здесь нужны сноровка, точность движения. Ударил нетвердо, расслабил руку, не рассчитал размер — и вошел гвоздь не туда, куда следовало. Или изогнулся в дугу, расколол доску. Но самое неприятное, когда кончик гвоздя остается торчать внутри скворечника. В таком домике птицы жить не будут. Вот вам и третья хитрость.

Наблюдая, как ловко, в два-три удара сколачивают ребята заготовки, я видел, что с молотком они знакомы давно. Да и с другими инструментами тоже... И странное дело, второй Алеша, Баканов, закончил работу первым. Работал он один, без напарника, и поначалу мне казалось, еле-еле двигался. Я больше наблюдал за Олегом Павловым и Алешей Сильновым. Они работали вроде более споро. А Баканов Алеша не сразу бросался к инструменту и заготовкам. Сначала что-то высматривал, как бы принаравливался, с чего удобнее начать. Долго делал разметку, вымерял каждый миллиметр, проверял ножовку и рубанок. И вот теперь я вижу, что поступал он так не потому, что не спешил. В его неторопливости была своя мысль, обдуманность каждого шага. Оказывается, споро идет работа, если ее заранее продумать, осмыслить каждый этап. Поторопились вон Павлов с Сильновым, когда выпиливали дно скворечника, и нужный квадрат получился больших размеров. Минут десять потом спиливали края. Алеша долго размечал, прикидывал. Отпиливать тоже не торопился. Зато и

передельвать не пришлось — дно вошло в скворечник, как пробка в бутылку! А это очень важно. Нельзя оставлять зазоры в скворечнике. И в этом еще одна хитрость. А главное: скворцы никогда не поселятся в домике, сделанном равнодушными руками.

В Кировской школе — это мне больше всего понравилось — в каждой вещи, сделанной руками ребят, живет умение работать, думать, работая. Получить пятерку на уроке труда считается здесь правилом, а тройку — исключением. Не только потому, что тройка — отметка неважная. Просто отметка эта особая — в ней оценка вещи, сделанной твоими руками: скворечника, указки, табурета...

Что такое «три» за скворечник? Это значит — скворцы вряд ли заглянут в такой дом. Ну, а «три» за табурет? Это уже просто опасно: сядешь, а он развалится. На тройку сделанный стакан для карандашей стыдно поставить на стол, «троечный» черенок для лопаты неприятно взять в руки! Кстати, о черенке...

О работе интересной и «неинтересной»

Делали как-то ребята черенки для лопат. Работа пришлось по душе не каждому. Да и оценки за нее не ставили — готовили школу к субботнику. Несколько ребят черенки свои запорол. Обработали неумело, чем удивили и огорчили Василия Федоровича. Тогда он попросил каждого подписать свой черенок. Подписали... Потом насадили на черенки лопаты и вышли на субботник. А Василий Федорович и говорит: «Каждый берет только свою лопату, подписанную!»

Поработали ребята час и побежали к учителю: «Дайте другую лопату, Василий Федорович! У этой черенок толстый, никак не обхватишь!» Или «...тяжелая очень», «гнутая вся». А он отвечает: «Нет других. Для себя делали — вот и работайте тем, что сотворили».

...Черенки ребята потом переделали — до сих пор

они школе служат. Ну, а к своему труду с тех пор стали относиться уважительнее.

Есть вещи, которые делать интересно, а есть — которые неинтересно. Табурет, например, делать интересно, а вот резьбу на гайках накручивать, черенки для лопат, наконечники для лыжных палок — не очень. Вроде бы не творческая это работа: негде проявить фантазию и мастерство. Да и конечный результат не сразу виден. Сделал табурет — на нем можно посидеть. А вот гайка или черенок... Куда они пойдут? К какому механизму? Для какой конечной цели?..

Что ж, аргументы весомые. Но если получше подумать, то сообразишь, что гайка, выточенная твоими руками, будет крепить узел, деталь, блок. И от того, хорошо ли она сработана, зависит прочность механизма. Сколько можно вспомнить случаев, когда из-за пустячной гайки происходили аварии и катастрофы? И приятно ли знать, что тебя, твой труд помянут недобрым словом лыжник или механик, землекоп или слесарь...

Во всякой работе есть однообразие и монотонность. В большей или меньшей мере. Везде придется повторять отдельные движения по многу раз: пилить или строгать, точить или рубить... И от этого никуда не денешься. К этому надо привыкать. И не просто отмахивать рубанком или напильником 40—50 раз, дожидаясь лишь одного: конца урока. А оттачивать свои умения, пусть и несложные, но важные. Только так можно стать настоящим мастером.

И еще. То, что «неинтересная» работа не дает проявить себя, я не согласен. Все зависит от тебя самого. Вот обыкновенная подставка для цветов: металлический обруч и гайка с болтом, регулирующая диаметр обруча. Сделать подставку не составляет труда. Прикрепил такой обруч к стене, вставил горшок с цветами — и все. А в Кировской школе для каждого такого обруча ребята выпилят кленовый или дубовый лист. Из фанеры. Красят его, выжигают прожилки, покрывают лаком — словом, «оживляют». И вот оживает и сама подставка, а вместе с ней и школьная стена, и уголок кабинета... Поэтому условимся: слово «неинтересный» употреблять впредь в кавычках. Именно

так оно и значится в заголовке. «Неинтересной» работы нет. Всякое дело может стать интересным в руках интересного человека.

Двести сувениров

На что способны ваши руки? Всякую ли вещь могут они сделать?

Однажды Василий Федорович пришел на урок озабоченный. Оказалось, через несколько дней в Кировскую школу на совещание приедут 200 учителей из других школ области. 200 гостей! На педсовете решили каждому из них подарить какой-нибудь сувенир. Ну, а где взять двести сувениров в селе? Вот и принялись за дело ребята на уроках труда.

Долго думали: каким сувениром порадовать гостей? Гена Никонов в тот момент держал в руках ручку. Обыкновенную шариковую ручку, выточенную из дерева и покрытую лаком, купил как-то в магазине. И мелькнула у ребят мысль: выточить из дерева ручки лучше, чем магазинные! Чем не сувенир?!

Создали, шутили в школе, группу «ручечников»: Гена Никонов, Саша Сильнов, Сережа Безруков и другие мальчишки из седьмого класса. Работать приходилось и после уроков, и дома, и по воскресеньям, но никто не жаловался — особая это была работа!

Заготовили двести березовых колбышек, подобрали резцы, лак, рисунок для выжигания.

Пришлось подробно изучать токарный станок, овладевать приемами обработки березовой древесины.

Не все поначалу получалось. Брак шел, поплакал даже кое-кто. Но кончилось все хорошо. Участникам совещания сначала даже не поверилось, что такие замечательные ручки сделаны в школе. Ребята обиделись. А потом подумали и обрадовались — хороши, значит, их ручки, коль не уступают магазинным!

Руки умелые и неумелые

Есть ли в вашем классе «безрукие»? Поясним: «безрукие» — это те мальчишки и девчонки, кото-

рые, может быть, и хотели бы что-то сделать своими руками, а не могут. Не научились.

В Кировской школе «безруких» мало. И лучше всяких слов в этом убеждают ребячьи поделки. Они занимают целую стену в школьной мастерской. Настоящий музей! Созданный мастерами в возрасте от 8 до 16 лет!

На самом видном месте — работы по выжиганию. Некоторые из них пока не закончены. Авторы этих работ Андрей Шамрай, Валера Осин, Алеша Сильнов поясняют мне, что они не спешат их закончить. Обдумывают сюжет для работы.

— Легко выжигать по трафарету, — рассказывает мне Алеша. — Сложнее, когда рисунок придумываешь сам.

— А можно ли обойтись без трафарета? — спрашиваю я мальчика.

Он улыбается и решительно отвечает:

— Нет. Надо руку «набить», электрокарандаш почувствовать... нажим, толщину линии... Нас учитель долго держал на трафаретах. А уж когда рука перестала дрожать, разрешил выдумывать эскизы самим.

Чтобы добиться мастерства в любом деле, всегда приходится начинать с простого. Сначала учишься правильно держать инструмент, затем — владеть им.

Сначала копируешь движения учителя, затем работаешь самостоятельно. Сначала делаешь предмет по образцу, затем творишь сам. Приносишься, инструмент станет тебе послушным, а руки — всемогущими.

Для одних урок труда длится 45 минут, для других — всю жизнь. Тот багаж трудовых умений, которые получает человек за верстаком или у станка, на пришкольном участке или в поле, можно незаметно растерять за год, два, три... А можно хранить всю жизнь, умножая его и радуясь каждый раз новому, приобретенному.

Над классной доской в мастерской Кировской школы висит красочный плакат со словами М. Горького: «Надо любить то, что делаешь, и тогда труд, даже самый грубый, возвышается до творчества!» Вдумайтесь в эти слова.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

А ПОБЕДЫ БУДУТ!

Думаю, ребята, что среди вас нет ни одного, кто бы не проигрывал. В школе, в пионерском лагере или на даче вы играли, конечно, и в лапту, и в городки, в шахматы или футбол и не всегда побеждали. Что поделаешь, приходится иногда уходить после соревнований с опущенной головой. Поражение! Как обидно проигрывать, особенно если ты не сомневался в успехе...

Почему бывает так: тот, кто слабее, одерживает верх над более сильным? Или знаешь, что подготовлен лучше своего соперника — а оценивать силы, свои и другого, спортсмен должен уметь, — и попадаешь в заготовленную для тебя ловушку?

Ты проиграл! Что теперь делать? Плакать, ругать себя, тренера, товарищей, судью? Нет, настоящий спортсмен этого делать не будет, не должен... Проигрывать нужно достойно, мужественно перенося неудачу, отдавая должное сопернику. Он переиграл тебя, боролся за победу до самой последней секунды и добился своей цели. Такая настойчивость, упорство не могут не вызывать уважения.

Говорят: «За одного битого двух небитых дают» — это верно, но проигрывать надо уметь. Знаете, чему прежде всего учат, когда впервые встаешь на коньки? Падать. Потому что после падения надо будет снова встать на коньки и добиться того, чтобы они стали послушными. Бывает, что первая неудача приводит к мысли: «А зачем добиваться, если ничего не получается сразу, раз сейчас не выходит как надо, то и потом не получится»... Уступишь этому настроению — ничего не добьешься.

Мне довелось видеть много различных соревнований, и я мог бы рассказать вам о победных выступлениях спортсменов немало. Но были и горькие поражения, которые многому научили будущих чемпионов.

Янис Лусис на Олимпийских играх в Монреале лишь в шестой попытке вырвал победу у соперников и стал чемпионом. Там же Виктор Куренцов лишь в последней попытке сумел взять вес. Это только легко говорить: «взял вес»... А если представить себе, как они вышли на эту последнюю попытку. Еще одна оплошность, одна ошибка... и ничего нельзя будет исправить. Сколько надо выдержки, воли, чтобы не дрогнуть в последний момент!

Легендарный советский легкоатлет Владимир Куц после нескольких поражений в Мельбурне в 1956 году буквально сокрушил своих соперников, завоевав две золотые медали.

Золотая медаль — высшая для спортсмена награда. Но есть в спорте специальный приз — «За волю к победе». Для того, кто знает, какой ценой добываются победы, этот приз не меньшая награда, чем медаль чемпиона.

Этот приз присуждается команде, проявившей мужество, стойкость, когда, находясь на грани поражения, все же сумела переломить ход матча, добилась победы.

Много можно привести примеров, когда советские спортсмены побеждали в последнюю секунду, когда все болельщики уже покидали трибуны, думая, что судьба матча решена. В 1976 году на зимней Олимпиаде в Инсбруке проходил решающий матч между сборными командами Советского Союза и Чехословакии. Наши хоккеисты остались на поле втроем против пяти сильнейших игроков чешской команды. Надо было во что бы то ни стало в течение двух минут выдержать натиск соперников, отразить их непрерывные атаки на наши ворота. Счет в эти трудные для советской команды минуты был 0:2. В поражении можно было уже не сомневаться. Но наши хоккеисты сумели сначала сравнять счет, а затем Валерий Харламов забил еще одну, победную, шайбу.

Спросите любого знаменитого спортсмена, и он обязательно расскажет вам с улыбкой о своих ошибках, просчетах, поражениях. Не бойтесь проигрывать! Вы только начинаете свой спортивный путь: на соревнованиях «Кожаного мяча» и «Золотой шайбы», на «Стартах надежд» и «Серебряных коньках». Учитесь падать, а победы у вас будут. Обязательно будут!

Рисунки
Д. БАРАБАША.
Гид по Спортландии
Т. ПЕТРОВА.

Владимир ПРИХОДЬКО

Мы читаем стихи

Кое-кто признается, что неинтересно читать стихи. Возьмешь, мол, книжку, прочтешь две-три страницы и отложишь. Становится вроде скучновато. Хотя стихи, говорят, хорошие.

Тут надо учесть вот что.

В стихах, как известно, запечатлены чувства. Те или иные переживания. И если в нашем личном багаже запаса этих чувств нет, если мы не пережили того, что пережил поэт, стихи нас могут и не взволновать.

Поэт, скажем, пишет:

Что ни год — уменьшаются силы...

А у нас силы никогда не уменьшаются. Сколько б мы ни гоняли за мячом, наутро можем гонять с прежней резвостью.

Поэт признается:

Душу тайная жажда томит.

А мы одну жажду знаем, явную: когда чаю хочется.

Тут я намеренно сгустил краски, чтоб понятней была связь между житейским опытом и восприятием поэзии. И не только поэзии — всякого искусства. Трагедию юношеской любви Ромео и Джульетты мы начинаем понимать раньше, чем горести старого Лира. И с этим ничего не поделаешь.

Но вообще-то известно, что к поэзии человек незаметно приобщается с раннего возраста. И материнское баюканье и быстрая считалка, без которой нет игры, — это поэзия. «Кони-огони сидели на балконе, чай пили, чашки били, по-турецки говорили: — Чоби, ачоби, челябичи и чоби...» Или: «Дора, дора, помидора, мы в саду поймали вора...» «Именно на игре словом ребенок учится тонкостям родного языка, усваивает музыку его и то, что филологи называют «духом Языка», — писал Горький (к его мнениям мы еще не раз сегодня вернемся). «Там котик усатый по садику бродит, а козлик рогатый за котиком ходит...» — вот начальные уроки гармонии, соразмерности слова и заключенной в слове таинственности жизни. Потом мы еще немножко подрастаем, потом начинаем читать сами.

Помню одну из своих ранних встреч с поэзией. У моего отца было много книг. В детстве я просто брал

с полки что попало. Однажды наугад вынул книгу, наугад открыл. То были стихи:

*О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?*

Я был поражен. Какой-то человек с огромной страстью беседовал с ветром, силился понять его язык, задавал ветру вопросы. На обложке я прочитал фамилию автора. И тихонько, аккуратно поставил книгу на полку, потому что во мне уже не было места другим впечатлениям.

Вечером было темно. За окном дул ветер. Я вспомнил: «Что значит странный голос твой?..» И вздрогнул, охваченный тревогой, которую не мог объяснить. Лишь много лет спустя я понял, что меня в тот день приобщил к своей душевной тревоге один из главных русских лириков: Тютчев.

Способность сострадать, необходимость соучаствовать в чужой судьбе просыпается в человеке рано. И здесь поэзия говорит свое слово — в прямом и в переносном смысле. Она тоже участвует в воспитании чувств.

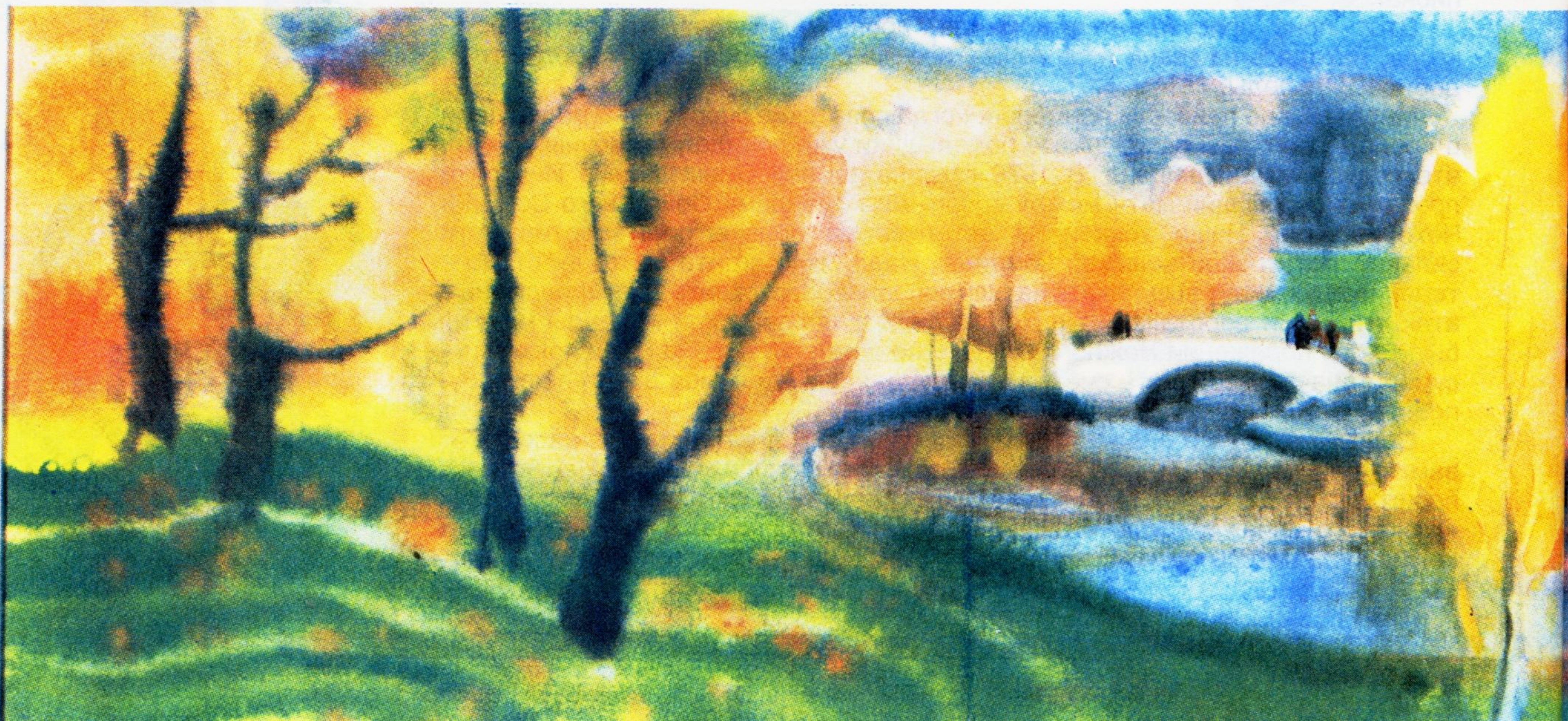
В «Повести для моего сына» Сергея Бондарина есть эпизод из жизни мальчика: «Я читал стихотворение о малиновке. (Речь идет о басне Крылова «Добрая лисица». — В. П.)

Стрелок весной малиновку убил...

...Это было первое знакомство с именами птиц... «Малиновка, — думал я, — малиновка!» — вслушиваясь в каждый звук этого слова. Я представлял себе зелень поляны и дымок выстрела. Было достаточно пищи для воображения, для того, чтобы создать счастливую минуту умиления. Мысль о жалостной гибели малиновки скреживалась с чувствительностью этой минуты. Я засыпал.

А разве в нашей жизни не было таких «чувствительных минут», одновременно горьких и счастливых, которые подарила нам поэзия?

Тем не менее читателей у поэзии, как известно, меньше, чем у прозы — у повести или романа. Много, но меньше. Почему?

Потому что стихи читать труднее. Здесь нужны свои, особые навыки, своя привычка.

Говорят, стихи умеют читать не все. А можно ли, если не умеешь, научиться?

Можно. Так же, как можно научиться слушать и понимать музыку. Настоящую музыку. Симфонию, оперу. Тем, у кого музыкальное восприятие похуже, учиться надо больше. Существует мнение, что для восприятия поэзии нужен слух. Что ж, допустим. Но такой слух, я думаю, есть у всякого. Только часто он неразвитый, слабый. И надо его усилить и развить. Было бы желание...

Говорят, многие стихи непонятные. Есть особые случаи... Поэт XVIII века Державин, зная, что его стихи нуждаются в комментариях, составил «Объяснения на сочинения Державина относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речей, которых подлинная мысль автору токмо известна...» Немало никем не объясненных темных мест в поэзии Велимира Хлебникова, доступной только в гениальных фрагментах. Однако непонятыми часто (и даже гораздо чаще!) оказываются очень простые стихи. И это не случайно. Дело в том, что простота обманчива, как обманчив белый солнечный луч. Вот он прошел сквозь дождевое облако, сломался, изменил направление и образовал целую гамму цветов. Перед нами радуга — «хамелеон небесный, паров и солнца дивное дитя!», как воскликнул Байрон. Чтоб увидеть радугу у себя дома, не трудитесь загонять в окно облако. Нужна лишь трехгранная призма: она разложит белый луч на составные. Для разложения луча поэтического не придумано никакого прибора. Стихи, сущность которых не в непривычной манере говорить (имеются и такие!), а в самой мысли, требуют от читателя пристального внимания. Двери открыты, а не войдешь. Скользишь по поверхности стиха и не замечаешь его многослойности, многоцветности.

Возьмем для примера одно из самых ясных произведений русской поэзии — «Листопад». Кто его написал, вы наверняка знаете. Есть строки, автора которых читатели называют мгновенно и безошибочно. Стоит сказать: «Унылая пора! очей очарованье!» — и все радостно кричат: — Пушкин!.. Прочитаешь вслух: «Лес, точно терем расписной...» — и услышишь: — Бунин!

Строчкой про лес, уподобленный терему, и начинается «Листопад» — одно из удивительных чудес нашей лирики. Чтобы глубже почувствовать его, надо, во-первых, хотя бы немного знать его историю. Бунин написал «Листопад» летом 1900 года:

гостил он в ту пору в доме брата — в деревне Огневке Тульской губернии; работал у окна, за маленьким столом из некрашенных тесин. В августе «Листопад» был закончен, а в октябре напечатан в петербургском журнале «Жизнь» с подзаголовком «Осенняя поэма» и посвящением М. Горькому. «У вас я еще не знаю ни одного стихотворения, равного этому по обилию образов и красоте их», — писал Горький Бунину.

Бунин открыл этим стихотворением и тоже назвал «Листопадом» свою книгу 1901 года. Получилась она глубокой, свежей. «Хорошо! Какое-то матовое серебро, мягкое и теплое, льется в грудь со страниц этой простой, изящной книги», — восхищался Горький. Вкупе с переводом «Песни о Гайавате» сборник «Листопад» был удостоен Пушкинской премии 1903 года.

Хотя в последующие десятилетия Бунин написал немало прекрасных стихов, он до конца жизни дорожил «Листопадом». Бунин умер в ноябре 1953 года; и когда хоронили Ивана Алексеевича, его жена, Вера Николаевна, вспоминала строки про терем-лес, «лиловый, золотой, багряный», и ее, как сама признавалась, как-то успокаивало, что это случилось осенью, в такой солнечный день, какой Бунин особенно любил. Так «Листопад», принесший поэту славу, проводил его в последний путь.

Согласитесь: узнав все это, мы читаем стихотворение уже другими глазами.

*Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.*

*Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихую вдовой
Вступает в пестрый терем свой.*

Вдова — Осень, терем — Лес. Эти образы связаны с русским фольклором, со старинными сказками. Интерес к ним обострился в конце прошлого — начале нынешнего века. Вспомним, например, сооруженную в 1883 году под Москвой, в Абрамцеве, «Избушку на курьих ножках» по рисунку художника Виктора Васнецова, майолику Врубеля. Вот и

Бунин уподобил лес терему: любовь к природе переплелась в этом образе с интересом к истокам, с любовью к родине. Поэт сделал это со вкусом и сдержанностью — он не любил лубка и всякой подделки под старинный народный лад.

Жить бы да жить Осени в пестром терему, но вокруг слишком тоскливо, пусто. Птицы улетели, хозяйке леса одиноко. И она тоже отправляется вслед за гусями стаями — на юг!..

А там, как буйный пляс шамана,
Ворвутся в голую тайгу
Ветры из тундры, с океана,
Гудя в крутящемся снегу
И завывая в поле зверем.
Они разрушат старый терем,
Оставят колья и потом
На этом острове пустом
Повесят иней сквозные,
И будут в небе голубом
Сиять чертоги ледяные
И хрусталем и серебром.
А в ночь, меж белых их разводов,
Взойдут огни небесных сводов,
Заблещет звездный щит Стожар —
В тот час, когда среди молчанья
Морозный светится пожар,
Расцвет полярного сиянья.

Вот и все. Однако не все. Если мы внимательно вчитаемся в «Листопад», то заметим особенность, которая спервоначала не бросалась в глаза. Через весь «Листопад» лейтмотивом проходит «блистающая волна», сменяющие друг друга вспышки, запечатленные в слове. Сначала робко поблескивают березки, и, как сеть из серебра, блестит воздушная паутина. Затем густая листва льет янтарный отблеск; заходящее солнце освещает лес пурпурным блеском; серебрятся туман, пороша; зеленым огнем светятся волчьи очи... И, наконец, точно могучий финал симфонии блеска, хрусталем и серебром отливают деревья, мерцают холодные звезды, и пламенеет полярное сияние, всегда, по признанию Бунина, манившее его.

Обратившись к другим страницам Бунина, мы, волнуясь от радости открытия, обнаруживаем, что слово «блеск» является своеобразным ключом ко всей его поэзии. Это и солнце, и море, и глаза, и жизнь, и холод космоса. Первое воспоминание детства: сухой блеск солнца над косогором. Первый ребячий восторг: тусклый блеск черной сапожной ваксы. Пятнадцатилетним подростком Бунин написал: «И дверь распахну я на солнечный блеск для новой работы, для нового счастья!» И что же? Вся его поэзия распахнута на солнечный блеск, на свет. «Повсюду блеск, повсюду яркий свет...» Поэту видится алмазный блеск березняка, бархатный блеск пашен, усталый блеск материнского взора. У него десятки эпитетов к блеску, а значение этого слова по отношению к словарному значительно расширено, а точнее, выявлено. Оно диалектически противоречиво и означает, коротко говоря, не только жизнь, но и смерть, а смерть одновременно противопоставлена жизни и является ее частью. То у него сон при первом блеске дня, то блеск веселый, то пустынный, то влажный, то золотой с голубыми переливами. То холодный, то теплый.

Одно из последних стихотворений Бунина, «Ночь» (1952), заключено строкой, как бы замыкающей и его творчество:

Холод, блеск, мистраль.

Студеный северо-западный ветер мистраль зве-

рем завывал зимой на том побережье, где вдали от родины печально завершалась жизнь поэта, одолеваемого, но до конца не сломленного тяжкими обстоятельствами, бедностью, болезнью, старческой немощью. Как и в «Листопаде», то был ветер с океана.

Известно высказывание Горького: «Выньте Бунина из русской литературы, и она потускнеет, лишится живого радужного блеска и звездного сияния его одинокой страннической души».

Живой блеск и сияние... Одинокая душа... Это отчасти объясняет нам, почему в «Осенней поэме» звучит мотив одиночества, вдовства и связанного с одиночеством отъезда, странствия:

...Дорога на далекий юг:
Туда от зимних бурь и вьюг,
От зимней стужи и метели
Давно уж птицы улетели;
Туда и Осень поутру
Свой одинокий путь направит
И навсегда в пустом бору
Раскрытый терем свой оставит.

Деревенские ребята знают, как тихо в лесу. А горожанам в нем кажется еще тише после шумного города. Бунинский «Листопад» — это поэма тишины. А у Пушкина в «Медном всаднике» «одна заря сменить другую спешит», а у Бунина в «Листопаде» одна тишина сменяет другую, и они разные. Тишина солнечных деньков, «последних мгновений счастья», такова, что можно расслышать, как шуршит листик. Квохтанье дрозда, перекличка скворцов только подчеркивают ее. Осень знает: немой покой (вторая тишина) предвещает ненастье, непогоду. А ночью наступает новая тишина — мрачная, зловещая. Пережив ее, как раз и решает Осень покинуть лес. Но самая глубокая тишь воцаряется после того, как пройдут сквозь лес метели да вьюги: полярное сияние горит среди молчанья победившей зимы.

Есть в «простом» «Листопаде» и другие секреты, которые поэзия не торопится раскрывать. Но давайте остановимся на этом. Мы ведь только хотели ответить на вопрос, как читать стихи.

Однажды в популярном журнале я прочел заметку под названием «Как чистить зубы». Редакция напечатала ее под рубрикой «Совсем просто». Автор заметки, врач, действительно ясно и коротко ответил, как чистить зубы: так-то и так-то.

На вопрос «Как читать стихи?» не представляется возможным дать столь же прямолинейный ответ. С уверенностью можно сказать: кто больше знает, кто читает вдумчивей, тот и понимает больше. Понимает, умея или не умея поделиться своим пониманием, как часто люди могут или не могут рассказать впечатление от прослушанной музыки.

А каждый читатель, как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.

Приобщение к поэзии продолжается годы. Некоторые думают: чтобы полюбить стихи, надо их сначала понять. То есть уверены, что понимание предшествует любви. А может, это не так? Может, наоборот, у всех, что «от мамки рвутся в тьму мелодий», любовь предшествует пониманию?

Кто любит поэзию, кто увлечен ею, кто, сидя за столом, за партой или на берегу реки, склонился над книгой, кто, стиснутый в метро спешащими на работу, ухитрился заглянуть в заветный томик, тот не спрашивает, как читать стихи. Он сам знает как.

Наталья ДУРОВА,
заслуженная артистка РСФСР

КАК ПОЯВИЛАСЬ У МЕНЯ ЗВЕРИНАЯ СЕМЬЯ

«Кем ты хочешь быть?» — спрашивали меня, когда я была маленькой.

— Дрессировщицей! — без промедления отвечала я. И это было понятно: в семье все дрессировщики, не отставать же и мне в свои шесть лет. Другьями моего детства были звери и птицы большой разношерстной, разноперой «семьи» моего отца. Каждый дрессировщик имеет такую «семью». Чаще всего «семьи» эти состоят из животных одного вида: грозные цари саванн — африканские львы, весельчаки медведи или грациозные лошади — крошечная копия табуна, именуемая в цирке с давних пор «конюшней».

Зависит это, конечно, от характера и привязанностей дрессировщика. Но мои родители Дуровы отличались от других тем, что их «семья» всегда состояла из животных самых разных, так что мне очень трудно было определить, кого же я, когда вырасту, возьму в свою «семью». Я любила всех подряд — и зайца, и слона, и собаку, и свою личную морскую свинку. Морской она только называлась, а на самом деле была самой сухопутной и поэтому утонула в корытце с водой, из которого я сделала ей море. Теперь я понимаю, что морская свинка погибла из-за меня, а тогда, плача, я говорила: «Папа, отчего так случилось, может быть, я не так сделала море, и оно оказалось злым. Отчего?!»

— Бедная моя Наташа! Каждое животное — загадка, отгадать ее непросто. Нужно очень много учиться. Вот подрастешь и узнаешь, кому же действительно здесь, в цирке, нужно море, а для кого оно злое. А пока, чтобы ты не плакала и старалась меньше ошибаться, я подарю тебе два моря. Одно — в этой раковине с Курильских островов. Послушай, как шумит! Должно быть, там волны, шторм, прибой... Второе море ты попробуешь сделать сама — вот аквариум с рыбками. Постарайся, чтобы это море не было злым и рыбкам там хорошо жилось.

С первым детским горем пришла ко мне мечта, которая поселилась в раковине с Курильских островов. Много лет я хранила раковину. Она и определила, кто же будет главным в моей звериной «семье». Конечно, морские животные! Мой аттракцион стал называться «морские львы и морж». Сначала нас было только двое: я и Лель, морской лев. У меня дома он был спасен, и с него-то все и началось.

Под Москвой, на станции Планерная, есть база Зооцентра Советского Союза. Что же это такое? Почти как зоомагазин. Сюда отовсюду привозят зверей и птиц. Здесь они ожидают путевку в жизнь. Одни станут украшением зоопарка, другие пополнят юннатские уголки, третьи попадут в цирк.

На Планерную я попала из-за Леля. Ему срочно нужно было найти товарища. Морская львица Купава прилетела в Подмосковье из Калифорнии.

Львица умела плавать, но летать... Однако она совершила свой первый перелет. Прилетела, чтобы стать подругой Леля.

Я приехала рано утром. Зообазы выглядела приветливо. Я увидела коттеджи для слона и бегемота, для моржа и тигра, для волнистых попугайчиков и для страуса эму. Интересно было наблюдать обитателей этой странной гостиницы. Кто-то резвился, кто-то грустил. Купава грелась на солнце. Для знакомства с ней я привезла филе трески.

— Знаете, дорогая моя, — сказала я, — вам привет от Леля и гостиницы от меня.

Шоколадного цвета львица скосила на меня глаза. Вид у нее был очень серьезный.

— Да-да. Не понимаете?! — Я бросила ей кусочек трески в воду. Он шлепнулся мягко, и от него стали расходиться медленные зыбкие круги. Львица недовольно заерзала на деревянной решетке, напоминающей пол в душе.

— Простите меня, пожалуйста. Виновата. Вы ведь никогда не ели очищенную рыбу! Вам надо просто салаку или селедку...

Слушая наш разговор, ветврач улыбнулась и сказала:

— Мы угадали это желание. На кормовой кухне уже готов для этой красотки завтрак. Как ее зовут?

— Купава!!! — Львица вздрогнула и быстро побежала от нас прочь. Шоколадная шкурка в движении вдруг сделалась перламутровой. Шла львица легко. Ее точеная головка с миндалевидными глазами была запрокинута в нашу сторону.

— Ну зачем же так пугаться? Ведь волнуемся-то мы вместе.

И вот с полным тазиком рыбы я опять перед обаятельной Купавой. Начинаем кокетничать. Рыбка у меня в руке, я держу ее за хвостик. Скользящая, серебряная, она колышется при движении и кажется живой.

— Р-раз! Вот это бросок! В самый дальний конец бассейна. Придется вам нырнуть.

Ни малейшего впечатления. Тревога вытеснила у Купавы аппетит.

— Ну что же! Я подожду до обеда. Буду сидеть как вкопанная, чтобы вы меня не боялись и привыкали.

Купава следила за каждым моим жестом. Так прошло около часа. Потом ей, видимо, надоело сидеть без движения, она приняла иную позу. Осанка ее была гордой. Пренебрежительно окинув меня быстрым, словно выстрел, взглядом, львица подняла задний лап и стала почесывать шею. Лап длинный, согнут так, что сразу стали заметны продолговатые коготки, очень напоминавшие красивую кисть человеческой руки.

— Вы решили заняться туалетом! А мне что прикажете делать? Понятно — молчать. Тогда покажусь вам бульжником или дорожным столбом, и

вы перестанете меня бояться. Договорились. И так, я—скала. Только жаль, что морю и камню вы верите, а человеку—нет.

Еще час. Спина у меня окаменела, хотелось пошевелиться. Но тут я увидела ее мордочку прямо перед собой. Желтоватые усы, как из толстой капроновой нитки.

Купава лениво почесывала усы о решетку возле меня. Быстро-быстро я наклонилась к тазу с рыбой. Бросок—и салака всплывает в бассейне. Львица не отходит. Тогда, осмелев, я опять начинаю разговор:

— Послушайте, ведь вы же в море ловите рыбу! Вот такую!—Взмах—и рыба в воде. А за нею всплеск. Вынырнув, Купава уже не была шоколадной. Черный маслянистый глянец обтянул ее веретенообразное туловище, и два маленьких, едва намеченных рога проклюнулись в прилипшем, смоленном ворсе—это ушки. Я настолько увлеклась, что и не заметила, как опустел тазик.

Теперь я могла себе позволить отдохнуть и поинтересоваться окружающим. В загоне нервно разгуливал страус. Ему, видимо, мешали разворковавшиеся дикари-голуби. Я пошла дальше. Вдруг мне показалось, что один из загонов припорошен снегом. Снежная поземка при моем появлении взметнулась, словно тронутая ветром, закружилась по вольеру. Совсем не снег, да и откуда ему взяться в разгар лета? Стадо маленьких трепещущих косуль испуганно металось по вольеру.

— Глупыши, я вас не трону. Только полюбуюсь. Какие хрупкие, ломкие ножки! Какие быстрые, летящие прыжки!

— Ломкие?! Что верно, то верно,—услышала я голос ветврача.—Вчера один допрыгался.

Она показала мне закуток, огороженный сеткой. Косуленок лежал, подобрал под себя ноги. Он

смотрел на меня без испуга, с какой-то затаенной болью и часто-часто моргал. На спине темная полоска, а по бокам многоточие белых пятнышек, только издали похожих на снежную порошу.

— Бемби!—Я протянула к нему руку. Он доверчиво прикоснулся к ней своим лаковым носиком и жарко задышал.

— Хочешь пить! А где же вода?

— Ему это уже не нужно!—вздохнула ветврач. Эта добрая женщина вдруг показалась мне озабоченной, усталой.—Жаль, но что поделаешь?!

— Как это не нужно! Он же просит, просит...

— Помогать ему поздно. Но он должен помочь питону.

Змея, растянувшаяся, как пожарный шланг, была страшна в своей дремучей силе и отвратительности.

— Питону нужен корм.

— Доктор, спасите Бемби. Я заплачу за него деньги. Я сделаю все, только бы он не стал живым завтраком. Вы должны быть доброй. Ну, пожалуйста, прошу вас. Разве можно губить красоту? Доктор!

В тазике из-под рыбы я зачерпнула ладонью воду. Невкусная, пахнувшая рыбой, она доставила Бемби такое удовольствие, что звонкое, как капель, причмокивание заставило нас с ветврачом переглянуться.

— Уговорили. Из-за вас нарушаю порядок. Но как же мне его вам оформить?

— Как члена моей семьи.

— Это для сердца. А вот для бухгалтерии?

И вот уже с забинтованной ножкой Бемби семнит за мной к Купаве.

— Купава, не обижайтесь и поскорее привыкайте к нашей компании. Ведь дорога в цирк вам предстоит именно в таком обществе: Бемби, вы и я.

Бемби, устав стоять на трех ножках, укладывается подле меня и изредка просительно толкает мою руку. Крошки хлеба он быстро пережевывает. Ему нужно молоко, но здесь пока он сам живой завтрак, значит, на кухне ничего для него не дадут. Мне становится грустно. В радость от встречи с Купавой вплетается горечь: даже в добром зверином пансионе кому-то нужны живые завтраки. Мы обе с доктором знаем, что в природе есть хищники, есть свои жестокие законы. Знаем, но хотим забыть. На Бемби мы смотрели глазами человека, а не питона.

Стайка сизарей осмелела и превратила небо над Зообазой в свой собственный вольер. Вольер без проволочной сетки.

И это так естественно и хорошо, что я забываю про живые завтраки. Я думаю о том, что сегодня моя семья увеличилась. Мы с Лелем должны оберегать и растить: он — свою подружку Купаву, морскую львицу с берегов Калифорнии, а я — горноалтайского козленка Бемби, который обязательно будет, будет прочно стоять на четырех лаковых копытцах.

МАСТЕРСКАЯ ДОБРЫХ ДЕЛ

— Это гостица цирка?

— Да!

Я слышу дыхание в телефонной трубке, потом возню и детские голоса, перебивающие друг друга:

— Нам нужно писательницу Дурову!

— Я вас слушаю.

— Это вы? Здравствуйте! С Новым годом! По поручению Мастерской добрых дел Гриша Соловьев. Помните, вы у нас в больнице выступали? Мы тогда еще совсем лежачими были.

— Да-а! — Я мгновенно вспоминаю. Такое трудно

не вспомнить: дети, прикованные к постели долгой болезнью.

— Наталья Юрьевна! Мы очень хотим, чтобы вы снова выступили у нас.

— Я приеду обязательно.

— Нет-нет, к нам нельзя. По городу грипп ходит, и к нам никого не пускают.

— Ну, дай же лучше я скажу, — перебивает Гришу девичий голосок. — Наталья Юрьевна, мы вас очень просим выступить сейчас. Нам позволили побыть у телефона в кабинете врача, чтобы вас

послушать. Мы здесь все собрались, понимаете, все семнадцать человек. Чувствуем себя хорошо, многие ходят. Вы мне рассказывайте в трубку, а я — ребятам.

В трубке опять послышалась возня и голоса наперебой:

— Хитрая! Ты передавать будешь, а может, и я хочу! Ты «л» не выговариваешь.

— И я хочу! И я! И я!

— Ребята, ребята! — Мне пришлось вмешаться. — Я буду разговаривать со всеми. Только, чур, уговор: сначала вы расскажите мне о Мастерской добрых дел.

— Мы придумали ее после случая с Пестрыми ушами... Знаете, как было? После обеда мы всегда в окно смотрим. Интересно там, как в кино. Дом строят, люди всякие ходят. Мы придумываем про них истории. Про Бабу Ягу придумывали — про тетеньку, которая голубей прогоняет. И вот однажды бежит по дороге собака. Совсем уже близко от нашего перекрестка. Такая большая, одно ухо серое, а другое рыжее. Подошла к прохожему, стала сумку его обнюхивать. Ребята говорят: ура — на след напала! Вдруг человек хлоп варешкой по сумке. Она испугалась и — раз! — прямо на дорогу. А тут машина. Страшно было. Показалось, будто она кричит. Мы все, кто мог и кто не мог, повскакивали — и к окну. А собака лежит.

Я слушаю детский голос, и на глаза навертываются слезы. Представляю себе их прижатые к стеклу лица, сбитую машиной собаку...

— Она так хотела подняться! Нам точно казалось, что она кричала. И мы не легли, пока нянечка не внесла ее во двор. В тот день нам попало от врача. Он боялся, что мы заболеем еще больше. И все-таки мы помогли собаке. Это ведь она и есть Пестрые уши! Наталья Юрьевна, она, где серое ухо, очень породистая, почти овчарка... до хвоста. Понимаете? А врач сказал, что мы для нее сделали доброе дело, а для себя — нет, и что еще неизвестно, чем все может кончиться. И правда, наш Степа был совсем на волоске. Вот тогда мы и решили так стараться, чтобы всем было хорошо, чтоб не на волоске, а прямо на морском канате — крепко. И Ира предложила создать Мастерскую добрых дел.

— Ира! Так, значит, ты главный мастер добрых дел?

— Не-ет! У нас его выбирают каждую неделю.

— А кто может быть участником вашей мастерской?

— Тот, кто хочет стать крепким и здоровым. Кто

честный. Кто мужественный, обязательно мужественный. И чтоб не плакал, даже если боится укола или больно. Очень трудно здесь в палате сделать настоящее доброе дело. Но мы живем дружно. Мы отвечаем друг за друга. А в день рождения мы дарим друг другу подарки. Вот только сюрпризы не получают. Ведь здесь подарок даже под подушку не спрячешь, чтобы никто не знал. Наши сюрпризы — это утром сказать самое лучшее пожелание. А к Новому году мы делаем игрушки. Клоунов из яичной скорлупы. И просим нянечку повесить их на нашу елку.

А те ребята, кто выписывается и уезжает, потом нам пишут про свои дни, какие у них бывают дома. Они дома тоже должны организовать Мастерскую добрых дел. Ой, что-то в трубке тарахтит!

— Нет-нет, ребята, это я закашлялась!

— А вы больны?

— Совсем немного, простужено горло.

— А врач у вас был?

— Еще нет.

— Наталья Юрьевна, мы вам сейчас поможем. У вас ложка есть? Возьмите ее в руки. Надавите на язык и громко скажите: «А-а-а». Если вместо «а» получится «гы» — значит, у вас ангина. Ребята, кто болел ангиной? Женя, скажи, как нужно Наталье Юрьевне лечиться!

— Наталья Юрьевна! Это я, Женя. Вы наденьте теплую полосатую пижаму, в обед ешьте манную кашу с вареньем, а в ужин варенье с молоком. И таблетки примите маленькие, беленькие такие. Мы их «октябрятами» называем, они в прозрачной бумаге, все парами, друг за другом.

— Я знаю эти таблетки. Женя, спасибо, ты великолепный врач. А сколько тебе лет?

— Может быть, в этом году исполнится шесть.

— Почему же только может быть? — улыбнулась я.

— Не слушайте вы его, Наталья Юрьевна, он просто родился 29 февраля. И теперь всех спрашивает, будет ли у него в этом году день рождения или нет... Наталья Юрьевна, мы хотим вам сказать, что из семнадцати у нас девять ребят хотят быть космонавтами, шестеро — дрессировщиками, один поваром, а один — пожарником. Наталья Юрьевна, а у вас сердце не болит? А то про сердце мы все-все знаем.

— Спасибо, родные! Спасибо. Постараюсь всем ребятам рассказать о вашей мастерской, чтобы история эта имела продолжение и у других ребят тоже появилась такая мастерская.

ГАЛАШКА-ЖИВОЙ ЧЕБУРАШКА

Я видела живого Чебурашку. Самого настоящего, который, растопырив уши и подняв хрупкую тонкопалую ручку, шипя, пытался отбить любое вмешательство в его судьбу.

Живой Чебурашка «контрабандистом» перелетел

границу на грузовом самолете. Ночью в Конго он, должно быть, увлекся вкусным ужином да и не заметил, как угодил в картонную коробку, где были упакованы диковинные дары африканского леса на экспорт. Его в этой коробке устраивало все: дурма-

нящий аромат, стрекот лакомых кузнечиков, очутившихся вместе с ним, а главное, темнота — темнота, которая может длиться долго-долго. Живой Чебурашка был доволен и сыт, он погасил фонарики своих глаз, предусмотрительно сделал из ушей кулачки, а потом кулачками, как пробками, закрыл доступ всяким шорохам и, свернувшись калачиком, уснул в банановой кисти, как в громадном гамаке.

Даже во сне он ощущал удовольствие от вкусного ужина, что подарил ему тропический лес Конго, но наутро все изменилось. Вместо стройных пальм и резкого солнца, от которого утром и днем он бежал прятаться в непроходимые влажные леса, Чебурашка вдруг увидел новый мир. Здесь зелень была кружевной и нежной, шелест ее еле улавливали ушки, белоствольные березы были большими, а за ними высились гигантские коробки с застекленными отверстиями. Не знал Чебурашка, что прилетел он на другой континент и находится в городе-столице Москве.

Если бы он умел читать, он, конечно, прочел бы адрес на картонной коробке «USSR, Moscow» и не совершил бы воздушного путешествия. А сейчас, растерянный, крошечный, как легкое семечко одуванчика, приземлился он на асфальт московской улицы, который цветом и трещинами напоминал кожу слона.

Чебурашка оцепенел от увиденного: громады домов глядели на него сверкающими радужными глазами, в сравнении с ними он был лишь пылинкой, и все же его заметили, заставили прыгать по тротуару. За ним гналась кошка! Ей тоже нужен был вкусный завтрак. И странно, но, потрясенный новым миром, Чебурашка не удивился кошке, а скорее сразу обрел себя, почувствовав то, что ему было знакомо в тропиках Конго: опасность, враг! Там тоже были дикие кошки. Он стремительно прыгал, прижав к груди передние лапки, отмеряя задними, как кенгуру, шаги саженьи в три, а то и в четыре метра.

Даже кошка, изогнув дугой спину, замерла: такого она не встречала.

Тут-то заметил их человек. Он прогнал кошку, освободил чужеземца, но тоже был удивлен и озадачен. Что за невидаль? Документа Чебурашка не имел, похож был на крошечную белку с лицом куклы. Мал и хрупок, как цыпленок, прыгуч и ловок, как кенгуру, а зол, как крыса.

Так и принес его добрый москвич в Уголок имени В. Л. Дурова. Сюда Чебурашка явился не в картонной коробке из-под бананов, а в простом грибном лукошке, покрытом вязаной сеткой «авоськой».

Смотрел москвич на сетку, под которой сидел чужеземец, улыбался и думал: «Авось, здесь мне скажут, кого я спас?!»

Я тотчас разоблачила «контрабандиста».

— Лемур! — воскликнула я, прижимая к себе лукошко. Самый маленький на планете нашей лемур! Неужели сегодня, сейчас добрый москвич мне подарит счастье прикоснуться к тому, что было загадкой для ученых разных стран?! Я буду знать, как дышит лемур, как живет и каким может быть характер этой крохи. Я дам ему имя, дам прописку и квартиру. Прописка: улица Дурова, 4, квартира — старая шляпа, украшением которой вместо вывески станет его натуральный хвост, красноречиво говорящий: «Дом занят!» А имя, имя у него будет пышнее хвоста: Лорий Натальевич Галаго.

Рисунки В. ДУДКИНА.

КРАСНАЯ ТЕТРАДКА

НА БЕРЕГУ КАСПИЯ

Мы живем в Туркмении, на берегу Каспийского моря. В нашем городе Красноводске зелено и не очень жарко. Но совсем рядом начинаются суровые отроги гор и пустыня с песчаными барханами.

Весной и осенью мы видим в небе стаи перелетных птиц. Лебеди, фламинго, гуси, утки — десятки тысяч птиц слетаются в наши теплые края на «зимние квартиры». Вот почему здесь учрежден Красноводский орнитологический заповедник.

Бывает, что наши ребята находят птиц, оставших от стаи, выхаживают, заботятся о них.

Я рада, что мои ученики любят и охраняют природу. А после того, как мы прочитали в «Пионере» о новом законе СССР «Об охране и использовании животного мира», мы решили помогать еще активнее, вести в школе Красную тетрадку. Вот первые странички нашей Красной тетрадки.

Кулан

Однажды Лиля Чмырева, моя ученица, вместе с отцом и сестренкой отправилась за город отдохнуть.

День прошел быстро. Вот уже и сумерки пустыню окутали. Девочки стали собираться домой, ждали машину. Ярко горел костер. Пламя освещало невысокие молчаливые барханы.

Вдруг послышались шаги, и в освещенном кругу появилась голова, похожая на лошадиную — светло-золотистая, с печальными глазами. Это был кулан. Что привело его, пугливого, к людям?

Владимир Степанович встал — кулан не двигался с места. И тогда отец и девочки увидели, что в ногу кулана чуть повыше копыта врезалась острыми краями жестянка из-под консервов. Из ноги сочилась кровь. Владимир Степанович осторожно снял банку, перевязал ногу. Кулана накормили и сказали: «Ну, а теперь иди! Будь здоров!» Через несколько дней Владимир Степанович и девочки снова были в тех местах. И каково же было их удивление, когда они встретили своего знакомца — кулана с перевязанной ногой. Животное доверчиво подошло к людям. Повязку сняли, рана на ноге почти зажила.

Когда Чмыревы уезжали, кулан долго бежал за машиной. Видно, ему не хотелось расставаться со своими исцелителями.

Черепаша

Андрей Бабанский, тоже мой ученик, как-то нашел в горах черепаху с разбитым панцирем. Отец

Андрея — ветеринарный врач. Он помог вылечить черепаху, и панцирь сросся. Черепаха так освоилась у них дома в новой обстановке, что никого не боялась.

Трехлетняя сестра Андрея Аня называла черепаху Кукуля. Так и осталась эта кличка за черепахой. Услышит она, как ее зовут: «Кукуля!» — и ползет на зов. Кукуля с удовольствием была «товарным поездом»: перевозила игрушки, кубики, книги, куклу.

Андрей и Анечка заботились о своей Кукуле, рвали для нее свежую траву, иногда брали с собой в горы — погулять на свободе и просторе.

— Может, оставить Кукулю в горах? — не раз спрашивала мать.

— А вдруг ее снова кто-нибудь обидит? Она ведь уже не очень здоровая. Пусть лучше всегда живет с нами! — сказали Андрей и Аня.

Лебедушка Тазегуль

Как-то осенью рабочий Красноводского мясокомбината Бай-ага Мамедов возвращался поздним вечером домой. Он шел берегом моря и увидел, как в темноте что-то белеет. Подошел — на сыром холодном песке лежал обессиленный, раненый лебедь. Видимо, он отстал от своей стаи, не выдержал тяжелого перелета... Бай-ага завернул его в фуфайку и принес своим племянникам — пятиклассникам Назиле и Яше.

Ребята терпеливо и заботливо ухаживали за птицей. Лебедь выздоровел. Это была красивая птица — с белоснежным оперением, розовым клювом и черными любопытными глазами. Дети назвали ее Тазегуль — Новый цветок.

Наступила весна. Зацвел миндаль. Тазегуль часто смотрела в высокое синее небо, словно ждала кого-то.

Когда над городом появились лебеди, Тазегуль призывно крикнула. Стая стала кружиться над домом. Птицы как бы звали Тазегуль с собой на север, на родину.

Тазегуль взмахнула крыльями, покружилась над домом, словно благодарила, и стала нагонять свою стаю.

Яша и Назиля не могли сдержать слез...

Прошло жаркое лето. Отпылали розы в саду. Над морем забродили синие туманы. С севера вновь потянулись птицы.

Дети невольно думали о Тазегуль, надеялись увидеть ее снова.

Ранним утром Назиля вышла в сад. Там расхаживали четыре лебедя. Одна из птиц доверчиво подошла к девочке и уставилась на нее своими

черными глазами, словно спрашивая: «Ты не забыла меня?» Дети верили, что это была Тазегуль. Она прилетела сюда не одна. Со своими птенцами.

Лиса

Ира часто ходит на работу к своей матери Евдокии Антоновне Козловой. Евдокия Антоновна дежурит на железнодорожном переезде между Красноводском и небольшим поселком Уфрой.

Однажды вечером девочка увидела, как у переезда в свете фар автомобиля метнулась рыжая молния. «Лиса! Как она сюда попала?» — подумала девочка.

Когда дежурство закончилось и Ира с мамой вышли из железнодорожной будки, они с удивлением увидели перед собой эту же лису. Она не бросилась наутек, а как-то печально смотрела на людей. В стороне мелькнули тени трех шакалов...

— Ну, здравствуй, кума Лиса, — добрым голосом сказала Евдокия Антоновна. — Коль пришла — проходи, гостьей будешь.

И лиса вошла в будку! Осмотрелась, отведала угощения... С тех пор, как только стемнеет, лиса тут как тут. Ужинать приходила.

Через некоторое время лиса привела своего лисенка, потом второго, третьего. Так всей лисьей семьей и ходили к Евдокии Антоновне. Не раз говорили люди ей:

— Тебе, Евдокия, воротник на шубу сам в руки плывет... Что же ты?..

— Нет, — отвечала дежурная, — хотя лису в народе и величают плутовкой, эта ко мне с полным доверием ходит, даже своих лисят приводит. Нельзя обижать ее...

Вероятно, в тот первый раз лиса зашла в будку, спасаясь от шакалов. А может быть, ее гнал не только страх, но и голод. Обремененная семьей, лиса не могла так легко, как раньше, добывать пропитание. Шакалы стали той зимой хозяевами положения в горах, а страх и голод заставили лису «обратиться» за помощью к людям.

Но потом случилось так, что лиса долгое время не приходила. Ира пошла в горы искать ее. И нашла лису мертвой.

...А лисята до сих пор на железнодорожный переезд к Евдокии Антоновне ходят. Вова и Ира, дети Евдокии Антоновны, кормят лисят, играют с ними. Знакомые шоферы, проезжая через переезд, приветливо машут: «Антоновна, ну, как твоя ферма?»

Р. АГАЛЬЦОВА, учительница.

Рисунок П. ПРОРОКОВА.

Захид ХАЛИЛ

Старая арба

Скрипит арба
В тени чинар,
Колеса тяжелы.
Стара арба,
Возница стар,
Стары его волы.

Но возле каждого двора
Протяжный слышен крик:
— А ну — дрова,
Кому дрова?! —
Зовет людей старик.

Вязанки хвороста с арбы
Возница подает.
Пока объедешь все дворы —
И солнышко зайдет.
Пора домой.
Закат горит.
Дорога далека.
Там высоко в горах стоит
Жилище старика.

Он выпьет чаю на ковре
С лепешкой и халвой.
Волов накормит во дворе
Свекольною ботвой.
Сметет с арбы
Сучки и сор —
И спать уйдет к себе.

Привыкли люди
С давних пор
К вознице и арбе.
Бредут два медленных вола,
Ступая тяжело.
— А ну — дрова,
Кому дрова?! —
Везет старик тепло:
Чтоб мы не мерзли в холода,
Чтоб в каждом казане
Кипела весело еда
На пляшущем огне.

Орлы

Со скалы
Взмыли в небо орлы,
Как два камня
Гранитной скалы.

Опустились в гнездо
Два орла —
Снова стала
Чуть выше
Скала.

Светлячок

На пенке уснет комарик,
Жук задремлет на листе —
И тогда лесной фонарик
Ярко вспыхнет в темноте.

Под чинарою дремучей,
Оставляя легкий след,
Вьется сказочный, летучий
В три луча зеленый свет.

Ты лети, лети, букашка,
Хорошо, что ты не спишь,
Ты свети, свети, букашка,
Ты живешь — пока горишь...

Солнце людям остается

Стала ярче позолотца
Уходящих летних дней.
Ниже небо.
Меньше солнца.
Горы ближе и темней.

Но сияет в апельсинах
Солнце — доверху! — в корзинах.

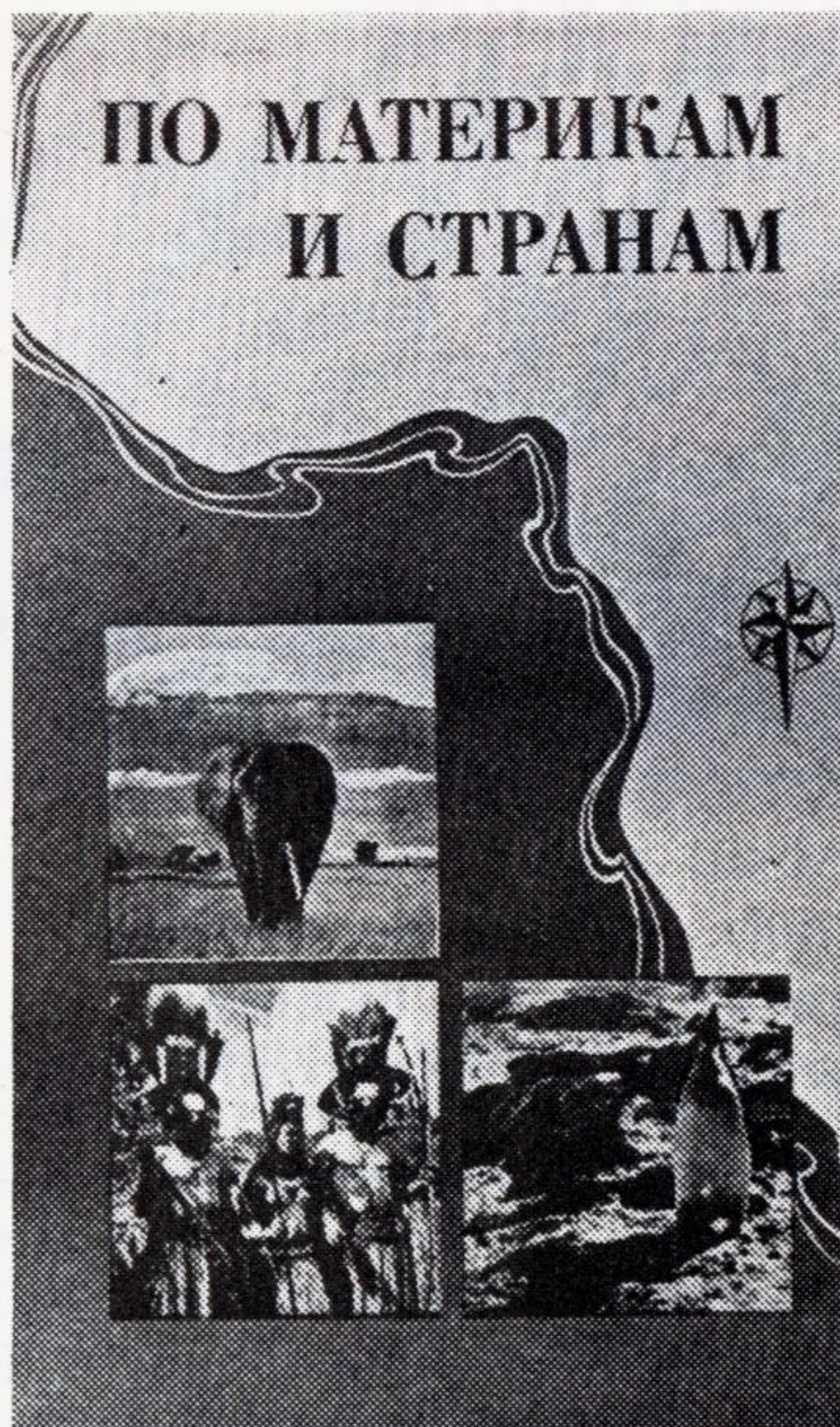
Всходит желтою айвой
Над моею головой.

Запечатаны закаты
В краснокожие гранаты.

И выходит так, что солнце
Для себя мы сберегли:
Солнце людям остается
В золотых плодах земли!

Перевел с азербайджанского
Юрий КУШАК.

ЗА СТРАНИЦАМИ
ТВОЕГО УЧЕБНИКА

Не выходя из дома...

Можно ли совершить кругосветное путешествие за несколько дней, не выходя из дома?

— Конечно, нет,— скажете вы,— какой странный и даже смешной вопрос.

Но вы не совсем правы. Оказывается, можно. Нужно только прочитать две книги для чтения по географии «По материкам и странам», и вы как бы побываете и в Африке, и в Австралии, и в Антарктиде, в Южной и Северной Америке, в Европе, Азии. Везде.

А так как книги небольшие, да в них еще много интересных фотографий и маленьких географических карт, то прочитать эти книги можно за несколько дней. Вот вам и кругосветное путешествие за несколько дней, не выходя из дома!

Составители этих книг для чтения по географии материков Н. П. Смирнова и А. А. Шибанова. Выпустило их издательство «Просвещение». Эти книги для тех, кто любит географию и хочет изучать ее не только по школьному учебнику.

Книга первая. Маршрут путешествия таков: сначала Александрия — крупнейший порт Египта. Отсюда по Средиземному морю через Гибралтарский пролив вы выходите на крупном морском судне в Атлантический океан. Огибая берега Африки, не пропускаете ни одного интересного архипелага островов, переживаете тропическую жару, штиль, экваториальную грозу. В Гвинейском заливе увидите летающих рыбок, в Красном море — кораллы...

Потом Австралия с ее удивительными эвкалиптовыми лесами и не менее удивительными животными, каких нет больше нигде. На жарких островах Океании вы проследите путь великого русского путешественника Миклухо-Маклая.

А закончится ваше первое путешествие в холодной Антарктиде.

Вторая книга начинается с путешествия по Южной Амери-

ке. Вот одна из величайших рек в мире — Амазонка. Ее сельву — громадную, заросшую непроходимыми лесами долину — называют легкими всей планеты. А еще — зеленым адом.

Здесь вы прочитаете о девочке, которая упала с самолета и чудом осталась жива, и проведете с ней в сельве десять страшных дней.

И наконец — Азия. Японские острова и многострадальный город Хиросима, люди каменного века на Филиппинских островах, прекрасная, сказочная Индия с ее слонами, жемчуг и нефть Персидского залива, сладкие финики Междуречья, и... путешествие закончено.

Что лежит на дороге?

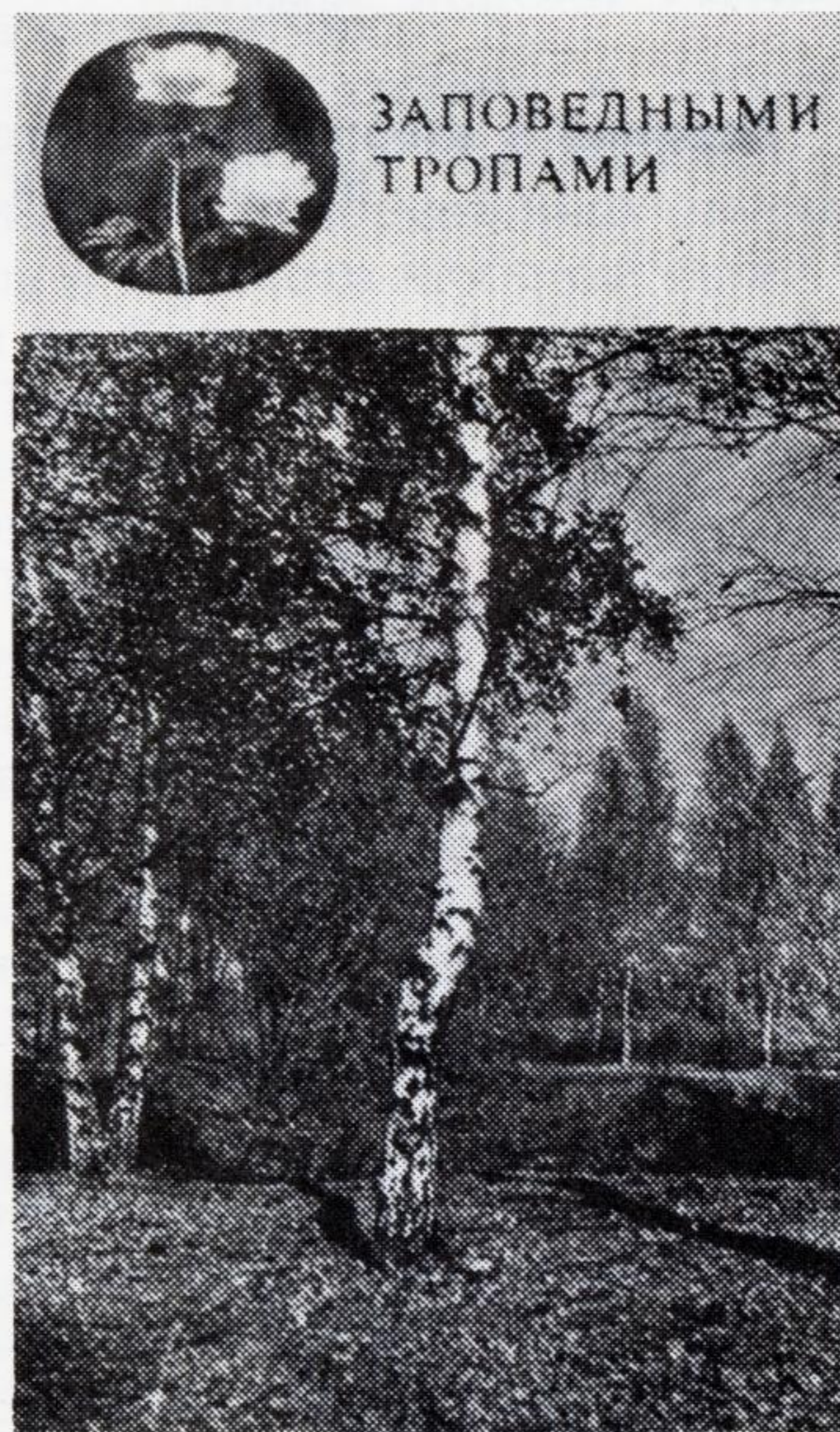
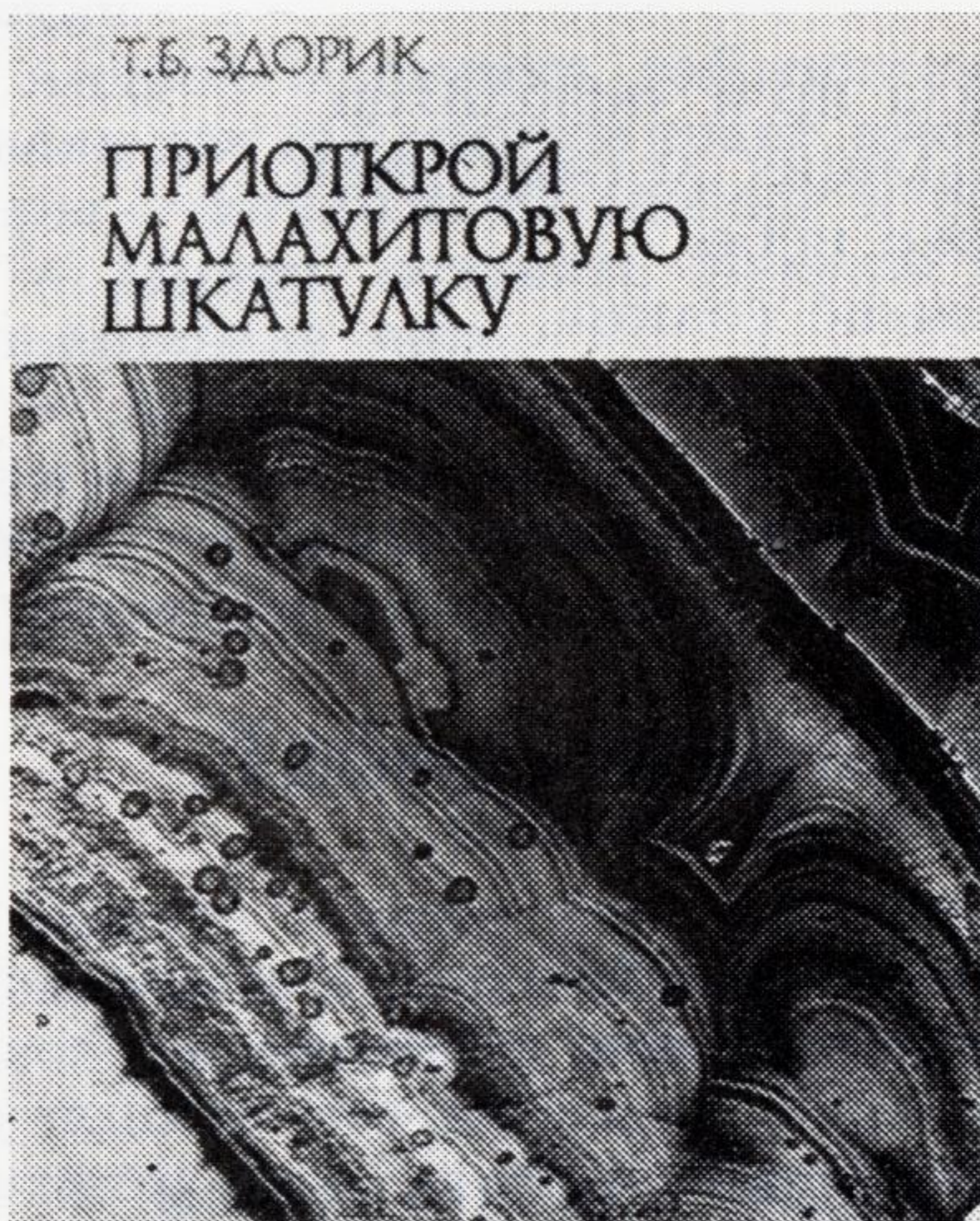
«Приоткрой малахитовую шкатулку» — так называется книга, автор которой кандидат геолого-минералогических наук **Т. Б. Здорик**.

Почему Татьяна Борисовна советует приоткрыть драгоценную шкатулку? Что в ней? Ну, конечно же, что-нибудь очень дорогое и интересное. Так и есть! Ведь это клады нашей родной земли!

Когда геологи летят на вертолете над тайгой, им сверху видится, как «...круглятся звериными спинками сопки, зигзагами разбегаются, сливаясь в затейливый узор, долины ручьев и речек, словно кружевные фестоны, вьются мелкие ажурные кружочки — то нежно-зеленые весенние кроны лиственниц, то густая, темная зелень кедрача, то молочно-зеленые ладошки полянок...». Очень похожий рисунок образуется и на полированных малахитовых поверхностях.

Значит, малахитовая шкатулка — это наша бескрайняя тайга, и надо приоткрыть именно ее крышку, чтобы отыскать очень нужные для нашего хозяйства руды, минералы, горные породы.

Все знают, например, что существуют драгоценные камни — алмазы, изумруды, рубины, но ведь мало кто теперь ответит на вопрос, какой камень в старину называли яхонтом, какой лалом.

А почему камни имеют цвет, почему они блестят, почему у всех камней блеск разный? На все эти вопросы каждому интересно получить ответ. Ведь камни нас окружают, мы живем среди них, они служат нам и дома, и в технике, и в науке. А большинство людей знает о них слишком мало. Но зато, если прочитаешь эту книгу, ты уже не пройдешь равнодушно даже мимо камня, лежащего на дороге, ты обязательно нагнешься, возьмешь его в руки и постараешься определить для себя, какой это камень, и вспомнишь, как его использует человек.

«Ты пришел в гости к природе...»

Природа нашей страны так разнообразна, так прекрасна,

что в любое время года хочется побывать в лесу, в поле, в лугах, в степи, в горах, да мало ли еще где!

Для охраны природы в нашей стране открыто более 150 заповедников. О самых крупных и важных из них написана книга «Заповедными тропами».

Ее написал целый коллектив авторов под редакцией **Т. А. Адольф**.

Все авторы часто бывают и много работают в заповедниках, хорошо их знают, и все, о чем написано в книге, они наблюдали сами.

Многие ребята уже прочитали эту книгу и поделились с «Пионером» своими впечатлениями.

«Мне очень понравилась книга «Заповедными тропами». Как интересно читать об Астраханском заповеднике! Сам В. И. Ленин в 1919 году подписал декрет об охране природы Астраханского края. Перед каждым рассказом в книге

нарисована эмблема с изображением зверя, птицы или цветка, который распространен в этом заповеднике. Например, у Лапландского заповедника на эмблеме северный олень, а у Барсакельмеса — сайгак» (Вадим Хохлов, г. Мончегорск). «Я с детства люблю природу. Может быть, поэтому мне эта книга показалась особенно интересной. В ней такие красивые иллюстрации, что кажется, будто сам побывал во всех заповедниках» (Инга Пугал, г. Москва).

Авторы книги обращаются ко всем читателям с призывом беречь природу везде и всюду, а не только в заповедниках. Особенно это относится к неумелым и не знающим походных правил туристам. Авторы приводят очень верные слова географа-писателя Д. Арманда: «Ты пришел в гости к природе, не делай ничего, что ты счел бы неприличным сделать в гостях».

А. ШИБАНОВА

В ПОХОД ЗА ИСТИНОЙ

По разным причинам путешествовали люди. Одних вело в путь желание заполучить золото и алмазы. Других — жажда приключений. Третьих... Вот об этих третьих мы поговорим подробнее.

Странные они, эти люди. Армейский полковник, обеспеченный человек, устремляется на поиски «затерянного мира» в Южной Америке. Врач уезжает искать истоки реки, текущей в далекой и тогда многим неведомой Африке. Бывший семинарист отправляется на край света, к острову Шпицберген...

Что вело этих людей? Что заставляло их преодолевать невероятные трудности, терпеть жесточайшие поражения, но снова и снова идти вперед; вперед, к своей цели?... Любопытство! Да, любопытство, желание увидеть, что там — за горизонтом. Именно благодаря ему мы знаем сегодня, почему светят звезды, что находится внутри атома и отчего лист растения зеленый... Страсть к познанию неизведанного двигателя вперед и героев только что прочитанной мною книги.

Ее персонажи не выдуманы автором. Эти люди действительно жили на свете. Поэтому нужно было не только суметь заглянуть в прошлое, показать жизнь людей, живших и сто и двести лет назад, но и все время держать свое воображение в строгих рамках фактов.

А их, этих фактов, увы, каждый раз, в каждой из восьми глав, переставало хватать именно тогда, когда они становились нужнее всего, — в конце повествования.

Почему? Да потому, что книга **Владимира Малова**

называется «Затерянные экспедиции», и речь в ней идет об экспедициях незавершенных. Франсуа Лаперуз, Мунго Парк, Джон Франклин, Роберт Берк, Соломон Андрэ, Роберт Скотт, Владимир Русанов, Перси Фосетт не вернулись назад, и некому было рассказать, как именно протекали последние дни путешествия.

Можно лишь догадываться об этом по скудным сведениям, почерпнутым из случайно сохранившихся дневников, записок, по найденным обломкам судна...

Да, все они погибли. Кто в северных льдах, кто возвращаясь с Южного полюса, кто в тропических джунглях или бурном море. Но их гибель не была напрасной. Эти люди оставили свой след на земле. По их стопам прошли другие, более удачливые, и теперь мы точно знаем, как именно протекает третья по величине африканская река Нигер, видим на картах пролив Лаперуза, добываем каменный уголь, запасы которого разведан В. А. Русанов...

И еще одно известно совершенно точно. Человечество никогда не успокоится на достигнутом...

Изучение планеты Земля продолжается. И мы, идущие по следу первопроходцев, должны помнить слова И. Ньютона: «Я видел дальше других потому, что стоял на плечах гигантов». Этими словами можно бы было и закончить книжку. Эпиграфом же ее вполне справедливо поставлены слова Ж. Верна: «Непреодолимых препятствий не существует! Человеческая воля одолеет все на свете!»

Станислав ЗИГУНЕНКО

Над Бугом

Вы уже знаете, ребята, что тринадцатое плавание «Белой ладьи» завершилось на берегах Южного Буга, в гостеприимном украинском городе Первомайске. Недалеко от города, в пионерском лагере «Бригантина», жили и вели спортивные поединки участники соревнований. Восемнадцать команд пионерских дружин из всех республик, Москвы и Ленинграда прошли трудные отборочные матчи и, конечно, были хорошо подготовлены для финальных соревнований. Среди девяноста участников были пятьдесят два перворазрядника. Упорная борьба велась в каждом матче, в каждой отдельной встрече. Сильнейшие пионерские команды заслуженно получили почетные призы ЦК ВЛКСМ и нашего журнала.

Чемпионами «Белой ладьи» стали ребята из школы № 92 города Перми (капитан команды Леня Мамаев). Второе место заняли юные шахматисты из московской школы № 22 (капитан команды Саша Калинин). Третий приз завоевала команда тбилисской школы № 61 (капитан команды Тамаз Татабадзе).

Четвертое, пятое и шестое места завоевали команды школы № 5 Могилева, ереванской школы № 144, команды школы № 53 Караганды. Эти шесть команд входили в первый, главный финал.

Во втором финале сильнейшей была команда ленинград-

ской школы № 222. За ними места в турнирной таблице заняли шахматисты из челябинской школы № 30, команда школы № 5 литовского города Плунге, команда школы № 3 города Антрацита, команда школы № 3 латвийского города Кулдиги, ребята из школы № 7 города Сумгаита.

В третьем финале победу одержали эстонские шахматисты из небольшого города Вильянди. Они опередили команды школы № 1 поселка Дейнау Чарджоуской области, школы № 19 города Чирчик, ребят из тираспольской школы № 19, школы № 13 города Фрунзе и школы № 17 поселка Московский из Таджикистана.

На соревновании, кроме главных призов, было много других наград.

Специальный приз нашего журнала «За волю к победе имени Льва Кассиля» получили ребята из города Вильянди, мужественно преодолевшие тяжелый груз неудач на старте.

Приз ЦК ВЛКСМ за организованность, пионерскую дружбу и активное участие в общественной жизни был вручен юным сельским шахматистам из Кулябской области Таджикской ССР.

Приз газеты «Пионерская правда» получили ленинградцы.

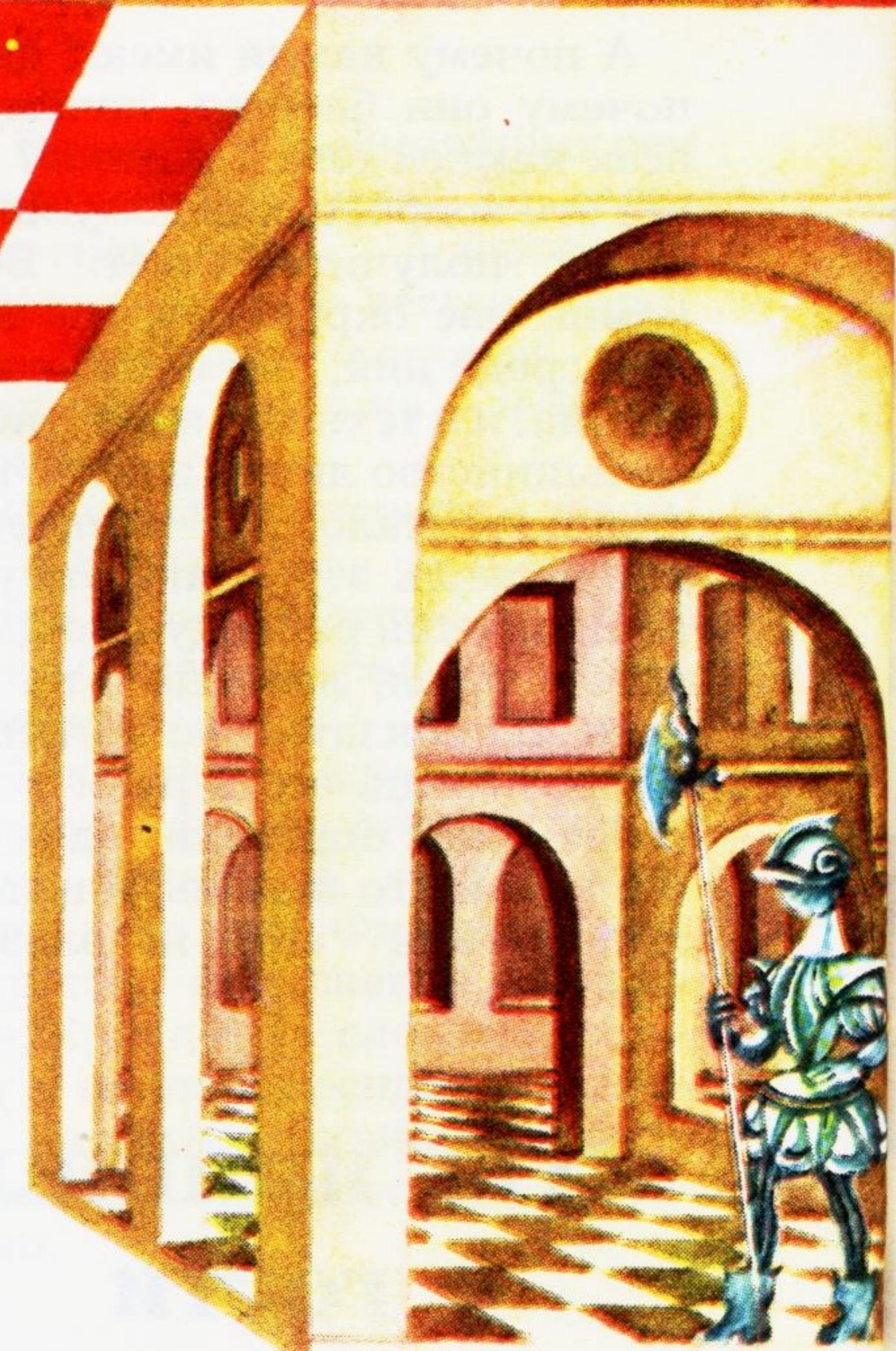
Рекордного личного результата — 9 1/2 очков из 10 возможных — достигли двенадцатилетние перворазрядницы Цира Мерклишвили из Тбилиси и Светлана Матвеева из Фрунзе. Очень хорошо выступила и ленинградская пионерка Кира Леушкина. У нее 9 очков.

Среди мальчиков на первой доске отличились Руслан Щербачков (Челябинск) и Тоомас Валгмяэ (Вильянди). У них по 7 1/2 очков.

На второй доске лучший результат — 7 очков — у Вадима Иванова (Пермь).

На третьей доске победил Сережа Иволин (Пермь) — 8 очков. На четвертой всех соперников опередили Гагик Айрапетян из Еревана и ленинградец Витя Плоткин. У них по 7 1/2 очков.

Результаты ребята показали

высокие. Но не обо всем может рассказать турнирная таблица, она лишь называет победителей и тех, кому на этот раз не повезло. У каждой победы и поражения — свои тайны.

Все были против

Родители Саши Маканина долго были настроены против шахмат. Считали слишком большой нагрузкой для него: запоминать надо многое, все время думать, а Саша серьезно увлекается математикой, что, наверное, неудивительно в их семье, где и дедушка с бабушкой и папа с мамой — математики. Вдруг шахматы помешают?!

Но как-то Геннадий Семенович взял Сашу за руку и привел в шахматную секцию Московского Дворца пионеров. Что поделаешь, если сын все время за шахматной доской, даже ночами. Значит, не просто каприз, а настоящее! Ну, а когда серьезно увлечен каким-то делом, надо учиться.

За три года Саша стал перворазрядником, второй раз принимал участие во всесоюзном финале «Белой ладьи» и в математике шагнул на год вперед, освоил программу следующего класса. Теперь они с отцом вместе собирают шахматную литературу, устраивают семейные блицтурниры и даже на все соревнования ездят вдвоем.

А домой идут телеграммы. Как эта: «Победили Казахстан,

пять — ноль». Когда знаешь, что за тебя волнуются, переживают твои успехи и неудачи, как свои, становится легче.

Когда окончен тур

Таня Сабурова плакала: «Ну, как она могла допустить такую оплошность? И себя подвела и команду...» Эта партия с Цирой Мереклишвили, которая еще не потерпела ни одного поражения, решала: быть или не быть московской команде лидером финала. Ребята были спокойны за Таню, надеялись на ее собранность в игре, умение настроить себя только на победу, да и положение на шахматной доске было выигрышным. Таня сделала шах и тут только поняла, что допустила ошибку.

На ее месте многие бы сделали такой же ход, только в шахматах нельзя, «как многие», надо до конца искать свой вариант. Успокойсья — проиграешь.

Тур кончился, а Таня все еще сидела в игровом зале. Не первый раз она проигрывает, знает, что поражения многому учат, и в следующий раз она уже не сделает такой ошибки. Но это будет потом, а сейчас, как ни обидно, надо держаться достойно. Это самое трудное, потому что еще не утихла досада за проигрыш, и она, сама того не желая, сердится на свою недавнюю соперницу: «Наверное, ликует, победу празднует. Так не хочется ее видеть».

Цира, конечно, была рада успеху. Таня — противник сильный, выиграть у нее партию было нелегко. Но ей всегда жаль своих соперников, потому что она хорошо знает, как тяжело быть побежденным. Шахматы — спорт, а в спорте иначе не бывает.

Победы и поражения

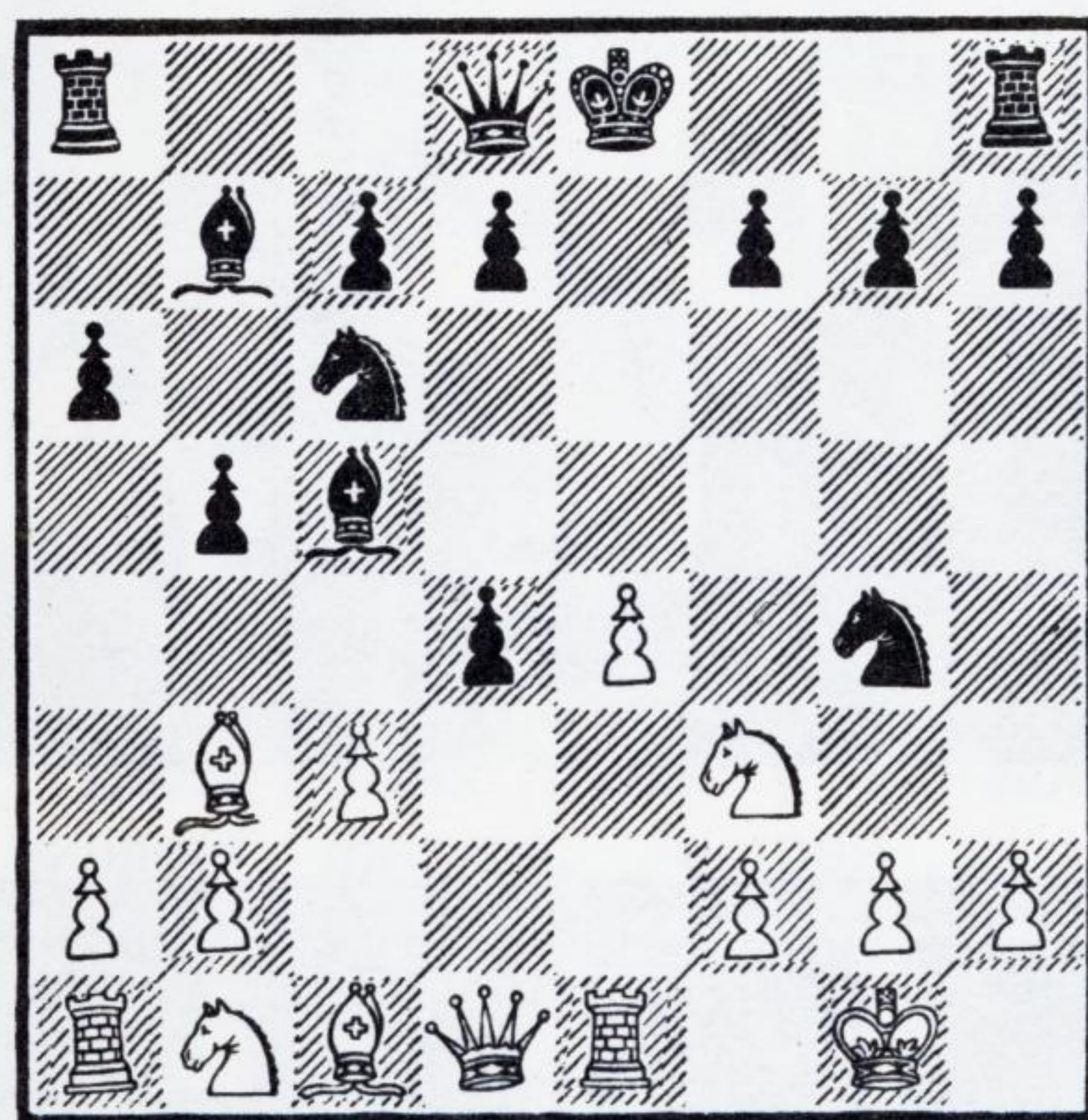
На турнире было сыграно много интересных и красивых партий, с некоторыми из них мы вас сейчас познакомим.

Есть в шахматах такое выражение — «естественный ход». Так называют ходы, казалось бы, само собой разумеющиеся, ходы, которые порой делают без размышлений и достаточной проверки.

И часто случается, что именно эти «естественные» продолжения оказываются губельными. Шахматы требуют умения критически оценивать позицию, все проверять. Лев Николаевич Толстой говорил, что «даже в маленьком деле нужно обдумать все много раз, со всех сторон, прежде чем сделать. Все равно, если будешь рубаху шить или даже просто делать шахматный ход. И если не обдумать, сразу же испортишь — рубахи не сошьешь, партию проиграешь».

Посмотрите, что произошло в поединке между Сережей Белкиным (Чирчик) и Маргусом Раха (Вильянди).

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—b5 a7—a6 4. Cb5—a4 b7—b5 5. Ca4—b3 Kg8—f6 6. 0—0 Cc8—b7 7. Lf1—e1 Cf8—c5 8. c2—c3 Kf6—g4 9. d2—d4 e5:d4.

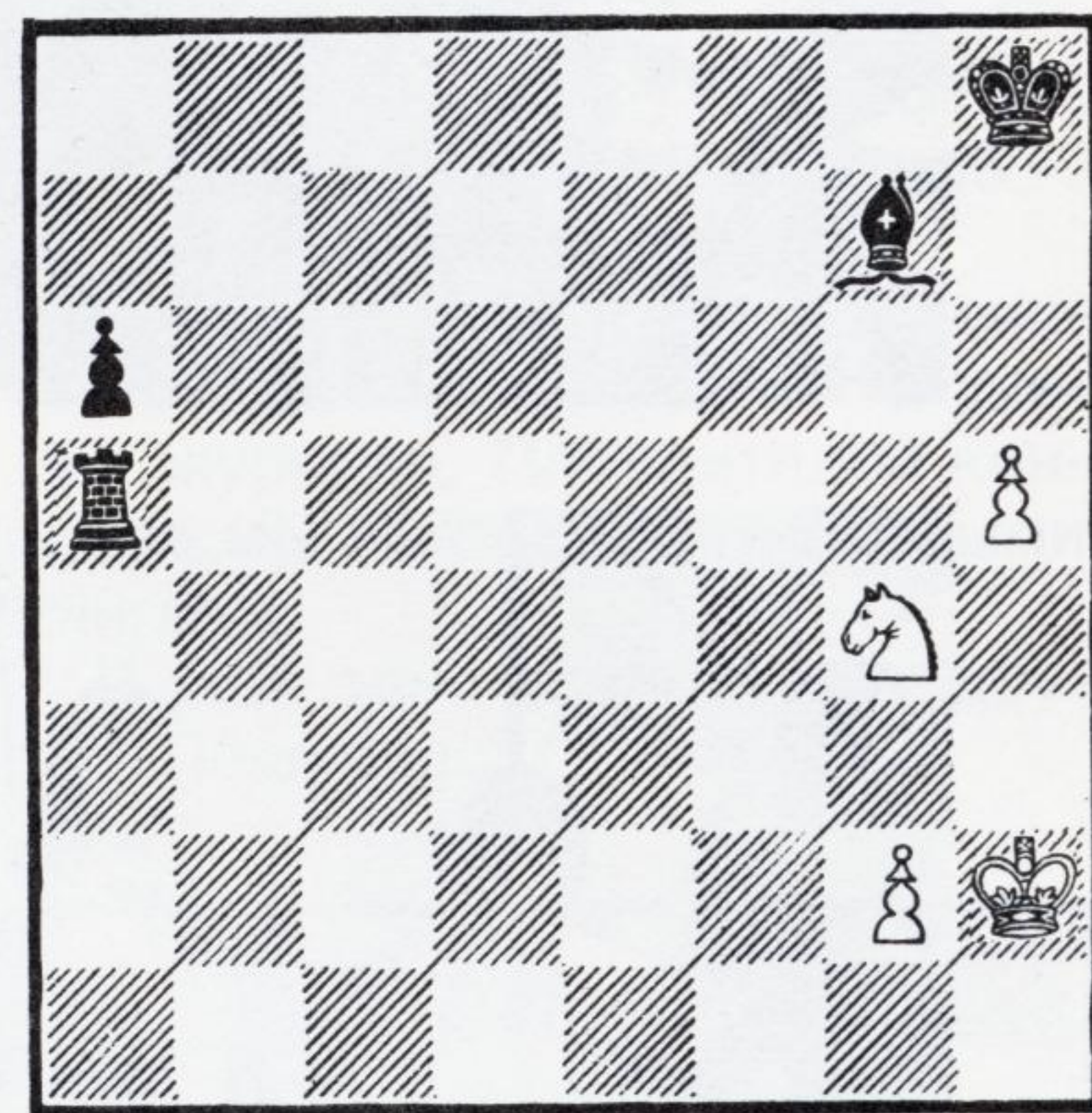
Как здесь играть? Сережа немедленно сыграл 10. c3:d4?, и это привело к беде. Вместо 10. c3:d4 надо было продолжать 10. h2—h3.

События в партии развивались так: 10. ... Kc6:d4! 11. Kf3:d4 Фd8—h4 12. Kd4—f3.

Здесь черные дали мат в три хода.

Найдите, как завершилась борьба?

Эффектно был опровергнут «естественный» ход в партии, которую играли Вася Прокофьев (Москва) и Филипп Толмачев (Ленинград).

Сейчас ход белых, и Вася продвинул пешку вперед: 48. h5—h6! Филипп забрал эту пешку — 48. ... Cg7:h6?, рассчитывая на вариант 49. K:h6 Lh5+ и 50. ... L:h6 с ничьей. Расчет оказался ошибочным, черным надо было играть 48. ... Cd4 с хорошими шансами на спасение.

В партии события развивались так: 49. Kg4—f6!, и черный король неожиданно попал в западню, грозит мат на h7. Пришлось отдать фигуру — 49. ... Ch6—g7 50. Lb7—b8+ Cg7—f8 51. Kf6—d7, и белые добились победы после 51. ... Ла5—b5 52. Lb8:f8+ Kph8—g7 53. Lf8—a8

Награда получена. Чемпионы «Белой ладьи» — команда г. Перми.

Плавание «Белой ладьи» завершено. На фотографиях команды-победительницы после награждения.

а6—а5 54. Кd7—b8 Лb5—b6 55. Кb8—d7 Лb6—b5 56. g2—g4 Кpg7—f7 57. Ла8—а6. Через несколько ходов черные сдались.

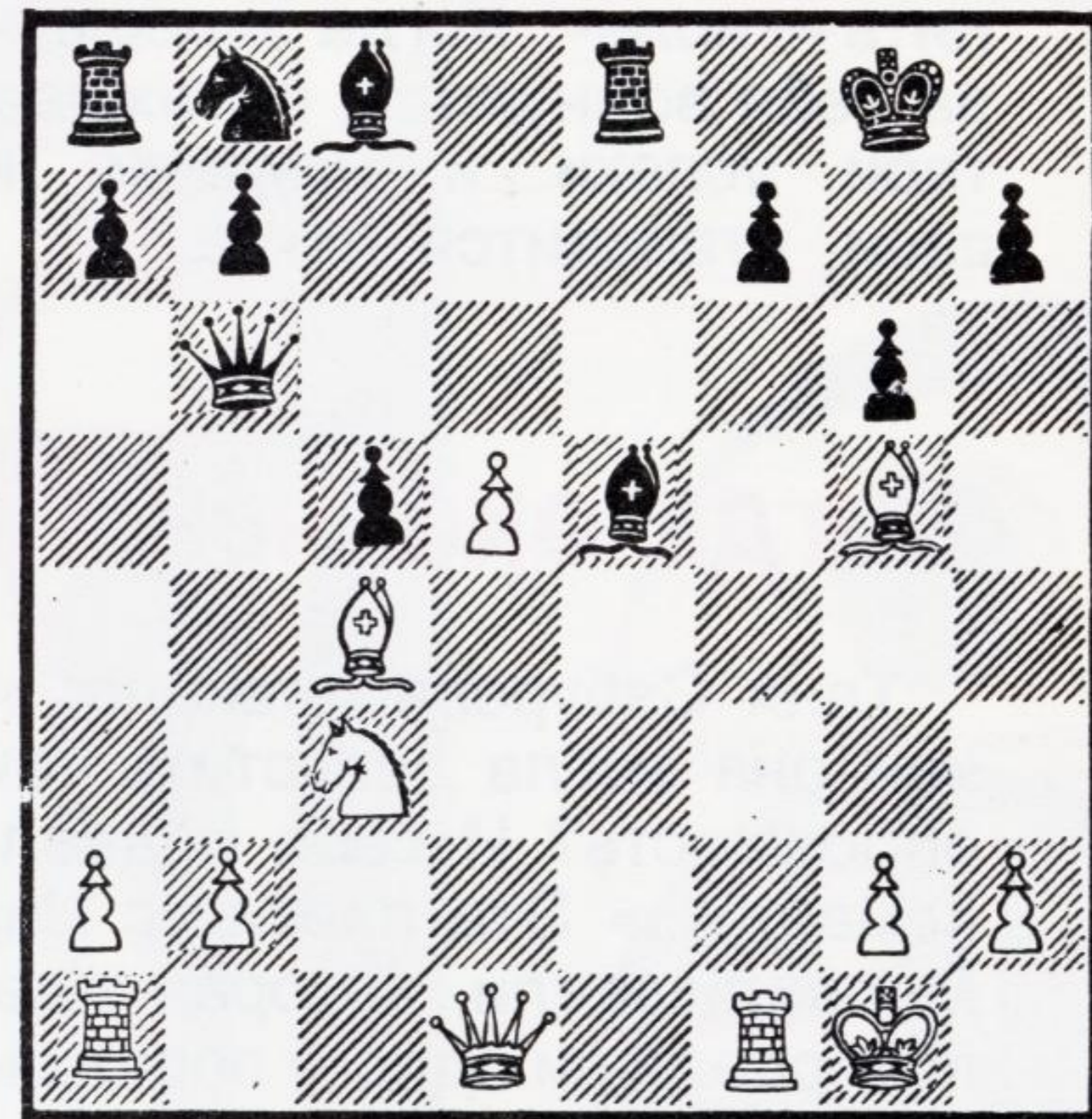
Решительно провел атаку Сережа Иволин (Пермь) в партии с Сашей Маканиным (Москва). Соперники разыграли модный вариант индийской защиты:

1. d2—d4 Кg8—f6 2. с2—с4

с7—с5 3. d4—d5 e7—e6 4. Кb1—с3 e6:d5 5. с4:d5 d7—d6 6. e2—e4 g7—g6 7. f2—f4 Cf8—g7 8. Кg1—f3 0—0 9. Cf1—e2 Лf8—e8 10. e4—e5 d6:e5 11. f4:e5 Кf6—g4 12. Сс1—g5 Фd8—b6 13. 0—0 Кg4:e5.

Плохо было бы 13. ... с4+ 14. Кph1 Кf2+ 15. Л:f2 Ф:f2 16. Ке4, и у белых неотразимые угрозы.

14. Кf3:e5 Сg7:e5 15. Се2—с4.

Возникла исключительно острая и сложная позиция, не раз встречавшаяся в партиях мастеров. За пешку у белых опасная инициатива. Практика показала, что здесь лучше всего защищаться, продолжая 15. ... Ф:b2, и если 16. d6, то 16. ... Лf8. Но Саша сыграл иначе:

15. ...f7—f6? 16. d5—d6+ Сс8—e6 17. Кс3—d5! Се5—d4+.

Положение черных сразу стало критическим. Плохо было 17. ... Ф:d6 из-за 18. К:f6+.

18. Кpg1—h1 (возможно и 18. Ф:d4 ed 19. К:f6+. Советуем вам самостоятельно разобрать возникающие варианты) 18. ... Се6:d5 (или 18. ... Ф:d6 19. Л:f6!) 19. Сс4:d5+ Кpg8—g7 20. Сg5:f6+! Cd4:f6 21. Лf1:f6 Кpg7:f6.

У черных лишняя ладья, но их фигуры расположены плохо, а король под огнем неприятельских сил.

22. Фd1—f3+ Кpf6—g5 23. h2—h4+ Кpg5—h6 (к мату ведет 23. ... Кp:h4 24. Фf4+ и т. д.) 24. Фf3—f4+ Кph—g7 25. Фf4—f7+ Кpg7—h6 26. Фf7:e8 Фb6:d6 27. Cd5:b7 Фd6—f6 28. Фе8—e3+ Кph6—g7 29. Фе3—с3. Черные сдались.

Поучительная партия. Она ясно показывает, что острые и сложные дебютные схемы нельзя играть, полагаясь только на книжки. Различные варианты в таких дебютах надо проверять самому, намечая пути ведения атаки и организации защиты.

Саша не справился с трудностями.

В связи с этим возникает и такой вопрос: какие дебюты надо применять? Многие ребята рассуждают примерно так: «Этот дебют избирает Карпов, значит, он хороший, и я тоже стану его применять».

Представьте себе, что получится, если, к примеру, начинающий пианист станет играть сложные произведения, требующие виртуозного исполнения. Правда, ведь ничего хорошего...

Так же нередко бывает и в шахматах. Сложные стратегические позиции, на которые идет гроссмейстер, зачастую противопоставлены недостаточно опытным и сильным шахматистам.

Высокую оценку игре двенадцатилетнего перворазрядника Руслана Щербакова (Челябинск) дал гроссмейстер В. Тукмаков, возглавлявший комиссию по присуждению призов за лучшие партии. Посмотрите, как Руслан провел белыми наступление против школьника из г. Антрацита Олега Одинца.

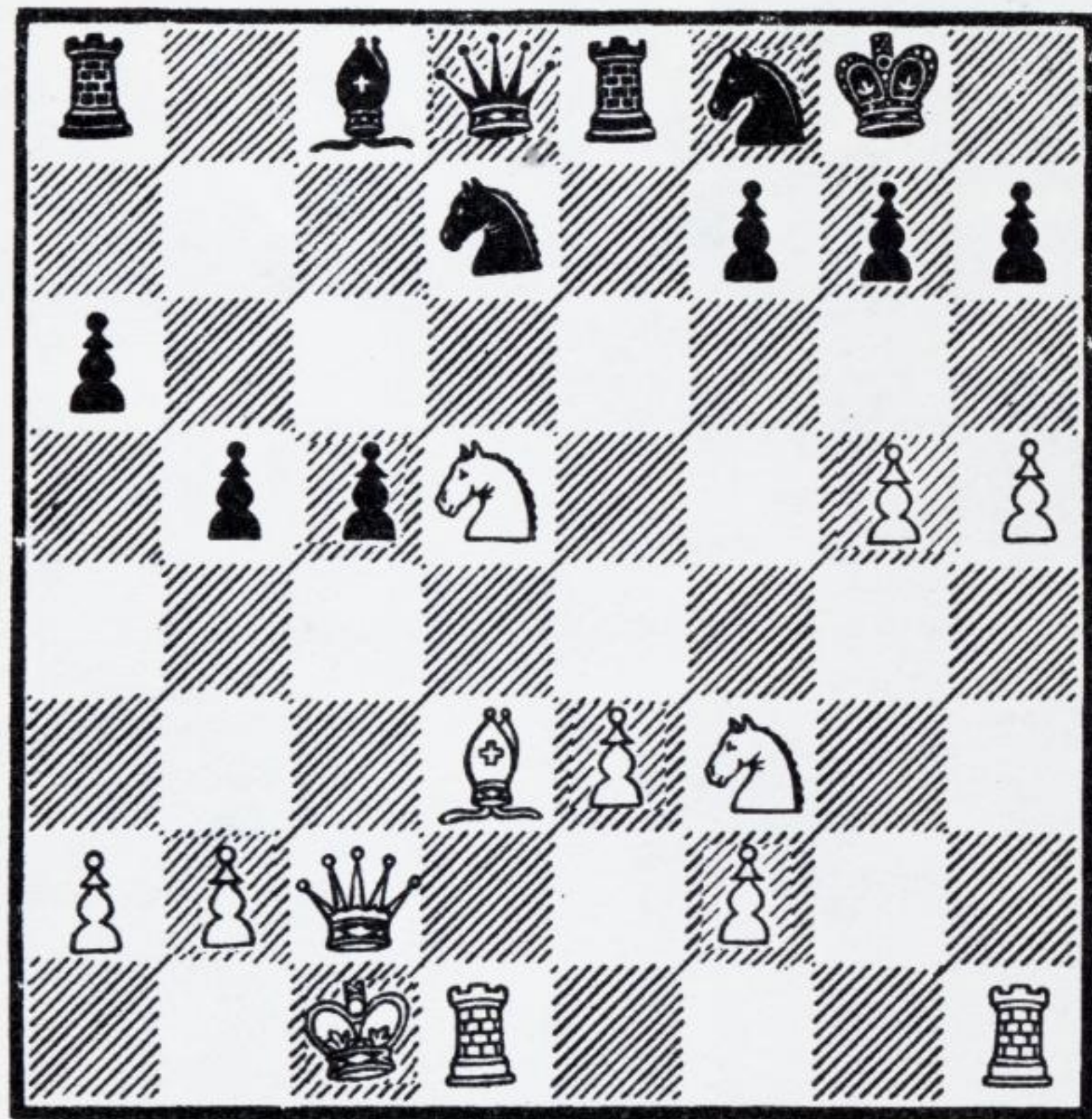
1. d2—d4 Kg8—f6 2. Kg1—f3 e7—e6 3. c2—c4 Cf8—e7 4. Kb1—c3 d7—d5 5. Cc1—g5 Kb8—d7 6. e2—e3 0—0 7. c4:d5 Kf6:d5 8. Cg5:e7 Kd5:e7.

Ошибочное решение. Правильно было 8... Ф:e7 и затем c7—c5.

9. Cf1—d3 Ke7—g6 10. Фd1—c2 a7—a6 11. h2—h4!

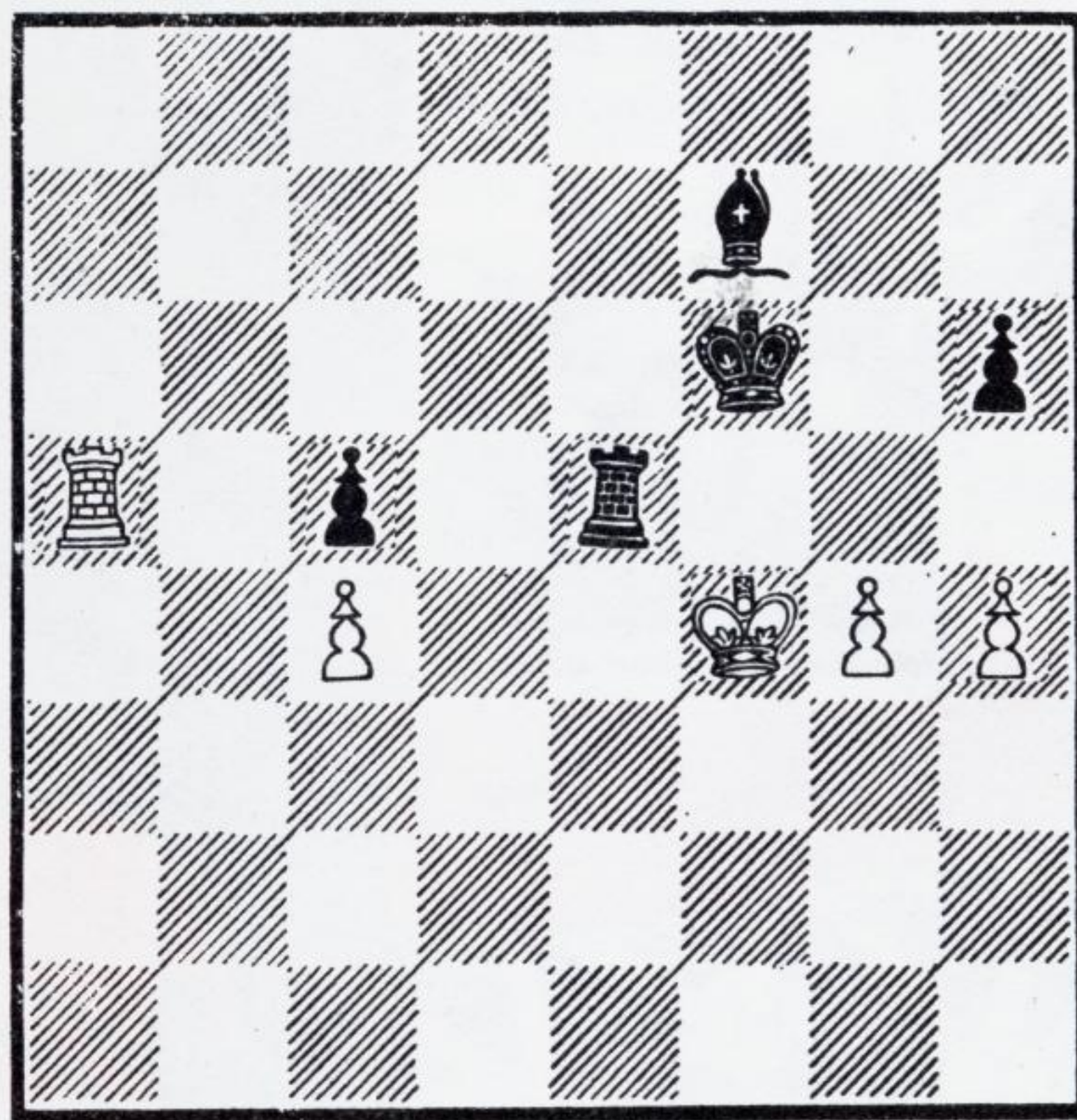
У белых перевес в развитии, и они, используя это, предпринимают опасный штурм королевской крепости.

11... Лf8—e8 12. h4—h5 Kg6—f8 13. 0—0—0 Фd8—e7 14. g2—g4 c7—c5 15. g4—g5 b7—b5 16. d4—d5 e6:d5 17. Kc3:d5 Фе7—d8.

18. g5—g6! f7:g6 19. Cd3—e4 Ла8—b8 20. h5:g6 h7—h6 21. Kd5—f4 Cc8—b7 22. Ce4:b7 Лb8:b7 23. Фc2—d3 (последовательно и сильно, грозит 24. Фd5+) 23... Фd8—c7 (ладья защищена, но все равно шах на d5 губителен) 24. Фd3—d5+ Kpg8—h8 25. Лh1:h6+! g7:h6 26. Фd5—f7. Черные сдались.

В шахматах очень много возможностей, поэтому, даже когда на доске остаются считанные фигуры и пешки, надо тщательно продумывать позиции. Вот, например, окончание партии, игранной Андреем Белкиным (Чирчик) и Игорем Строкиным (Ленинград).

Дела белых плохи: у черных лишняя фигура. Андрей дал «разведывательный» шах ладьей—52. Ла5—a6+.

Как парировать этот шах? Игорь допустил неточность, он ответил 52... Cf7—e6?, и после 53. Ла6—c6! у черных нет полезных ходов. Далее было 53... Ле5—e1 54. g4—g5+, и противники согласились на ничью.

Как установили сами ребята при анализе партии, черные могли добиться победы, продолжая 52... Ле6!, например, 53. g5+ Kpg6 54. Л:e6 С:e6 55. Кре5 С:c4 56. Kpd6 h5! и т. д.

И в заключение нашего рассказа о творчестве участников тринадцатого финального турнира клуба «Белая ладья» партия для самостоятельного анализа. Лучшие ваши работы будут отмечены премиями.

Попробуйте прокомментировать поединок между Резо Какабадзе (Тбилиси) и Валерием Жегриным (Могилев).

Укажите сильные и слабые ходы обоих противников. Почему черные проиграли эту партию?

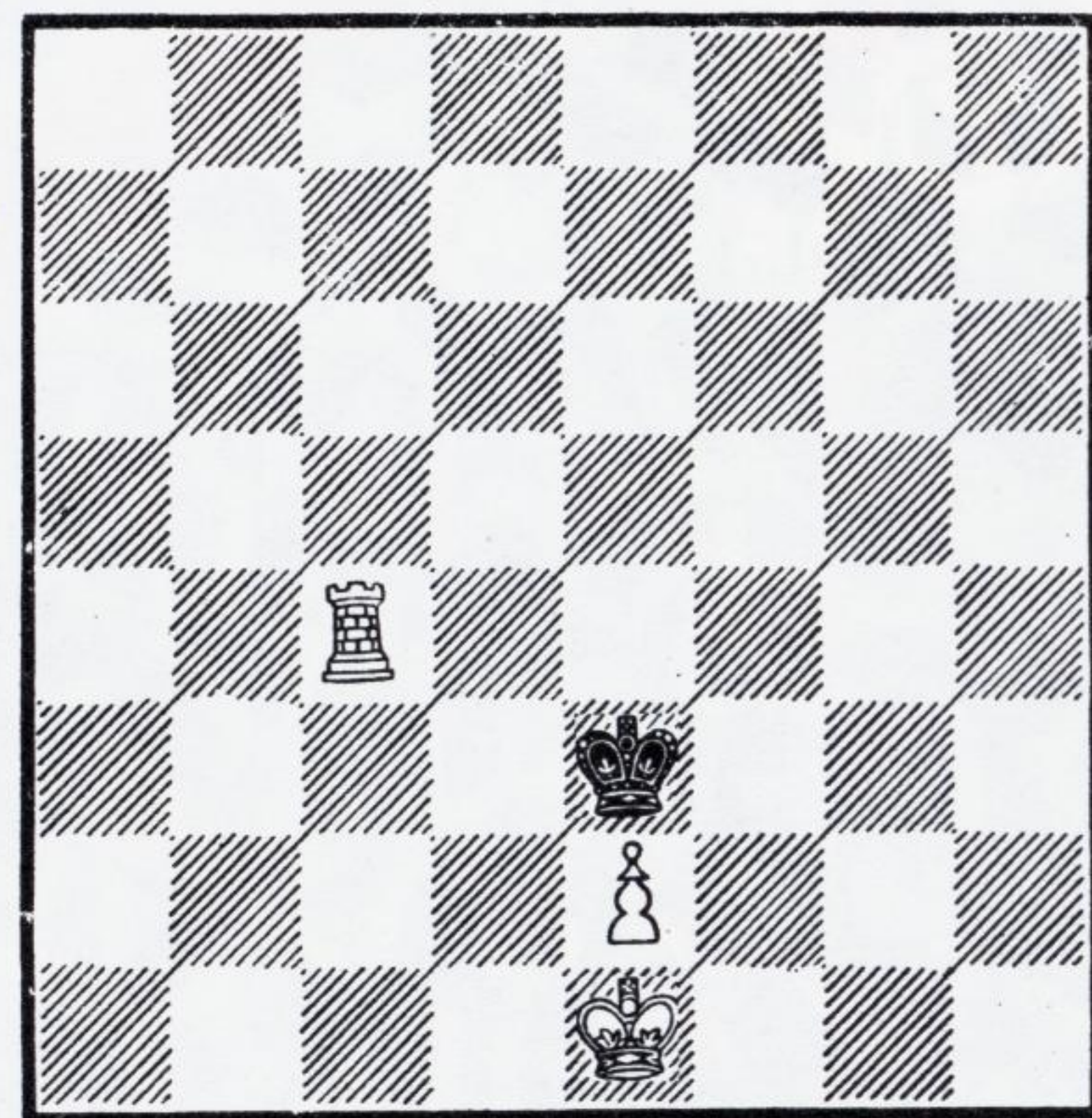
Сицилианская защита

1. e2—e4 c7—c5 2. Kg1—f3 d7—d6 3. d2—d4 c5:d4 4. Kf3:d4

Kg8—f6 5. Kb1—c3 a7—a6 6. Cf1—c4 e7—e6 7. 0—0 b7—b5 8. Cc4—b3 b5—b4 9. Kc3—a4 Kf6:e4 10. f2—f4 Ke4—c5 11. Ka4:c5 d6:c5 12. Фd1—f3 Ла8—a7 13. f4—f5 Фd8:d4+ 14. Cc1—e3 Фd4—f6 15. Фf3—g3 Kb8—d7 16. f5:e6 Фf6—g6 17. e6:d7+ Ла7:d7 18. Фg3—e5+ Kpe8—d8 19. Ce3—g5+ f7—f6 20. Лf1:f6 g7:f6 21. Cg5:f6+ Cf8—e7 22. Cf6:e7+ Лd7:e7 23. Ла1—d1+ Ле7—d7 24. Фе5:h8+ Kpd8—c7 25. Фh8—e5+ Kpc7—b7 26. Лd1:d7+ Cc8:d7 27. Фе5—c5 Фg6—g4 28. Cb3—d5+. Черные сдались.

Срок присылки примечаний—два месяца после получения журнала. Победителей конкурса мы наградим шахматными книгами.

И еще одно задание для друзей Пешкина.

В этой задаче главный герой—белая ладья. Найдите, как, начиная игру, белые дают мат в четыре хода.

Пешкин ждет ваших писем, дорогие ребята!

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

ПРИШЛИТЕ ТЕЛЕГРАММУ!

Игры Луны и Тинзета

Поразмысли и слетай
Из Руанды в Уругвай.
Где ты сделаешь посадку,
Телеграммой передай!

Примечание: посадка будет в той стране, название которой составит из букв, собранных на всем протяжении пути по лабиринту.

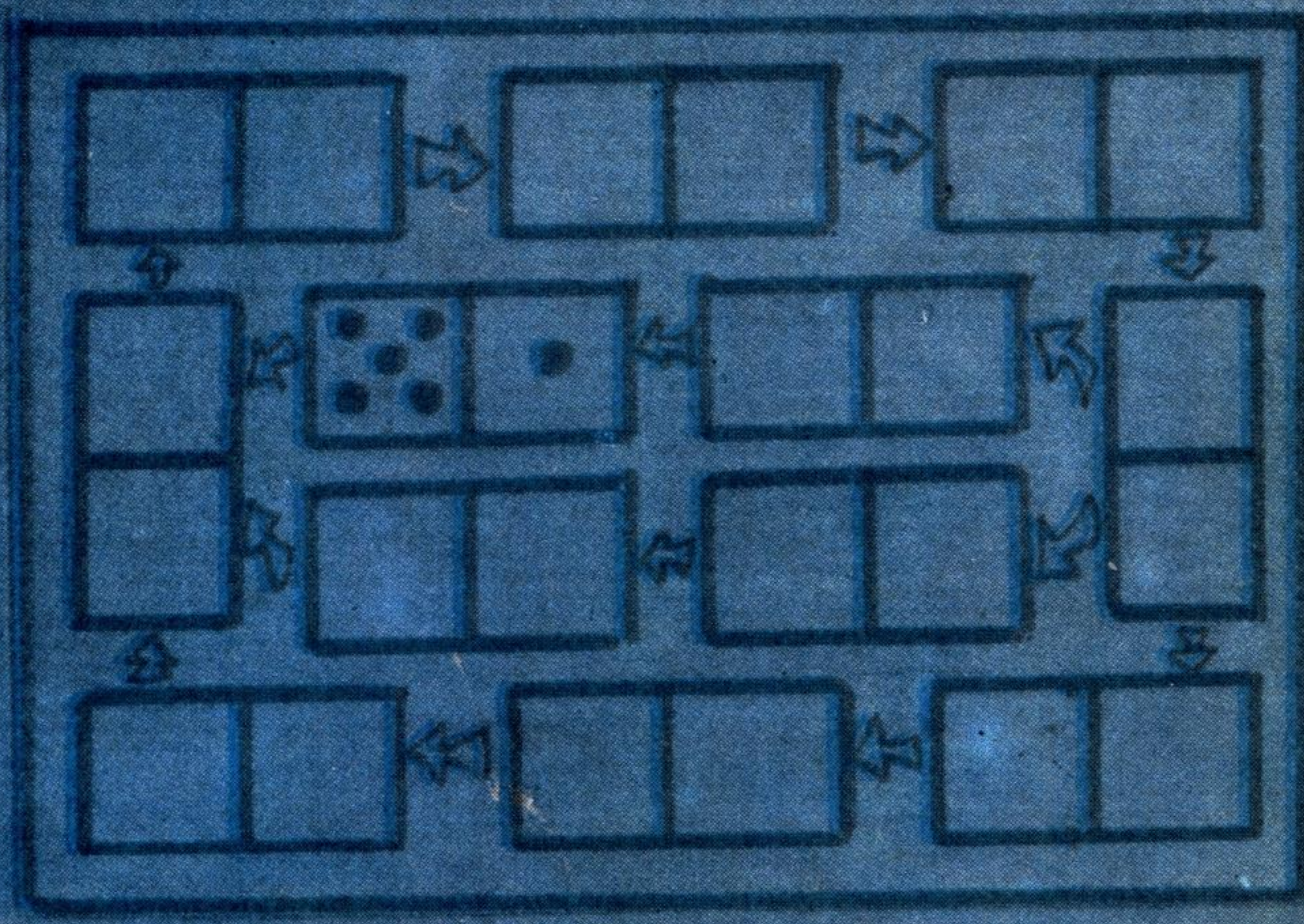
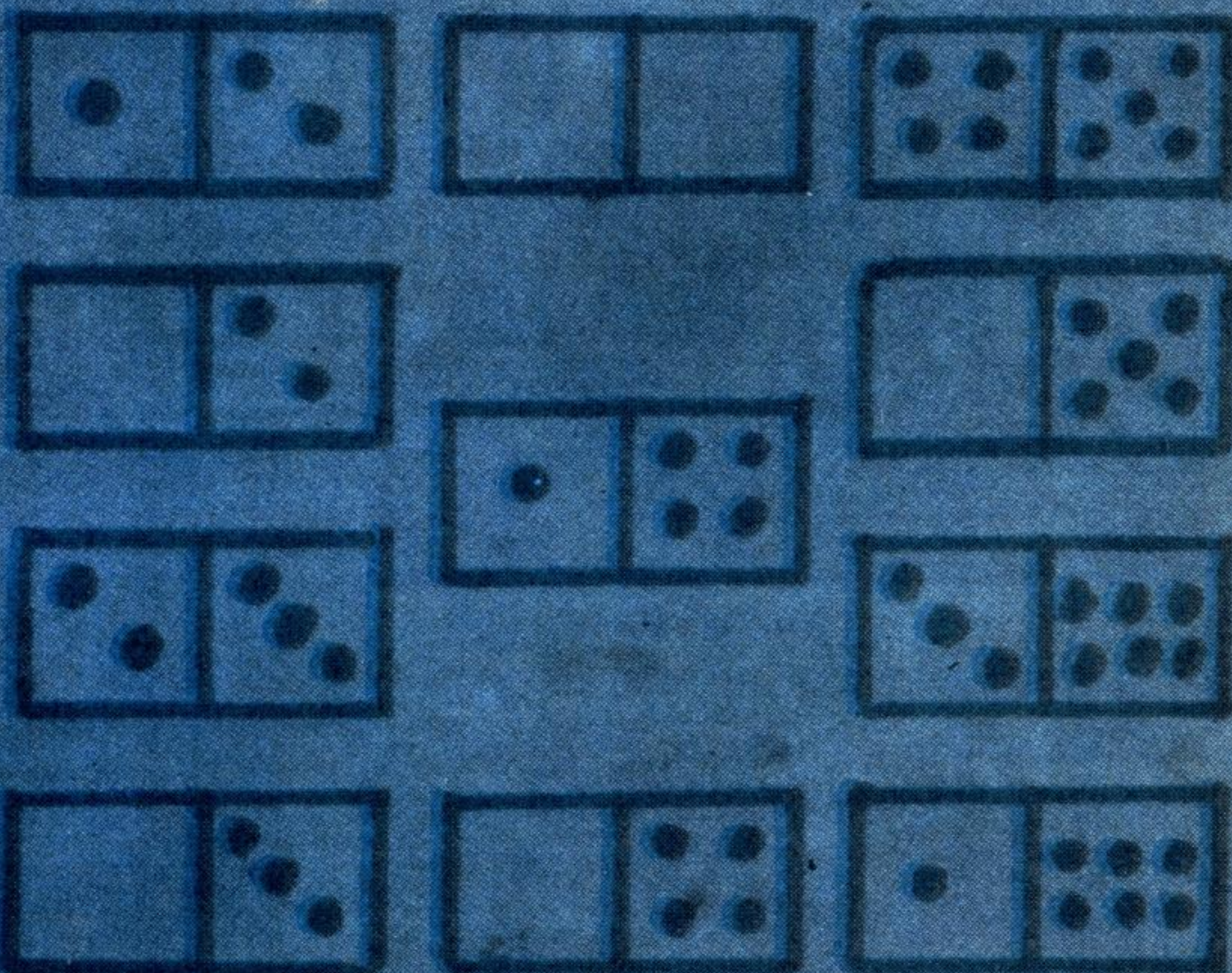
ДОМИРИНТ

Живживкины загадки

Унылый дождь стучит в окно,
Но я-то не скучаю:
Сижу, играю в домино,
Я сам с собой играю.
А если хочешь: стул бери,
Сядь со мною рядом
И в любопытный домиринт
Вникай смысленным взглядом!

Живживка.

Примечание: мы с тобой должны расположить все одиннадцать домино так, чтобы на половинках, соединенных стрелками, были одинаковые количества очков. В ответе сообщите, где у вас окажется фишка «пусто-два».

задачи попугая

Игры деда Буквоеда

Довольный вид у попугая:
Две буквы каждый раз меняя,
Без помощи волшебных сил
Он зебру в мышку превратил.

Illustration of a giraffe on the left. A large yellow question mark is next to it.

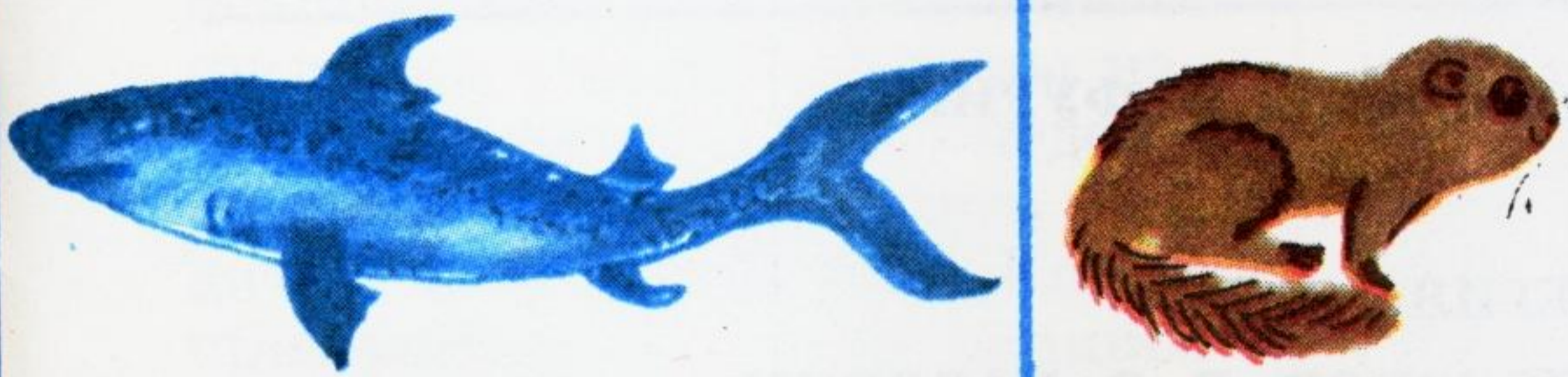
Illustration of a squirrel in a tree and a woodpecker on a branch.

Illustration of a ram.

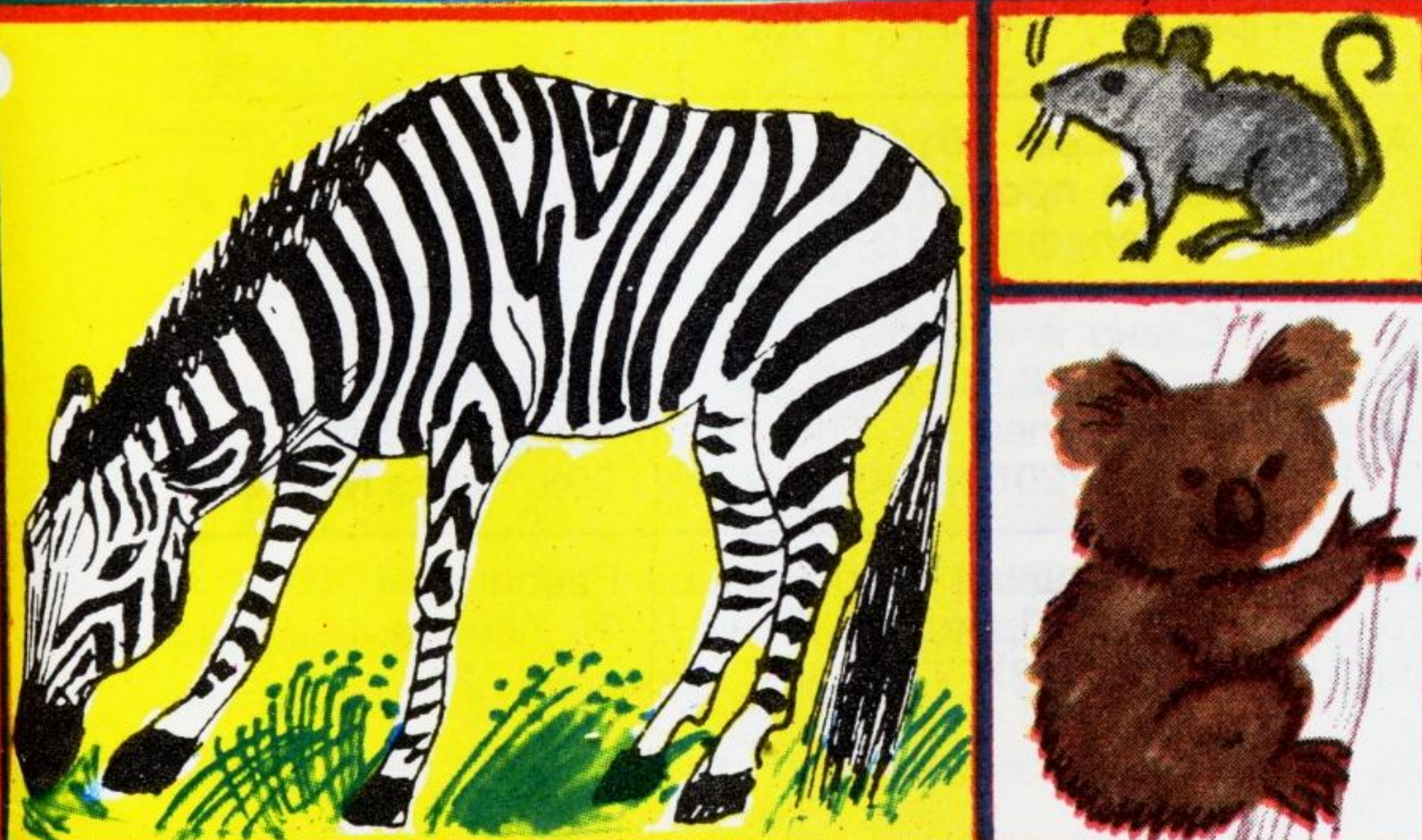
A 3x3 grid with a blue question mark to its left:

з	е	б	р	а

Below the grid, the word "мышка" is written in a stylized font.

(Вам для разминки и для встряски
Даны наглядные подсказки).

КАПИТАН

Леро

ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

ПРО СОБАК,
КОТОВ, УЖЕЙ,
~~КРОКОДИЛОВ~~
ЧИЖЕЙ.

Эта задача была сначала
очень трудной, но когда я
вычеркнул «крокодилов»,
она стала проще, и я думаю,
что вы сможете в ней разо-
браться.

10

У пяти друзей, юных натура-
листов, есть крылатые, четве-
роногие и ползучие питомцы.
Я могу вам сказать, что общее
число их голов равно 10, а
числ лап 30.

30

Знайте также, что собак
больше, чем котов. Собаки
есть только у двух юннатов, и
у владельцев собак также по
крайней мере по одному коту.

У Чука — чиж, собак он не
любит. Гек владеет четырьмя
ногами и одной головой (не
считая собственных). У Глеба
и Кима одинаковое число жи-
вотных, и в сумме у их люби-
мцев одинаковое число ног. У
Дика нет ни собак, ни котов,
ни чижей.

У кого какие питомцы?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 9

Игры Лупы и Пинцета

Кроссмарк. Первый ход по верти-
кали — АЛЖИР.

Игры деда Буквоеда

Слоговица. Ответ таков: в этой
схеме зашифрованы две пословицы:
«Не сразу Москва строилась» и «Вол-
ков бояться — в лес не ходить».

Тимуровец всегда!

Когда беседеешь с Иосифом Исааковичем Вулом, когда слышишь его негромкий, глуховатый голос, то трудно представить, что у этого скромного, сугубо штатского человека героическая биография.

Летом 1941 года Иосиф Вул с отличием окончил Киевский университет. Грянула война. Из-за слабого зрения Вула не брали на фронт. Но он добился своего и попал на передовую — в пехоту.

В дни штурма Берлина произошел удивительный случай, о котором потом писали газеты. 1 мая 1945 года в подвале замка кайзера Вильгельма советскими солдатами было найдено красное знамя. На его полотнище было вышито: «Смена смене идет» и «Будь готов!». Это было советское пионерское знамя. Как оно попало в этот подвал, никто объяснить не мог... Ожидался штурм рейхстага. И Вул, комсорг полка, спрятал алое пионерское знамя у себя на груди.

Вместе с передовым отрядом он пошел на штурм. В числе первых достиг Бранденбургских ворот, которые находились в считанных метрах от рейхстага. Под непрерывным огнем фашистов знамя было водружено на самой высокой точке этих ворот... Когда закончилась война, старший лейтенант Вул вручил легендарное знамя ребятам из школы № 123 города Киева.

В 1962 году подполковник Иосиф Исаакович Вул, удостоенный двенадцати правительственных наград, вышел в отставку и стал работать в школе в селе Подберезцы под Львовом. Здесь он создал известный теперь клуб «Звезда Гайдара».

Это необычный клуб. Ребята помогают ветеранам войны и труда. Ведут литературный поиск.

Иосифу Исааковичу Вулу, талантливому педагогу, члену Всесоюзного штаба Тимура, председателю Совета наставников при Штабе Тимура города Львова, исполнилось шестьдесят лет.

Редакция журнала «Пионер» и Всесоюзный штаб Тимура горячо поздравляют его, желают здоровья, радости и новых больших удач.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

1 января 1982 года цена за экземпляр нашего журнала устанавливается в размере 30 коп.

Это связано с увеличением стоимости бумаги для печати, затрат на полиграфическое исполнение и доставку журнала подписчикам.

Стоимость годовой подписки 3 руб. 60 коп.

СОДЕРЖАНИЕ

Тетрадь в линейку.—Поэма В. Скомаровского. Рисунки Л. Хачатряна.....	Побл.
Про нашу советскую жизнь	
Что такое творческая профессия?—Пресс-конференция в отряде «Каравелла» и разговор после нее. Фотографии Л. Баранова.....	3
Фотолетопись «Пионера»	
Вместе с рабочими и крестьянами.—Фотографии В. Гусева.....	6
Боевой приказ. Винтовка. Первая смерть.—Рассказы А. Гайдара.....	8
Сами о себе.....	13, 31
Всесоюзный штаб Тимура	
Музей на Второй Фрунзенской.—И. Андрианова. Фотография П. Асаульченко.....	14
Выше голову, сынок!—Главы из повести В. Крюкова. Рисунки С. Трофимова.....	16
Рассказ новосела.....	26
Международный пионерский клуб «Товарищ».....	27
Улица—моя, дома—мои.—Рисунок Е. Шабельника.....	31
Маршрутами одиннадцатой пятилетки	
НТТМ-81: новые экспонаты.—С. Николаев.....	34
Новый сосед.—Стихотворение А. Леонтьева.....	35
Школа умелых хозяев.....	36
Красная тетрадка.—Рисунок С. Артамонова.....	39, 53
«Кораблик».....	40
Путешествие в Спортландию.....	42
Ученье—твой главный труд	
Мы читаем стихи.—В. Приходько. Рисунки Ю. Рогозина.....	46
Как появилась у меня звериная «семья».—Н. Дурова.....	49
Старая арба. Орлы. Солнце людям остается. Светлячок.—Стихи З. Халила.....	55
Что нам читать?—Ведет А. Друянова.....	56
В стране шаха—владыки черных и белых полей.—М. Юдович, Т. Юрьева. Фотографии Г. Дубейковского.....	58
Ума палата.....	62
Всесоюзный штаб Тимура.....	64
«Переменка».—Рисунок Е. Шабельника.....	Ш обл.
Здравствуй, вожатый!—Песня. Музыка А. Берлина. Стихи Р. Фархади. Рисунок Д. Барабаша.....	IV обл.

На обложке:

Этих ребят из школы № 10 города Клина только что приняли в пионеры в Музее В. И. Ленина.—Фотография Б. Задвиля.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, В. П. КРАПИВИН, С. Л. МАКЕЕВ (ответственный секретарь), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), И. Н. ХРИСТОВАЯ (редактор отдела коммунистического воспитания), Ю. М. ЧИЧКОВ.

Редактор отдела оформления А. М. ГРИШИН.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет Ю. Л. РОДИНА.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1981.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 31.07.81.

Подписано к печати 19.08.81. А 11262. Формат 84×60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1720000 экз. Изд. № 2098. Заказ № 1085.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКИ

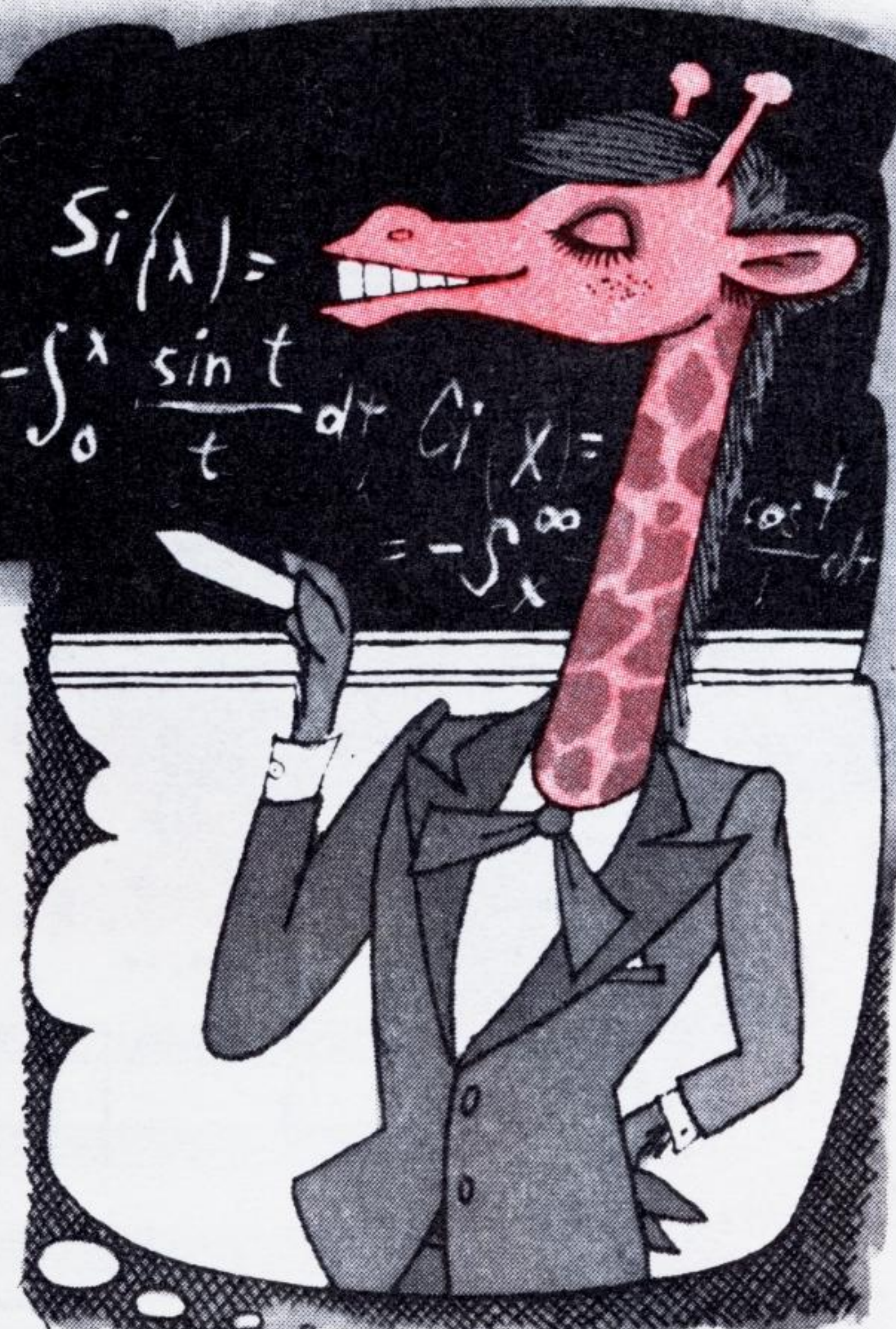
Постоянные читатели «Переменки» не всегда представляют, что любит или что умеет делать актер. Например, все ребята были уверены, что Михаил Боярский — прирожденный наездник. А оказалось, что лошадей он вообще всю жизнь боялся и только съемки в фильме «Три мушкетера» заставили его научиться сидеть в седле, как настоящий гасконец. Или: решительно все ребята считали, что Андрей Миронов с самого детства снимался в кино всегда удачно и смешно. А он рассказал на страницах «Переменки», как трудно и даже неудачно началась его «карьера» в кинематографе. Поэтому, собрав все ваши письма, адресованные на этот раз артисту театра «Современник» **Константину РАЙКИНУ**, мы попросили нашего корреспондента **Людмилу ДУБРОВИЦКУЮ** узнать, что соответствует истине, а что нет.

Корреспондент. Ребята, видевшие вас в телевизионных фильмах, считают, что вы начали танцевать на неделю раньше, чем научились ходить... И в самом деле, Костя, признайтесь, вы были лучшим танцором в школе и в детском саду?

К. Райкин. Лучшим танцором? Нет, что вы! В школьные годы я совсем не умел танцевать. И всегда завидовал мальчишкам, которые не пропускали на вечерах ни одного танца. Я же обычно стоял возле стеночки. Помню, мне нравилась в школе одна девочка. И однажды на вечере она подошла ко мне и пригласила на танец. Я страшно растерялся. Сказал, что мне не хочется танцевать... А сам был в отчаянии!..

Корреспондент. Но вы хотя бы увлекались в школе спортом? Ребята в этом не сомневаются...

К. Райкин. Во всяком случае, я одно время мечтал стать замечательным спортсменом и поехать на Олимпиаду. На меньшее я не был согласен.

Даже начал заниматься прыжками в длину. Правда, если ко мне присмотреться, каждый, хоть что-то понимающий в легкой атлетике, скажет, что для этого у меня нет данных. И все-таки я кое-чего добился. Стал даже кандидатом в мастера спорта, прыгал за семь метров. Правда, как утверждали друзья, четыре метра я летел на способностях, остальные три на самолюбии. Я не любил проигрывать. Но все-таки в конце концов мне пришлось себе признаться, что олимпийским чемпионом я не стану.

Корреспондент. Но на школьной сцене вы играли?

К. Райкин. Мне жаль огорчать и вас и ребят, но все было не так. Из всех предметов я больше всего любил математику. И не стал математиком только потому, что увлекся всерьез биологией. Я собирался после окончания школы пойти учиться на биологический факультет Ленинградского университета...

Корреспондент. Мне уже на-

чинает казаться, что вы нас разыгрываете.

К. Райкин. Нисколько. Я говорю совершенно серьезно. По-настоящему меня увлекли в школьные годы именно животные. Это, если хотите, была моя страсть. Очень много времени я проводил в зоопарке. Вел научную работу в детской секции при зоопарке и больше всего любил ухаживать за зверями, чистил клетки. И многие обитатели зоопарка очень привыкли ко мне...

Корреспондент. А театр?

К. Райкин. ...И актером мне помогли стать именно животные или, вернее, моя любовь к ним, умение наблюдать их жизнь, их привычки, повадки.

Мысли о театре возникали у меня, конечно, с детства. Но я гнал от себя эти мысли с такой же силой, с какой они у меня возникали. Я всегда испытывал колоссальное уважение к актерскому труду. Ведь я прекрасно видел, как работают отец и мать, каких сил стоит каждое выступление на сцене. Нет, я решительно предпочитал свою работу в зоопарке! И поворот от него к театру был неожиданным и дерзким. Когда я окончил школу, мне было 15 лет. Родители были на гастролях, и я внезапно для себя и для них решил попробовать: а почему бы мне не поступить на актерский? И думаю, что я не сдал бы экзамена в театральное училище имени Щукина, если бы не... изображал перед приемной комиссией собаку, жирафа, даже тигра! Без них, моих старых знакомых из зоопарка, которых я так хорошо знал, меня бы не приняли.

Корреспондент. Откуда же все-таки появились ваше умение танцевать, ваши пластика и спортивность движений — все то, что так нравится зрителям?

К. Райкин. Всему этому пришлось учиться уже в студенческие годы. Это непросто, но без этого актера не бывает. Труд актера — действительно громадный и повседневный труд. Но его нельзя не любить. В театре — мои роли, мои герои, мои друзья — они на сцене и в зале. Театр — это мой дом.

Но и своей любви к нашим братьям меньшим, к животным, я не изменил. Недавно я поставил на сцене молодежный спектакль по известной всем ребятам книге Киплинга «Маугли».

